

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михайловъ Каѣеновскимъ.

ЧАСТЬ LV.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1811.

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 1. ЯНВАРЬ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Отрывокъ изъ LIII главы Гиббоновой Истории объ уладкѣ и разрушеніи Римской Имперіи.

Забвеніе Латинскаго языка. Греческіе императоры и подданные ихъ удерживаютъ и присвоиваютъ себѣ названіе Римлянъ. Періодъ невѣжества. Возстановленіе Греческой учености. Упадокъ вкуса и гения. Недостатокъ въ соревнованіи.

Извѣстнымъ повелѣніемъ Каракаллы всѣмъ подданнымъ, обитающимъ въ Имперіи отъ края Британіи до предѣловъ Египта, присвоены имя и преимущества Римлянъ, и обладатель ихъ могъ назначить для себя мѣсто случайнаго или постояннаго пребыванія въ каждой провинціи общаго ихъ отечества. По отдѣленіи Востока отъ Запада, мнимое единство бы-

ло сохраняемо въ строгой точности. Преемники Аркадія и Гонорія въ пишлахъ своихъ, законахъ и постановленіяхъ объявляли себя нераздѣльными соправителями, соединенными владыками Рима и цѣлой Имперіи, вмѣщающей въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ. По разрушеніи Западной Монархіи достоинство Императорское принадлежало единственно государямъ Константинопольскимъ. Юстиніанъ паки приобрѣлъ обладаніе древнимъ Римомъ по шестидесяти - лѣтнемъ лишеніи, и первой онъ, по праву завоеванія, утвердилъ за собою августѣйшее званіе Римскаго Императора. Одинъ изъ преемниковъ его, Константинъ Второй, по честолюбію или по неудовольствію, желалъ оставить Фракійскій Восторъ и возвратитъ прежнюю славу Тибру. Безразсудное намѣреніе! съ досадою восклицаетъ одинъ Византійскій писатель: ограбитъ прекрасную и цвѣтущую дѣвицу, для того чтобы убраться, по ещѣ выславивъ на позоръ, престарѣлую, покрытую морщинами старуху. Но мечь Лонгобардовъ противился преселенію въ Италію: Императоръ вошелъ въ Римъ не побѣдителемъ, но какъ ищущій въ бѣгствѣ своего спасенія. Онъ пробылъ въ немъ двенадцать дней, ограбилъ его и навсегда оставилъ древнюю столицу міра. Послѣдній мятежъ и конечное ошдѣленіе Италіи случились двѣсти

лѣтъ спустя послѣ Юстиніанова завоеванія, и время правленія сего монарха можно полагать началомъ поспешеннаго забвенія Латинскаго языка. Законодатель предложилъ свои Институціи, Кодексъ и Пандекты на Латинскомъ языкѣ, которой признанъ отъ него общенароднымъ глаголомъ Римскаго правительсва, и торжественно провозглашенъ языкомъ Византійскаго двора и сенапа, военныхъ становъ и судилищъ на Востокѣ. Но сей чуждый языкъ невѣдомъ былъ народу и воинамъ Азійскихъ провинцій; самые исполкователи законовъ и чиновники государственныя разумѣли его несовершенно. Послѣ короткаго бореія на шура и привычка одержали верхъ надъ слабостію посплановленій власпи человѣческой: для общаго употребленія всѣхъ своихъ подданныхъ Юстиніанъ обнародовалъ Новые Законы уже на обоихъ языкахъ; разныя части просланнаго законодательсва его, одна послѣ другой, были переложены; подлинники приходили въ забвеніе; переводы становились часъ отъ часу болѣе употребительными, и языкъ Греческій, имѣвшій неопшемлемое превосходство по существенному своему достоинству, содѣлался языкомъ правительсва и всего народа въ Монархіи Византійской. Языкъ Римскій становился чуждымъ для послѣдующихъ государей, воспитанныхъ и жившихъ

въ Константинополь: Аравиляне почитали Тиверія, какъ Испаліянцы Мавринія, первымъ Греческимъ Кесаремъ, основателемъ новой династїи и самой даже Имперїи: превращеніе языка пихо и само собою окончилось еще до смерти Ираклія, и оспашокъ Лашинскаго едва сохранился въ нѣкоторыхъ словахъ законодательства и въ восклицанїяхъ многолѣшїя (*). По возстановленїи Карломъ Великимъ и Опшонами Западной Имперїи, названїя Франковъ и Лашинъ сдѣлались однозначительными и равно обширными. Высокомбрные сїи варвары присвоивали себѣ, и отчасти справедливо, Римской языкъ и самое господство надъ Римомъ. Они называли жителей Востока чужестранцами, и укоряли ихъ отчужденїемъ отъ одежды и отъ языка Римлянъ; обычаи и поступки ихъ давали имъ право называть Греками Византїйцовъ. Однакожъ государь и народъ съ негодованїемъ отвергали приписываемое имъ названїе, которое почитали для себя оскорбительнымъ. Не взирая на всѣ перемѣны, въ теченїе вѣковъ случившіяся, они доказывали прямое и непрерывное свое

(*) Греки восклицали многолѣшїе Императорамъ своимъ на Лашинскомъ языкѣ. *Καίσαρ Βασιλεὺς Δεὺς ἡγεμὼν Βασιλεὺς* — Виктор сис септер — *Βικτωρὸς Δομινὸς Ἡμερατορὸς ἢ μάλιστ' αὐτὸς Καίσαρ*. с. 75 р. 215.

происхожденіе отъ Августа и Константина; въ самое даже время крайняго изнеможенія и упадка названіе Римлянъ принадлежало послѣднимъ оспакамъ Имперіи Константинопольской.

Когда гражданскія дѣла на Востоку производились еще на Латинскомъ языкѣ; въ то время Греческій былъ языкомъ литературы и философіи. Училиши богатаго и усовершенствованнаго сего языка не имѣли причины завидовать заимствованной учености и подражательному вкусу учениковъ своихъ, Римлянъ. По уничтоженіи язычества, по опустоженіи Сиріи и Египта и по закрытіи училищъ въ Александріи и въ Афинахъ, Греческія науки перешли въ нѣкоторые монастыри, а особливо въ царское училище, бывшее въ Константинополѣ, которое сожжено при Леонѣ Исаврійскомъ. Начальникъ сего заведенія въ пышномъ по тому вѣку слогѣ именовался Солнцемъ учености; двенадцать сопридѣльниковъ его, профессоровъ разныхъ наукъ и отдѣленій, были двенадцатью знаками Зодіака; библіотека, гдѣ хранилось тридцать шесть тысячъ пятьсотъ книгъ, была отворена для ихъ изысканій. Они, какъ сказываютъ, имѣли древнюю рукопись Гомера, свитокъ пергамена длиною во сто двадцать футовъ, сдѣланный будто бы изъ внутренностей превеликаго

змѣя. Но седмое и осмое сполбшїя были временемъ раздоровъ и мрака; библіопена сожжена; училище уничпожено; икоцборцовъ называли ненависпниками древности; дикое невбжепство и презрбнїе наукъ обезславили государей Иракліевой и Исаврїйской динаспїи.

Въ девятомъ вѣкѣ видимъ начало возникающей учености. По ослабнїи въ Аравіпнахъ ббщенаго изувѣрства, калифы почувспвовали желанїе лучше завоевать науки нежели провинціи; щедрое любопытство ихъ возбудило соревнованїе въ Грекахъ, заспавило ихъ очиспипть ошъ пыли древнїя книгохранилища, и научило ихъ оплачать и награждать философовъ, кои до того времени обрбшали мзду свою въ собственномъ удовольспвіи, получаемомъ ошъ ученїя, и въ изысканїи истины. Кесарь Вардасъ, дядя Михаила Трешьяго, былъ щедрымъ покровителемъ учености; одно только сіе пипло сохраняетъ память его, и извиняетъ его честолюбїе. Часъ сокровищъ племянника его иногда опдбляема была ошъ издержекъ на носпытныя забавы; въ Магнаврѣ, черпогахъ царскихъ, опкрыто училище, и Вардасъ присущспвіемъ своимъ возбуждалъ соревнованїе и въ наспавникахъ и въ учащїхся. Надъ ними поспавленъ былъ начальникомъ философовъ

Левъ, Архіепископъ Тессалоникскій, ко-
его глубокимъ свѣдѣніямъ въ Астрономіи
и Математики удивлялись восточные чуже-
спранцы; народъ благоговѣлъ передъ сею
таинственною наукою, думая, что все
превыщающее понятіе его долженствуетъ
быть слѣдствіемъ или вдохновенія, или вол-
шебства. Знаменимый Фопій, по убѣди-
тельному прошенію друга своего Кесаря,
опрекая оубъ свѣтской жизни и безпрепяш-
ственнаго упражненія въ наукахъ; онъ воз-
шелъ на престолъ Папріаршій, и былъ
попеременно по ошлучаемъ оубъ церкви,
по паки разрѣшаемъ духовными соборами
на Востокъ и на Западъ. При немиролюб-
номъ расположеніи своего сердца, всеобъ-
емлющій мужъ сей упражнился во всѣхъ
наукахъ, кромѣ только пиистики; былъ
глубокомысленъ, неутомимъ въ чпеніи,
искусенъ въ випійствѣ. Еще находясь въ
должности пропоспашарія, или начальни-
ка спражи, Фопій отправленъ былъ по-
сланникомъ ко двору Багдадскаго Калифа.
Тамъ скучное время ссылки, и можетъ
быть заключенія, сократилъ онъ поспѣш-
нымъ составленіемъ своей *Библиотеки*,
сего памятника учености и кристики.
Двѣсти восемьдесятъ писателей — исто-
риковъ, орапоровъ, философовъ, богосло-
вовъ — разсмотрѣлъ онъ безъ наблюденія
систематическаго порядка; сокращенно

предложилъ повѣствованіе ихъ или ученіе, опредѣлилъ достоинство слога ихъ и отличительнаго свойства, рассуждалъ о самыхъ даже опцахъ церковныхъ съ благоумною свободою, которая часто у него оказывается, вопреки суевѣрію тогдашняго вѣка. Императоръ Василій, которой съ огорченіемъ воспоминалъ о недоспѣлкахъ своего воспитанія, ввѣрилъ Фопію сына своего и наслѣдника, Льва Мудраго; и царствованіе государя сего, равно какъ и сына его Константина Багрянороднаго, было благопріятнѣйшимъ временемъ для Византійской словесности. Дѣйствиельно ихъ щедроты драгоцѣнные остатки древности перенесены въ Императорскую библіотечу; ими или соспрудниками ихъ сдѣланы изъ древнихъ книгъ выписки и сокращенія, такъ чтобы удовлетворяя любопытству, необременяли онѣ лѣниваго читателя. Собраніе законовъ, сочиненія о землемѣстствѣ и военномъ дѣлѣ, о сихъ двухъ искусствахъ пишутъ и испребляють родъ человѣческой, съ одинакимъ тщаніемъ изда ны были для общаго употребленія; исторія Греціи и Рима расположена въ пятидесяти двухъ главахъ, изъ которыхъ только двѣ (о посольствахъ, и о добродѣтеляхъ и порокахъ) избѣгли разрушенія. Читатель, какового бы соспоянія ни былъ, могъ видѣть въ нихъ картину прежняго

времени, пользовавшись наставленіями каждой страницы, учишься справедливому удивленію, или еще и подражанію, имбя передъ глазами примѣры просвѣщеннѣйшаго вѣка. Не стану распространяясь о сочиненіяхъ Византійскихъ Грековъ, копорые прилѣжно упражняясь въ твореніяхъ древнихъ, заслужили себѣ память у нынѣ живущихъ, и спяжали право на благодарность. Ученые мужи нашего вѣка могутъ пользоваться философическими трудами Спобея, грамматическимъ и историческимъ словаремъ Суиды, Хиліадами Цецеса, въ двенадцати тысячахъ стиховъ содержащими шесть сошъ повѣствованій, и на Гомера примѣчаніями Евстаѣя, Архіепископа Θεσσαλονикскаго, копорой изъ своего рога изобилія высыпалъ имена и свидѣльства чепырехъ сошъ писателей. По симъ сочинителямъ и по множеству схолиасповъ и крипиновъ судить можно о богатствѣ липшерапуры въ двенадцатомъ столѣтіи! Константинополь озарялся геніями Гомера, Димосеена, Аристотеля и Платона; при нынѣшнемъ богатствѣ своемъ мы должны завидовать тому вѣку, въ копоромъ читали Исторію Θεопомпову, Рѣчи Гиперидовы, Комедіи Менандровы, Оды Алцея и Саффы. Труды, подвѣяые многими учеными для извясненія Греческихъ классиковъ, свидѣльствуютъ, что сочиненія древнихъ

погда не только существовали, но были даже вообще извѣстны и читаемы; о просвѣщеніи погдашняго времени судить можно по двумъ примѣрамъ ученыхъ женъ, Царицы Евдокии и Царевны Анны Комниной, коимъ багряница не препящсывала упражняшся въ риторикѣ и философїи. Языкъ общенародный былъ грубъ и искаженъ варварствомъ; но бесѣда, или по крайней мѣрѣ письмо духовныхъ особъ и придворныхъ отличались щцательнымъ слогомъ, иногда близкимъ къ чистотѣ образцовъ Ашшическихъ.

При нынѣшнемъ воспитаніи многотрудное, но необходимо нужное, приобретіе двухъ мертвыхъ языковъ отнимаетъ много времени, и охлаждаетъ жаръ охоты въ обучающемся юношесствѣ. Пѣшны и ораторы западныхъ жителей, нашихъ предковъ, были спасены варварскимъ своимъ языкомъ, неимѣющимъ ни гармонїи, ни гибкости; ихъ дарованїя, безъ правилъ и безъ примѣровъ, руководились природными силами грубаго разума и воображенїя. Напрощивъ того Константинопольскїе Греки, очистиивши общенародное нарѣчїе, приобрѣли свободное употребленіе древняго своего языка, сего чудеснаго произведенїя искусства человѣческаго; они удобно повидали шѣхъ великихъ учителей, кошорые

забавляли; и наставляли народъ славнѣйшій въ мірѣ. Но сіи выгоды служашъ только виною къ укоризнамъ и къ большому стыду переродившихся пошомковъ. Слабые Греки обладали сокровищами своихъ предковъ; но не получили въ наслѣдство того ума, который творилъ и совершенствовалъ сіе священное достояніе: они читали, восхищались, переписывали и сокращали; но бессильный разумъ ихъ по видимому неспособенъ былъ ни мыслишь, ни дѣйствовать. Въ продолженіе десяти вѣковъ не дѣлано ниже одного открытія, которое служило бы къ возвышенію достоинства и къ умноженію счастья человеческого рода; ни одного новаго понятія не прибавлено къ умозрительнымъ системамъ древности, а между тѣмъ возникающіе пустые учения становились наставниками ближайшаго къ нимъ, отчасу болѣе раболѣпнаго поколѣнія. Не осталось отъ нихъ ни одного сочиненія ни по части исторіи, ни по философій, ни по изящной словесности, которое достойно было бы сохраниться отъ забвенія или красою слога и чувствъ, или новою воображенія, или хотя удачнымъ подражаніемъ. Самые сноснѣйшіе изъ Византійскихъ прозаиковъ заслуживающъ нѣкоторое снисхожденіе отъ критики не принужденностію своею и прошлаго; но ихъ ораторы самые краснорѣчивѣйшіе весь

ма далеки отъ тѣхъ образцовъ, которымъ подражать хотѣли. На каждой страницѣ вкусъ нашъ, и разумъ оскорбляются уродливыми и спранными словами, нескладными и запушанными фразами, несходными уподобленіями, ребяческою игрою ложныхъ или неумѣстныхъ украшеній, чрезмѣрными усиліями возвышашься, изумляшъ чипашеля и самую обыкновенную мысль зашемняшъ дымомъ велерѣчія. Проза ихъ воспаряетъ до высоты надушой поэзіи; стихотворство ихъ опускается ниже холодной и невкусной прозы. Музы трагедіи, епопеи, лирическаго стихотворства хранили молчаніе, и пребывали въ безвѣстности: барды Константинополя рѣдко возносились выше загадки или епиграммы, панигирика или повѣсти. Они забыли даже правила просодіи; при доброгласіи Гомерова пѣснопѣнія, которое отдавалось въ ихъ слухъ, они смѣшивали всѣ мѣры стопъ и слоговъ въ порожденіи слабаго усилія, названномъ *полилическими* или *градскими* стихами. Умы Грековъ спѣснались оковами поспыднаго, но гордаго суевѣрія, которое просширало господство свое надъ всѣми науками. Разумъ ихъ расперялся въ метафизическихъ спорахъ; чудеса и привидѣнія испребили въ нихъ всѣ начала моральной достоверности, и вкусъ ихъ испортился отъ нескладныхъ поученій, копо-

рыя были не иное что какъ отвращительная смѣсь едва понятнаго пустословія. Но и сія маловажная ученость не долго была во зло употребляема: церковные пастыри наконецъ только удивлялись вѣщаніямъ древнихъ учителей, только переписывали ихъ проповѣди; уже не было между ними соперниковъ славѣ Аѳанасія и Златоуста.

Вообще при всякомъ стремленіи къ цѣли, въ жизни дѣятельной и умозрительной, соревнованіе какъ между государствами, такъ и между людьми бываетъ сильною пружиною трудовъ и успѣховъ. Древніе города Греческіе, по счастливому сщенію обстоятельствъ, въ одно время пользовались и единствомъ и независимостію, коихъ слабое, хотя въ прочемъ обширнѣйшее, подобіе видимъ между народами нынѣшней Европы: единство языка, вѣры и обычаевъ доставляло имъ драгоценную возможность быть зрителями и судьями взаимныхъ подвиговъ; независимость и отдѣленные выгоды каждаго правительствва утверждали свободу ихъ, и возбуждали въ нихъ желаніе приобрести первенство на поприщѣ славы. Положеніе Римлянъ было менѣе выгодно; однакожъ въ первыя времена республики, когда образовался народный характеръ ихъ, подобное соревнованіе одушевляло области Лаціума и Италіи, и

Римляне старались въ наукахъ и искусствахъ сравниться съ Греками, своими учителями, или даже и превзойти ихъ. Владычество Цезарей остановило дѣятельность и успѣхи разума человѣческаго. Правда что обширность Имперіи опчаспи могла бытъ поприщемъ для внутренняго соревнованія: но когда она, уменьшаясь постепенно, состояла уже только изъ воспочныхъ провинцій, а наконецъ вмѣщалась въ Греціи и въ Константинополѣ; тогда униженные Византійцы часъ отъ часу ослабѣвали духомъ — обыкновенныя слѣдствія, когда уединенное государство неимѣетъ съ другими сообщенія. Отъ Сѣвера пришлись имъ невѣдомыя варвары, коихъ Греки едва удостоивали званіемъ человѣческимъ. Языкъ и вѣра просвѣщеннѣйшихъ въ то время Аравіянъ служили непреодолимою преградой къ сближенію обоихъ народовъ и къ взаимнымъ сношеніямъ. Побѣдоносные Франки были имъ братья по вѣрѣ христіанской: но языкъ Франковъ и Латинъ былъ чуждымъ для Грековъ, ихъ обычаи грубы, и они въ мирѣ и въ войнѣ рѣдко имѣли связи съ преемниками Ираклія. Самолюбивая гордость опдѣленныхъ Грековъ невѣдала о чужихъ достоинствахъ; и такъ не удивительно, что они ослабѣвали, не имѣя соревнователей, которые возбуждали бы въ нихъ бодрость, и судей, кои награ-

ждали бы ихъ подвиги. Народы Европы и Азіи смѣшались во время крешовыхъ походовъ; тогда въ Имперіи Византійской при Комнинахъ ожило слабое соревнованіе въ наукахъ и въ доблестяхъ воинскихъ. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Гимнъ Солнцу (*).

О Солнце, красота, блистаніе вселенной!
О жизнедапельный начало - вождь свѣтилъ!
Тебя привѣстствуетъ мой разумъ умиленной,
О образъ Бога силъ!

*

Уже Природа вся одѣяна зарями,
Уже тебѣ поютъ пернашья въ лѣсахъ;
Уже ты капишься надъ горными полями;
Твой взоръ во всѣхъ краяхъ!

*

Въ тебѣ *могущество*, — въ тебѣ *благовос-
рензе*,
Зерцало Вѣчнаго *премудрости* свяшой!
Наука смертному все, все швое шеченье —
Восходъ и западъ швой!

*

(*) Сии стихи и слѣдующіе (Къ Кораблю) чи-
таны въ публичномъ Акшѣ, бывшемъ въ Уни-
верситетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. *Изд.*
№ 1. Б

Ты силой шайною держась вь срединѣ бездны,
Питанье бышя хранишь вь самомь себѣ!
Тобой питаются другія сферы звѣзды,
Покорныя тебѣ!

✽

Отколѣ ты берешь свой огонь неугасимый?
Гдѣ зрѣло ты чертогѣ рожденья своего?
Что вѣсѣ, величина, округѣ неизмѣримый
Владѣнья швоего?

✽

Какѣ свѣшѣ и шеплоша могли вь тебѣ сліяшся?
Сѣ какою быспрошой лучи швои текутъ!
О! шщепно смершныя поняшь тебѣ спремѣш-
ся —
Чудесныхъ силѣ сосудѣ!

✽

Мы только чувствуемь одно швое влянье;
Намѣ проповѣдуютѣ тебѣ и ночь и день,
И ушрення зря, и вечера мерцанье —
И благошворна шѣнь!

✽

Могущество швое гласяшѣ премѣны года,
И лѣто, и зима, и осень, и весна;
Дары, кошорыми красуется Природа;
И громѣ и пишина!

✽

Борение стихій, и язвы, чада зноя,
Потопы, грозной шрусѣ, обиліе и градѣ, —
Тебѣ покорно все, царѣ бури и покоя,
Печалей и опрадѣ!

✽

Но Богѣ тобой хотѣлѣ, о дивное шворенье!
Не только изумляшѣ — хотѣлѣ благошворишѣ;
Тебѣ предвѣчное судило Провидѣнье —
Примѣромѣ добрыхъ бышѣ!

✽

Какъ лучъ пвой капли слезъ Авроры осушаешъ,
На злачной муравѣ дрожащи по упрамъ:
Такъ благосшь смершнаго конецъ опредѣляешъ
Несчастнаго слезамъ!

✱

Нѣшъ взору пвоему, дарамъ пвоимъ границы:
Онъ вѣ нѣдра скалъ печешъ, вѣ дремучіе лѣса;
Благодворителю опверзша дверь шемницы,
И вѣ адѣ — небеса!

✱

Грядешъ — и шемна ночь чело свое скрываетъ!
Густой, суровой боръ и каменный ушесъ,
И холмъ, и долъ, и дѣбрь печальна разцвѣ-
шаетъ —

Мракъ скрылся отъ очесъ:

✱

Такъ правды, вѣры другъ, добротой воспоенной,
Приходомъ радостнымъ къ несчастному своимъ
Разсѣшъ мракъ вѣ душѣ, спраданьемъ изну-
ренной,

Дѣля печали съ нимъ!

✱

Вѣ шебѣ является намъ добрый Царь народа,
Грядущій вѣрно и швердою стопой;
Великолѣпенъ, щедръ, правдивъ для смерш-
ныхъ рода —

Онъ истый образъ пвой!

✱

Благіе, злобные щедротъ пвоихъ причасшны;
Всѣ пкюшъ пвои дары — всегда опверзши
пвой храмъ:

Такъ Царь, на всѣхъ равно льешъ благосши
всечасны,

Отецъ своимъ сынамъ.

✱

Въ тебѣ герои зряшъ примѣръ и наученье ;
Ты громаы возбудишь, въ громахъ благошворишь ;
„Я свѣшлой Правоты для васъ изображенье!“ —
Ты судіямъ гласишь.

Какъ тихо ты паришь на западѣ опдаленной —
Почтешный другъ людей къ могилѣ шакъ идешь!
Уже сокрылся ты — но взоръ швой умиленной
Еще свой лучъ лиешь :

Еще и онъ живешь примѣромъ и совѣшомъ,
Еще насчастливымъ онъ въ друзьяхъ благошво-
ришь ;
И Зависть хитрая враждующимъ навѣшомъ
Хвалы не помрачишь !

Сергій Саларевъ.

Въ Кораблю.

Благопріятный вѣперъ вѣешь !
Пловцы подѣемлюшь гаруса,
И флагъ на воздухъ бѣлѣешь ;
Гремяшь веселы голоса ! —
Готовъ корабль, готовъ стремишься
По зыбкимъ , пѣнисшимъ валамъ ,
Войной иль миромъ оплечишься !
Чело вздымаешь къ облакамъ !

Куда, куда, о славы чадо ?
Ещель опкрышь намъ новый свѣшь ,
Грозой бышь смершныхъ , иль опрадой ?
За Кукомъ , иль Цизарромъ въ слѣдъ ? . . .

Еще ли бѣдѣ домашнихъ мало? —
Какая нужда ихъ искашь?
Или для насъ ужь долгомъ спало,
Себя опасностямъ ввѣрять?

*

Америка въ оковахъ спонетъ,
Забыты санъ, права людей!
Въ вершинахъ адскихъ смертный понетъ,
Корыстью жадности швоей! —
Но, ахъ! ни бурь, не преволнений
Не можешь ввѣкъ шы усмиришь;
Ниже Разрапа похотѣній
Неправымъ злапомъ уполить!

*

Или паришь шы въ край безвѣстной,
Какъ благодѣшель, вѣрной другъ,
Возставишь мира храмъ прелестной,
Разлишь безцѣнной свѣтъ наукъ,
Законы даровать святыя,
Исполнишь вѣрой слабыхъ грудь? —
Неси народамъ дни златыя:
Спокрашъ благословенъ швой пушь!

*

Иль, честполюбьемъ окрыленный,
Споглавый, яросный драконъ,
Летишь во страны опдаленны
Разрушишь грады, царства, шронъ?
Вулканъ сражаешься съ Вулканомъ!
Трясется брегъ, моря кипяшь!
Пылаетъ небо въ блескъ рдяномъ —
И растворился страшной адъ!

*

Поспой! не льспись надменной силой,
Не льспись огромностью своей. . . .
Сколь часто бурный поншъ могилой
Былъ честполюбя Царей! —

Крылашья Филиппа зданья
Несыша бездна пожрала. . . .
Священны — добры начинанья !
Безвредны — добрыя дѣла !

✽

Спѣши ! но да не будешь вѣчно ,
Чтобъ старецъ слезный , безъ сыновъ ,
Приходъ швой кляшвой безконечной
Покрывъ предъ взорами боговъ !
Да селянинъ миролюбивой
Не узришь болѣ никогда
Толпы грабишелей кичливой ,
Европы древняго сщыда !

✽

Спѣши ! съ побою сонмъ героевъ ,
Готовыхъ крови не щадить ,
Готовыхъ дни скончашь средь боевъ
Чтобъ миръ и правду оградить !
Лепи — и въ слѣдъ тебѣ безцѣнны
Благословенья пошекушъ ;
Герои , славой воспаленны ,
Съ шобой безсмертье обрѣшутъ !

✽

Велика ждетъ тебя награда !
Но чѣмъ купилъ ее , герой ? —
Всегда разверзтое дно ада —
И смерть , ревуца подъ шобой !
Вода и огонь съ побою въ спорѣ ;
Твои враги : и зной и хладъ ,
Спихи злобныя въ раздорѣ , —
Безвѣстность , ужасъ , блѣдной гладъ !

✽

И , ахъ ! — одноль сіе , жестокой ! . . .
Возри на ближнихъ , на друзей ,
Спенящихъ на скалѣ высокой ,
Пришекшихъ съ ушренной зарей !

Къ тебѣ ихъ взоры и желанья ;
Къ тебѣ ихъ души и сердца :
Исчисли слезы, спонѣ, спраданья !
Онѣ разлукѣ ждушѣ конца !

✱

Тамъ машѣ со крушизны упеса
Склоняется къ волнамъ сбдымѣ, —
И синя облака завѣса
Ей мнился парусомѣ швоимѣ ;
Слѣшитѣ супруга молодая ,
Узнашѣ , не близко ли супругѣ. —
Ахѣ, бездна хладная, нѣмая
Не скажешѣ, живѣ ли милый другѣ !

✱

Но ты прищекѣ, и раздается
Веселье по крушымѣ брегамѣ ;
И маперѣ нѣжная несешѣ ;
Къ исполненнымѣ любви ушамѣ
Ушна сыновни прижимаелѣ !
Тамѣ дѣва спрасшная бѣжитѣ ,
Вѣ обѣщаньяхѣ друга заключаелѣ —
И годѣ разлуки позабытѣ ! . . .

✱

О исполинѣ морей крылапой ,
Кругомѣ обтекшій цѣлой свѣтѣ !
Вѣщай мнѣ , вѣ опытахѣ богатой ,
Что бѣдствій и трудовѣ предметѣ ?
Что плодѣ сноль славныхѣ устремленій ? —
Увы ! — избитый, средѣ мѣлей ,
Безѣ чести , дряхлѣ , безѣ украшеній ;
Ты гибнешѣ снѣдію червей ! . . .

А. Комаровѣ.

Признанье.

Я пѣшь хотѣлъ въ восторгѣ дивномъ
Петра Великаго дѣла ;
Но лира пономъ заунывнымъ
Одну Мальвину пѣшь могла.
Въ досадѣ переладивъ струны,
Я пѣшь Суворова хотѣлъ,
И браней и побѣдъ перуны !
Безсмертье, думалъ, мой удѣлъ !
Но нѣтъ ! моя упряма Муза,
Изъ розъ украсившись вѣнкомъ,
Бѣжипъ съ героями союза,
Одну любовь поешъ пишкомъ.
И шакъ проси мечпанье славы !
Мой скромный жребій : пѣшь подѣ часъ
Любовь, весеннихъ дней забавы,
И власть надъ сердцемъ милыхъ глазъ !

. . . В. . .

Чижь и Роза.

Дочь милая весны молодой,
Румяна Роза разцвѣтала,
И ушреннею красотой
Сердца неволью привлекала.
И Чижики Розу полюбилъ :
Онъ день и ночь при Розѣ жилъ,
Друзей кочующихъ оставилъ,
Одну лишь Розу въ цѣсныхъ славилъ,
И ждалъ награды для себя.
Качаясь на зеленой вѣшкѣ
Однажды миленькой сосѣдкѣ
Процѣлъ онъ : я люблю тебя ! —

— Ужь многіе любить клянущся,
Сказала Роза, шакъ какъ ты;
Когдажъ лишуся красоты,
Гдѣ вѣрные друзья найдутся? —
„Мнѣ бышь невѣрнымъ? никогда!
Поешъ любовникъ легкокрылый;
Напрошивъ спросишь моя тогда
Еще усилятся, другъ милый!“
Амуръ не вдалекъ лепалъ;
Емуль оставишь ешо дѣло?
Онъ вдругъ дыханье удержалъ,
И все въ природѣ охладѣло.
Бореи свищутъ, прахъ мяшутъ;
Листики у Розы поблѣднѣли,
Зефиры, мошылкѣ взлещѣли,
И слѣду нѣшъ а Чижику шутъ!
„Ахъ! если ты находишь счастье
Въ моей любви, онъ говорилъ,
Ушѣшься; я люблю въ ненастье,
Какъ въ упрое красное любилъ!“
Богъ удивился не напрасно;
Онъ наградилъ сію чешу:
Удвоилъ Розы красоту,
И Чижъ одинъ любимъ былъ спрасше!

*

Смыслъ басни, кажется, найденъ;

Его ты знаешь, другъ безцѣнный!
Я вѣрный Чижъ, шобой плѣненный;
Но какъ за вѣрность награжденъ?

Да оеъ

Премудрость.

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ
По бокалу осушали,
И Премудрость гнали вонъ.

— Дѣтущки! поберегись!
Говорить Премудрость намъ;
Пить не должно. Воздержись;
Ешотъ сокъ опасенъ вамъ! —

„Бабушка! сказалъ плутишка,
Твой совѣтъ закономъ мнѣ:
Я послушливый мальчишка!
Но . . . вошь капелька шебѣ,

Выпей“ . . . Бабушка напрасно
Опговаривалась пить.
Какъ опкажешь? Богъ прекрасной
Такъ искусенъ говорить!

Стала пить — а намъ швердила
О воздержности въ винѣ;
Но допивши, попросила,
Что осталось на днѣ.

И старушка зашпалась,
Не нашла ужь болѣ словъ;
Вонъ пошла — неспыкалась,
Опираясь на Любовь.

Да овь.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Мысли о заведеніи въ Россіи Академіи Азіатской.

Juvat integros accedere fontes. Lucret.

Часть первая ().*

§ 1.

Понятія объ испоріи челоѳческаго образованія весьма перемѣнились въ концѣ XVIII вѣка: Воспокоѳ единогласно наименованъ колыбелію общаго просѳщенія. Причиною такоуаго чрезвычайнаго перевороша были успѣхи Англичанъ въ Индіи, отккрытіе священнаго языка Браминовъ и сочиненій Зороастра, критическое разсмошрѣніе книгъ

(*) Въ С. Пешербургѣ недавно напечатана Французская книга: *Projet d'une Academie Asiatique*. Чисашели Вѳстника Европы конечно останупся намъ благодарными за переводъ ешаго сочиненія, въ кошоромъ они замѣшашъ многія важныя мысли, и кошорое предшавляетъ вниманію ихъ новый, со многихъ споронъ привлекашешельный предметъ, изображенный перомъ искуснымъ. *Пер.*

библейскихъ учеными людьми Германіи, наконецъ учрежденіе Азіатскаго общества въ Каленушъ, и теперь увѣрены мы совершенно, что Азія есть по средопочіе, изъ котораго испекло просвѣщеніе, разлившееся по всему земному кругу: сія прекрасная гипотеза, удивительно соотвѣтствующая преданіямъ священнымъ, должна почишаема быть неопровержимою.

Пройдите въ ешомъ отношеніи внимательнымъ взоромъ всю исторію, и вы увидите, что самыя разнородныя съ перваго взгляда части соединяшя въ одну порядочную систему, составляющую обширное распространеніе одного и того же начала. Соедините открытія новыхъ съ понятіями древнихъ, и вы останетесь убѣжденными, что Азія есть главный источникъ образованія человѣческаго. Первые извѣстные намъ просвѣщенные народы отъ Воспока заимствовали начальныя свои понятія, преобразованныя ими въ религіи, болѣе или менѣе сходныя. Греческіе мудрецы искали просвѣщенія въ Индіи. Поражены будучи величественною красою ея природы, древностію ея мѣнѣй и зрѣлостію обычаевъ, отъ нее заимствовали они свои философскія системы, свои понятія о нравственности, отъ установленійхъ моральныхъ. Съ одной стороны Индія обогащаеъ

ихъ мыслями философическими ; съ другой Финикія и Египетъ , колонїи Востока , дають имъ своихъ символическихъ боговъ , копорыхъ они преобразуютъ , принаравливаясь къ обычаямъ и привычкамъ мѣстныхъ . Такъ Греческая философія и религія получили свое существованіе отъ мнѣній восточныхъ ; а когда Римляне , наследники и подражатели Грековъ , перенесли въ Италію сначала систему ихъ богопочтенія , потомъ и философическія ихъ понятія ; тогда и мнѣнія восточныя съ могуществомъ Рима усуремлялись на Западъ , и часто на пути своемъ встрѣчали они понятія уже утвержденныхъ , но имѣющія общее съ ними происхожденіе , и неизвѣстными для насъ происшествіями отдѣленные отъ страны отеческой .

Таково было вообще нравственное вліяніе Востока на Европу .

И вліяніе политическое не менѣе обширно . Наименуемъ одного Магомета , пророка , завоевателя , стихотворца , грозившаго низверженіемъ и древней Имперіи , уже готовой къ упадку , и новой религіи , возникшей на развалинахъ всѣхъ прочихъ . Ужасъ побѣдъ Магометовыхъ распространилъ во многихъ странахъ извѣстнаго тогда свѣта религію , созданную симъ необычайнымъ человекомъ . Главными слѣдствіями Магоме-

панства для Европы были паденіе Константинопольскаго шрона, крестовые походы и пребываніе Мавровъ въ Испаніи.

И если съ одной стороны Магометъ угрожалъ погибелію, законамъ и свободамъ Европы; то съ другой онъ былъ могуще- ственною, хотя поспороннею, причиною тѣхъ чрезвычайныхъ переменъ, которыя въ послѣдствіи ее преобразили. XV Вѣкъ есть плодъ великихъ сихъ произшествій, и онъ же есть, эпоха новаго дѣятельнаго вліянія Востока на Западъ — вліянія мир- наго и всесторонне побѣдоноснаго, вліянія, кото- рое привело въ движеніе множество неиз- вѣстныхъ до того пружинъ, и сообщило идеямъ эту чрезвычайную стремительность, которая произвела и великихъ людей и дѣ- ла великія. Открытіе мыса Доброй Надеж- ды совершенно перевернуло спроектъ поли- тическаго міра: обрѣвши дорогу въ Индію, мы познакомились съ тысячами новыхъ спо- собовъ обогащенія и промышленности, и сіе важное открытіе весьма способствовало къ произведенію того блеска, въ которомъ предъставляется намъ XV столѣтіе.

§ 2.

Жители Востока, обезображенные ус- тановленіями варварскими, хотя новыми, сохранили, несмотря на то, нѣкоторыя чер-

пы древняго своего образа. Тотъ же кли-
матъ производилъ и тѣ же склонности.
И нынѣ, полагая благо верховное въ совер-
шенной недѣлительности, имѣютъ они во-
ображеніе чрезвычайно бѣглое и цвѣтущее.
Арабъ пустынный, сидя подъ шапромъ сво-
имъ, съ наслажденіемъ слушаетъ повѣ-
ствованія, сказочки; унылою пѣснью выра-
жаетъ онъ горестъ свою о потерѣ любима-
го коня. Воспоминаніе о праотцахъ и древ-
ней ихъ славѣ повсюду ему сопутствуетъ;
онъ въ мужествѣ подобенъ имъ, и только
пересталъ быть завоевателемъ.

Персы уже не поклоняются солнцу;
но они ему обязаны пламеннымъ и сладко-
спрашнымъ характеромъ своей поэзіи. По-
слѣдователи Зердуста (Зороастра) уже не-
существуютъ; но памятникъ его мудро-
сти въ нашихъ рукахъ, и сіе спихотвор-
ное богопочтеніе несовершенно еще погибло.

Китай, слишкомъ прославленный и
слишкомъ униженный, представляющій
нашимъ глазамъ разительное зрѣлище на-
рода, покорившаго своихъ побѣдителей, ос-
тался неизмѣненнымъ среди разрушитель-
наго попора вѣковъ.

Но въ Индіи, особенно въ семъ древ-
немъ и священный опечесствѣ образо-

ванія , находимъ мы первые младенческіе слѣды его при неоспоримыхъ доказательствѣхъ его валичайшей зрѣлости. Религія, философія, законы, поезія, все представляется здѣсь въ образѣ первоначальномъ, все представляется глазамъ наблюдателя оспашки обширнаго развитія образованности, и наконецъ все можетъ способствовать ему къ усовершенствованію великой науки человѣка. Гордость Европы слишкомъ долго пренебрегала Азію; теперь настало время дать лучшее направленіе епой гордости, возросши развалины, дабы опкрыши въ нихъ новыя причины славы, а можетъ быти и способы къ распространенію новаго блеска. Духъ изысканія былъ хорошо вознагражденъ за первыя усилія свои, и нѣтъ причины опчаяваться въ новыхъ побѣдахъ; сіе только изысканіе можетъ способствовать намъ положить на основаніяхъ швердыхъ общее начертаніе успѣховъ человѣческаго разума.

§ 3.

И Россія, въ сію минушу возрожденія наукъ восточныхъ, уже ли одна оспанется позади всѣхъ другихъ народовъ Европы?

Россія, смежная съ Азією, и владычествующая всѣмъ ея сѣверомъ, раздѣляется со всѣми другими націями по нравспвелно-

побужденіе, копорымъ они одушевляемы въ благородныхъ своихъ предпріяшїяхъ; но сверхъ того она имѣетъ еще и *любужденіе полилическое*, столь явспвенное, столь неоспоримое; что одного взгляда на карту довольно, дабы совершенно увѣришься въ истинѣ ешаго мнѣнїя. Россїя, можно сказаць, ушверждена основанїемъ своимъ на Азіи. Сухая, несбѣяшно обширная граница сливаетъ ее со всѣми народами Востока. Но можно ли повѣришь? Россїя изъ всѣхъ Европейскихъ націй одна необращала никакого вниманїя на Азію (*).

Довольно самыхъ обыкновенныхъ понятїй о полишияхъ, чтобы замѣнить тѣ важныя выгоды, копорыя могла бы получить Россїя отъ основательнѣйшаго знакомства съ Азією. Россїя, имѣющая столь тѣсныя сношенїя съ Турцією, Китаемъ, Персією и Грузією, приобрѣла бы множество способовъ не только содѣйствовать распро-

(*) Труды *Палласа*, *Георгія* и *Гильденште-та*, принадлежащїе къ царствованїю Екатерины II, небыли продолжаемы. Надобно замѣнить однако, что главною цѣлю сихъ ученыхъ мужей была Еспешвенная исторїя, и что они, ограничивъ себя одною Сибирью и землями ей сопредѣльными, непроникали во внутренность и въ южныя страны Азіи.

спрашенію общаго просвѣщенія , но и удовлетворить потребностямъ болѣе драгоценнымъ. И никогда выгода государственная не была въ такомъ согласіи съ важными видами образованія нравственнаго.

Время устремить и на Азію по благошворное покровительствѣ , которое **АЛЕКСАНДРЪ** даетъ просвѣщенію и наукамъ ; и съ ея споры Россія , ставъ на ряду съ другими народами , легко бы могла превзойти ихъ нѣкими способами , которыми она обладаетъ , и нѣкими важными средствами , которыхъ мы можемъ при такихъ многочисленныхъ способахъ надѣяться. Для сего весьма было бы полезно заведеніе такой Академіи , которая могла бы служить посредницею между образованностію Европы и просвѣщеніемъ , скрывающимся въ нѣдрахъ Азіи , и которая соединяла бы въ себѣ все то , что можетъ имѣть нѣкоторое отношеніе къ познанію Востока. Академія , имѣющая предметомъ изученіе Азіатскихъ языковъ (*), въ которой крипическій Европейецъ стоялъ бы на ряду съ Азіатскимъ Ламою , могла бы сдѣлать без-

(*) Одна изъ самыхъ существенныхъ выгодъ Академіи Азіатской была бы образованіе переводчиковъ , необходимыхъ для насъ по сношеніямъ нашимъ съ Турціею , Персіею , Грузіею и Кашаемъ.

смерпнымъ благошвореніе Монарха и со-
опвѣшпшвовала бы намбреніямъ Его своею
пользою.

Но дабы яснѣе доказать необходимость
подобнаго заведенія , представимъ въ немно-
гихъ черпахъ шѣ главныя свѣденія , копо-
рыя приобрѣли мы опѣ въ возрожденія словес-
ности , и шѣ желанія , копорыя оспаеишя
еще по ейой часпи исполнишя

§ 4.

Возобновленіе воспочныхъ наукъ имѣло
уже многія важныя слѣдствія.

Изученіе Библии начапо было по но-
вому плану ; оно соспавляло особенное за-
няпіе ученыхъ людей Германіи со временъ
реформаціи. Писатели , копорые въ XVIII
спольшїи унизили почпешное имя Фило-
софїи , вооружались пропшвъ Святаго Писа-
нїя всѣми софизмами дїалектики ничпож-
ной ; но съ того времени , какъ ближе по-
знакомились съ Воспокомъ , люди основа-
пельнаго ума признали въ Библии священ-
ный характеръ мудрости вдохновенной.

Книги Священныя разспаприваемы были
съ прехъ различныхъ споронъ : 1 е со спо-
роны еедологическаго смысла ; 2 е крипиче-
ски ; 3 е въ смыслъ религїи ; и всѣ сїи раз-

смаприванія не только не уменьшили, но совершенно оправдали и возвысили наше почтеніе къ Книгамъ Священнымъ, которыя со многихъ споронъ сдѣлались для насъ привлекательны.

§ 5.

Распространеніе свѣдѣній въ языкахъ Азіатскихъ должно низпровергнушь древнюю систему *общей грамматики* (*). Философы утверждаютъ, что первое состояніе чловѣка было такъ называемое состояніе чистой напуры, грубое, немногимъ отличное отъ состоянія животныхъ безсловесныхъ. Они утверждаютъ, что чловѣкъ, увлекаемый силою необходимости, и переходя отъ нужды простой къ понятіямъ болѣе сложнымъ, изобрѣлъ наконецъ слово и образовалъ для себя языкъ, соответствующій обширности его мыслей. Новые матеріалисты ужасно мучили умъ свой, дабы угадать, какими способами нашелъ чловѣкъ искусство соединять понятіе со звукомъ. Одни заславляютъ его подражаніемъ крику животныхъ; другіе пѣнію пшницъ; нѣкоторые объясняютъ задачу простымъ механизмомъ, и всѣ вообще испощаютъ свой

(*) Подъ словомъ *общая грамматика* разумѣтся здѣсь происхождение и образованіе языковъ.

умъ на построеніе системъ нелѣпныхъ, спы-
 дяся признахъ, что разрѣшеніе такого
 вопроса превосходитъ ихъ силы; и всѣ во-
 обще хопяшъ доказать намъ, что первая
 эпоха исторіи человѣчества есть время
 грубости живошной и мрака. Сіе доказа-
 тельство почитаютъ они гибельнымъ для
 преданій священныхъ!

Таково главное правило, на которомъ
 основана *общая грамматика*. Но мета-
 физика только *предполагающая* произ-
 шествія (faits), какъ бы ни анапомировала
 она дѣйствіе человѣческой умственной си-
 лы, никогда не удовлетворитъ нашему раз-
 судку. Разсудокъ здравый не можетъ не
 вооружиться противъ такой системы (въ
 одно время и романической и сухой), ко-
 торая отвращительна для ума и ничего
 не представляетъ воображенію. Въ исторіи
 чловѣка на каждомъ шагѣ открываются
 ему и признаки соспоянія совершеннѣй-
 шаго, и признаки упадка человѣческой
 напуры. На етой истинѣ основаны всѣ
 древнія мнѣнія, всѣ древнія преданія; ей
 не противорѣчатъ и сіи воспоминанія,
 чудеснымъ образомъ сохранившіяся въ па-
 мятникахъ безчисленныхъ; воспоминанія,
 присвоенныя законодателями священными,
 преобразованныя моралистами; воспѣтыя
 стихотворцами; они представляютъ намъ

въ то же время и доказательство историческое удивительнымъ образомъ связанное съ божественнымъ изображеніемъ слова.

Согласно съ сею прекрасною гипотезою, первыя понятія, данныя Божествомъ человеку вмѣстѣ съ языкомъ, должны бытъ *истинны прослыя*, соотвѣтствующія первоначальной *простотѣ* человеческого общества. И весьма вѣроятно, что первыя дѣйствія человеческого ума имѣли предметомъ не гордыя открытія, но приобращенія относительныя и предвидѣныя заранѣе. Золотой вѣкъ стихотворцевъ есть темное воспоминаніе объ эпохѣ эпохъ совершенства, которая съ помощію непрерывныхъ преданій достигла до поздняго времени свидѣтельствъ положительных: и сѣ первобытное время надлежитъ именовать эпохою *понялій первоначальныхъ* — даръ столь же божественный какъ и самое слово, и въ немъ заключенный.

Сїи начальныя истины, вездѣ единообразныя, изглаживались по мѣрѣ той, какъ человеческое удалялось отъ состоянія первобытнаго; онѣ исчезли; и когда вдохновенные люди захотѣли возвратить уму человеческому нравственность, болѣе его достойную, тогда почерпнули они въ преданіяхъ и письменныхъ и словесныхъ воз-

юминаніе о сихъ великихъ и вѣчныхъ истинахъ. Древнія ученія безъ извѣстія всѣ основаны на копѣромъ нибудь изъ сихъ понятій первоначальныхъ.

Слѣдовательно Воспокъ, опчизна чело-вѣческаго рода, хранишель первобышнихъ его познаній, первой свидѣшель и его совершеннѣйшаго состоянія, и его печальнаго упадка, одинъ можетъ предсавить намъ древнѣйшіе памятники его исторіи. И на Воспокъ нашли мы нѣ доказатель-ства, копорыми уничтожаются системы филосововъ новыхъ. Когда Англичане, овла-дѣвъ Индією, завоевали и древній священ-ный языкъ Браминовъ; тогда въ опровер-женіе философическихъ романовъ пред-савлена была одна самая просная истина, подшверждаемая наблюденіемъ и нынѣ опъ всѣхъ принятая — истина, что по мѣрѣ на-шего приближенія къ источнику языковъ древнѣйшихъ, мы обрѣтаемъ и правила болѣе ясныя, и лучшую медопу, и грамма-тическую систему, имѣющую все по совер-шенству, къ копорому дано челоѣку дости-гнуть. Трудно опорить у Самскрипскаго языка право первородства; но общее мнѣніе опшверждаетъ, что опъ прекрасный языкъ, при совершенной правильности и про-стотѣ въ формахъ, имѣетъ такое богат-ство выраженій, что можетъ по справед-

ливости. наименованъ бытъ первымъ между классическими діалектами.

Сія просная истина высшего грамматического совершенства языковъ по мѣрѣ ихъ близости къ источнику общаго происхожденія языковъ, истинна, споль дѣсно связанная съ преданіями священными, не разрушаетъ ли въ самомъ основаніи воздушныя замки новѣйшихъ маперіалистовъ? не увѣряетъ ли она, что зданіе общей грамматики должно бытъ перестроено снова? И въ наше время для совершенія ешаго важнаго подвига предспавляются новые дѣйствительнѣйшіе способы въ изученіи языковъ восточныхъ — одно оно можетъ бытъ швердымъ основаніемъ общей грамматики; одно оно мѣжетъ ее защитить отъ вреднаго духа системы.

Философическое разсприваніе языковъ особенно важно и пошому, что въ нихъ единшвенно находимъ историческіе памятники шѣхъ временъ, копорыя предспсвовали самой исторіи. Разспривать языкъ народа значитъ разспривать ходъ его мыслей. Чѣмъ болѣе совершенства имѣетъ языкъ, шѣмъ ближе къ образованности и шощъ народъ, копорый имъ владѣетъ. Анализъ языка знакомитъ насъ съ геніемъ націи, а сличеніе нѣсколькихъ языковъ оцѣ-

крываетъ намъ не одну существующую между ими связь, но вмѣстѣ и то, къ какой эпохѣ принадлежатъ нѣкоторыя понятія; родились ли онѣ въ самомъ языкѣ, или заимствованы отъ другаго, можеть быть несуществующаго уже діалекта?

§ 6.

Исторія философическихъ идей, которую можно назвать *древностями мелтафизики*, должна быть преобразована съ возрожденіемъ наукъ восточныхъ. И древніе думали, что Азія есть опечесство философіи. Взгляните на исторію философіи Греческой; вы увидите Пифагора, заимствующаго въ Индіи и на Воспокѣ главные свои мнѣнія, и на нихъ основывающаго Италійскую школу. Богъ, говоритъ Пифагоръ, есть точная матерія, эфиръ, чистѣйшій огонь повсюду разлипый и все приводящій въ движеніе, слѣдовательно душа вселенной. Индійскій пантеизмъ, соединенный съ системою *перехожденія*, проповѣдуетъ такіе же точно догматы. Отъ Востока заимствовалъ Пифагоръ и таинственное свое вдохновеніе, и правила умеренности, и мысли о переселеніи душъ, и установленіе обществственности имѣній. Философія числъ извѣстна была Китаю и Индіи гораздо прежде нежели Пифагору. Тераклидъ Ефесскій еще болѣе приблизился къ идеямъ

восточнымъ: онъ проповѣдывалъ, что огонь есть начало вещей. Талесъ, учредитель Ionійской школы, посѣщалъ Египетъ и Азію, и въ нихъ почерпнулъ многія важныя свѣдѣнія. Въ его системѣ вода есть главная, всему основаніемъ служащая стихія. Способна, будучи принимая безчисленныя формы, она соспавляетъ матерію самыхъ противоположныхъ между собою сущностей. Богъ употребилъ ее для сотворенія міра. Сіе разительное несходство между двумя древнѣйшими школами Греціи шѣмъ болѣе замѣчательно, что въ Индіи обожатели *Хивы* признаютъ началомъ вещей огонь, а почитатели *Вистну* воду.

Отъ Пиеагора до Платона, ближайшаго изъ философовъ Греческихъ къ мнѣніямъ Востока, всѣ почерпали въ одномъ и томъ же источникѣ, и однѣ и тѣ же понятія переливаемы были въ разныя формы.

Послѣ Платона философія оспавалась въ бездѣйствіи до основанія Александрійской школы, которая вдругъ пробудила понятія восточныя. Великая перемена произошла въ умахъ, и она произведена была именемъ Платона. Отъ сей Пиеагоровлапонической школы родились и Гностики и Талмудъ и первая философія Христіанская.

По совершеніи двухъ мрачныхъ вѣковъ невѣжества философія возобновилась у Арабовъ, которые въ свою очередь по слѣдамъ Аристотеля и Платона хотѣли соединить ее съ исламизмомъ. Арабы перенесли Аристотелевы сочиненія въ Испанію; опсѣлъ разпространились они по всему Западу; и Европа Востоку обязана была вѣкомъ схоластики, вѣкомъ слишкомъ униженнымъ, но знаемымъ слишкомъ мало и послужившимъ еспешивнымъ переходомъ отъ мрачности къ свѣту.

Такое дѣйствіе на образованность нашу имѣла философія Азіатская. Но сколь бы важно было для насъ почтѣннѣе свѣдѣніе о собственнѣйшей исторіи и собственномъ ходѣ этой философіи? Надобно думать, что система *перехожденія*, соединенная съ ученіемъ о переселеніи душъ, есть самая древняя изъ философическихъ системъ Востока; она переродилась въ астрологію, наконецъ въ материализмъ, и это перерожденіе было впрочемъ эпохою философіи Индійской; съ другой стороны ученіе о двухъ началахъ — вѣроятно древнѣйшій опробованный на задачу о произхожденіи зла — перемѣнилось въ послѣдствіи въ пантеизмъ.

И однимъ изъ самыхъ важныхъ послѣдствій предлагаемаго учрежденія Академіи

воспочной было обстоятельнѣйшій разборъ философическихъ сочиненій Азіи. Ихъ переводомъ, сравненіемъ и приведеніемъ въ порядокъ была бы оказана чрезвычайная услуга словесности и философіи.

Если бы можно было распредѣлить системы на классы, сочиненія на школы, а всѣ преданія соединить въ одинъ составъ; если бы можно было послѣдовать за измѣненіями идей философическихъ, и обрѣсти невидимую нить, соединяющую ихъ: тогда необходимо приобрѣли бы мы тѣ нужные матеріалы, изъ которыхъ современемъ составила бы *археологія метафизики*.

§ 7.

Многіе въ наше время ограничиваютъ поэзію предѣлами тѣсными, почитая предметъ ея маловажнымъ. Но поэзія первыхъ народовъ должна быть разсмащриваема какъ самое вѣрное изображеніе ихъ нравственной силы и ошпечатокъ ихъ мыслей.

Въ поэіи воспочныхъ народовъ съ перваго взгляда замѣчаемъ мы необыкновенную спремипельность мыслей и пышное великолѣпіе выраженій, изумляющія разсудокъ; но дабы обьяснить для себя причину такого ошличія въ характеръ ея, и дабы совершенно почувствовать всю важность

сего разсматриванія, надлежитъ наполнену бытъ слѣдующими мыслями:

Восточная поэзія и попому уже есть самая древняя, что она все описываетъ — таковъ характеръ поэзіи первородной. Природа лежитъ предъ нею во всей еще своей свѣжести: она изображаетъ *все*, попому именно, что нѣтъ еще *ничего* опредѣленнаго; она распространяетъ подробности каждаго описанія; ибо каждая подробность есть приобрѣтеніе новое. И вотъ почему привязывается она особенно къ гармоніи словъ, и вымышляетъ новые способы располагать ихъ разнообразно для произведенія разнообразнаго дѣйствія. И первоначальная сила человека явно обнаруживается въ епомъ обиліи выражений, въ епомъ разнообразіи оборотовъ, показывающихъ нѣкоторымъ образомъ нетерпѣливое стремленіе воспользоваться чудеснымъ и опіюреннымъ даромъ писменнаго языка. Все сказанъ и все изобразить есть принадлежность сына природы, свойства разсудка, не вышедшаго еще изъ младенчества. Такъ объясняется опличительной характеръ поэзіи первородной, и то чудесное дѣйствіе, которое она въ началъ своемъ производила, дѣйствіе побуждаемое всѣми преданіями, изображенное во всѣхъ аллегоріяхъ, Никогда ни упомянутыя наши орга-

ны, ни правила заранее нами положенныя, ни наши анализы и медоты не могутъ сдѣлать для насъ оцущипельнымъ того впечатлѣннѣя, которое могущество краснорѣчиваго слова производило на душахъ еще новыхъ и удобно воспламеняемыхъ. И такъ надлежитъ дойти до источника сихъ понятій, дабы проникнуть ихъ истину и обнять ихъ въ связи надлежащей. Младенчество человѣческаго рода можетъ быть продолжалось гораздо болѣе, нежели какъ полагаютъ. Надлежало пройти въ камъ, дабы человекъ пришелъ въ состояннѣ постигнуть, сколь умышленно злоупотребленнѣ словъ и частое обращеннѣ на однѣ и тѣ же мысли. И поэзія перестала существовать, или, справедливѣе, она совершенно перемѣнила характеръ съ той самой минутой, въ которую сдѣланы опыты *заклучить въ немногихъ словахъ идею.* Отъ краткости слога недалеко до анализа; но анализъ, при всѣхъ чрезвычайныхъ выгодахъ, съ нимъ сопряженныхъ, сжимаетъ въображеннѣ въ предѣлахъ тѣснѣйшихъ, и аналитическая метода, которой наконецъ подчинили произведеннѣя человѣческаго ума, была послѣднимъ дѣйствіемъ постепеннаго хода человѣческихъ мыслей. Изобрѣтенная во времена безсилнѣя и пресыщеннѣя, она похишила у поэзіи ея владычество; и поэзія, ушрашивъ первенство между искусствами

человѣческими, необходимо должна была употребить и нѣкоторую часть своей силы и нѣкоторую часть своей свободы.

Сѣи предварительныя мысли доказываютъ намъ, что близкое знакомство съ поэзіею Азіатскою со многихъ сторонъ представляется для насъ привлекательнымъ. Понятіе наше о поэзіи Индійской весьма еще несовершенно. Драма *Саконтала*, нѣсколько отрывковъ, разсѣянныхъ въ Запискахъ общества Калекутскаго и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ опдѣльныхъ — вопіе всѣ наши богатства; слѣдовательно мы еще не имѣемъ достаточныхъ способовъ для опредѣленія истиннаго характера Индійской поэзіи, иногда проспой и пріятной, иногда мистической и высокой. Фирдузы, Персидской Гомеръ, не переведенъ. Хафицъ, Анакреонъ Персіи, извѣстенъ по нѣкоторымъ только отрывкамъ; Арабскія сказки не всѣ еще напечатаны; съ поэзіею Китайцевъ мы совершенно еще незнакомы. Можно сказать, что поле Восточной поэзіи ожидаетъ еще прудолюбивой руки, которая обработавъ его показала бы намъ геній Востока во всемъ великолѣпїи, ему принадлежащемъ, и тѣмъ разширила бы сферу наукъ словесныхъ.

§ 8.

Наконецъ, между важнѣйшими предметами наукъ восточныхъ полагаемъ *испо-*

рію и статистику Азіи. Дабы усовершенствовати и дополниши историческія наши свѣдѣнія, надлежитъ, руководствуясь новыми почтнѣйшими наблюденіями, исправить и хронологію и географію Востока; собрать и описати и преданія племъ народовъ, которые попеременно или населяли его, или опустошали; опредѣлити различныя формы ихъ правленій, ихъ установленія гражданскія и священныя, ихъ успѣхи въ математическихъ наукахъ и земледѣліи; наконецъ, при всѣхъ историческихъ разысканіяхъ, никогда не перяты изъ виду, что одна только Азія можетъ для насъ объяснить исторію переселенія народовъ, безъ которой и самая исторія Европы не можетъ имѣти основанія твердаго, и которая по сіе время представляеть намъ одинъ только мрачный систематической хаосъ.

И со стороны астрономіи много имѣютъ для насъ привлекательнаго науки восточныя: на Востокъ была колыбель астрономіи. Первые астрономическія наблюденія перешли изъ Индіи къ Халдеямъ, потомъ въ Египетъ и Персію, наконецъ къ Александрійскимъ Грекамъ, отъ которыхъ заимствованы были Арабами, перенесшими ихъ на послѣдокъ въ Европу. Бальи въ сочиненіи своемъ объ *астрономіи Индійской* полагають, что первые наблюденія Индій-

цевъ сдѣланы были еще за 3102 года до Р. Х. И ученый Фреретъ также думаетъ (Hist de l'Acad. des Insct. T. XVIII p. 48), что съ этой эпохи надлежитъ начинать хронологію Индѣйцевъ. Миссіонеры утверждаютъ, что въ Индѣи находились философы, которые солнце почитали средоточіемъ міра. По крайней мѣрѣ мы знаемъ на вѣрное, что *Массуди*, авторъ Арабскій XII вѣка, приписываетъ *Брамъ* изобрѣтеніе Астрономіи, и что Птоломей заимствовалъ свой *Алмагестъ* у Индѣйцевъ. Гномонъ извѣстенъ былъ Браминамъ; и они имѣли методу для изчисленія затмѣній, по словамъ Балли, весьма простую и искусную (Astron. Ind. p. 112 — 113). Въ собраніи записокъ Калькутскаго общества заключается множество драгоценныхъ свѣдѣній объ Азіатской Астрономіи, подающихъ надежду къ новымъ, гораздо важнѣйшимъ открытіямъ.

§ 9.

И если справедливо, что мы наконецъ достигли до той эпохи (уже извѣстной въ Исторіи просвѣщенія), эпохи, въ которую человѣческій умъ, спустившій на крайнюю степень изобилія шворческаго, и не могущій удовлетворить собственному своему стремленію, обращается на самого себя, дабы, изчисливъ свои сокровища,

приобрѣсть новыя силы; но неоспоримо, что возрожденію наукъ восточныхъ встрѣпились самыя счастливыя обстоятельства. Стремленіе живое и творческая сила, дѣятельная, быстрая, объемлющая иногда человѣческой умъ, не могутъ быть признаны опличительнымъ качествомъ нашего времени. Эпоха безпокойной дѣятельности умовъ и общаго злоупотребленія мыслей заняла мѣсто славныхъ временъ и живости и блеска, когда гений, являющійся изрѣдка подобно пламенному метеору на сценѣ міра, оставлялъ за собою обширныя струи свѣта; и когда нѣскольکو избранныхъ умовъ заключали въ себя мысли и знанія *въ цѣломъ*, которыя нынѣ между большею частію людей *разсѣяны*. Сіи отдѣльныя участки свѣта могутъ еще блистать въ маломъ кругѣ; но они уже не соединяются въ одно свѣтосоздающее пламя. Творенія великаго духа, запечатлѣнные силою и безсмертіемъ, должны были необходимо уступить разборчивости остроумія, тонкой, но также какъ и оно малозначущей. Въ исторіи встрѣчается намъ не одна подобная эпоха. Я укажу на Грецію. Она уже истощена была произведеніемъ великихъ людей, когда послѣдній изъ нихъ, Платонъ, внезапно сдѣлалъ въ умахъ чрезвычайную перемѣну. Давъ новое движеніе мыслямъ, рас-

крывши способность анализировать, представивши раздробленными шѣ предметы, въ кошорыхъ геній до шого времени видѣлъ одно шолько цѣлое, открывши многіе дошодѣ неизвѣстные источники свѣта, и наконецъ облещи собственные мысли очаровательною одеждою воображенія сшихотворнаго, онѣ сдѣлался такѣ сказать посредникомъ между временами генія и вкусомъ ума. Послѣдователи Платона овладѣли всѣми предѣлами человѣческихъ знаній, и школа его въ послѣдствіи принимала на себя множество образовъ разныхъ. Въ идеяхъ произошло всеобщее волненіе, и ешо волненіе сходствовало весьма во многомъ съ шѣмъ, кошорое замѣчается въ наше время; разница однако ша, что Платонизмъ, распространившись въ шакое время, когда уже все пригшопвлено было къ перемѣнѣ всеобщей, когда успарѣвшія религіи и правила требовали преобразованія совершеннаго, необходимо долженъ былъ двинуться впередъ, дашь направленіе ожидаемому переворшшу, и успремиться не на размашриваніе памятниковъ древнихъ, но на раскрытіе новыхъ идей и на послѣдствія ими производимыя. Мы, напрштивъ, упомянутыя кровопролитіями, во имя человѣческаго ума учиненными, не можемъ и не должны ожидать никакого возобновляющаго ихъ пошрясенія. И шѣ же причины, кошорыя направляли вше-

редѣ стремленія Платонизма (надобно замѣтить, что и нынѣшнія идеи болѣе или менѣе ими напитаны), побуждающѣ насъ обратиться на древность тѣ знанія, которыми изобилуетъ теперь Европа. Науки восточныя были бы самымъ полезнымъ занятіемъ для безпокойной дѣятельности умовъ, и сверхъ того они оказали бы важную услугу Европѣ почтѣйшимъ опредѣленіемъ ея генеалогіи. Такъ безъ сомнѣнія! Короче познакомившись съ Азіею, найдемъ мы ту Аріаднину нить, копорая будетъ для насъ служишь руководствомъ въ лабиринтъ ума человѣческаго; и безъ сомнѣнія откроется намъ множество источниковъ древнихъ, забытыхъ, засыпанныхъ развалинами, но источниковъ могущихъ возвращишь намъ ту силу и свѣжестъ, копорыя предзнаменуютъ эпохи, озаряемыя присутствіемъ творческаго генія. Ж.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

III. С М Ъ С Ъ.

О почитаніи Св. Николая во Франціи.

Французскіе историки, обогатившіе насъ предорогими свѣдѣніями о нашемъ отечествѣ, объявляютъ о Чудотворцѣ Николаѣ много такого, чего мы совсѣмъ не знали. Вольперъ пишетъ, что въ старину въ Россіи погребали мертвыхъ съ письмомъ къ С. Петру и къ С. Николаю, которое впадалъ попъ въ руки умершаго. Леклеркъ, яко самовидецъ, повѣствуетъ нѣсколько иначе; онъ свидѣтельствуемъ, что покойнику - впадаютъ въ руки не письмо, а *пашпортъ* съ надписью на имя одного только С. Николая, которой принимаетъ душу усопшаго и препровождаетъ оную въ жилище праведныхъ. Г-ну Леклерку извѣстно, что, по мнѣнію Русскаго народа, С. Николай не восхотѣлъ бытъ Богомъ, и что сей Свяшитель послѣ Бога Отца заснувши его мѣсто. Словоохотный сей историкъ уведомляетъ современниковъ и потомство, что С. Николай есть папшонъ Россійской Имперіи, и что по древнему преданію С. Николай прибылъ въ Новгородъ водою. Не во гнѣвъ нашимъ простосердечнымъ галломанамъ, Французскіе писатели такъ много написали о Россіи, что все и упомянуть трудно, а особливо тѣмъ людямъ, которые, дорожа временемъ, не часто заглядываютъ во Французскія книги.

Можетъ быть нѣкоторыя чипашели за-
хотяшъ вѣдать, что Французы для себя пи-
шутъ о Святомъ Николаѣ, и какъ они по-
читаютъ сего Чудотворца. Я рѣшился вы-
писать слѣдующую статью (кто подумалъ
бы?) изъ Парижскаго Моднаго журнала!

„Святый Николай, Епископъ города Мира,
въ Лукіи, празднуемый по мѣсяцослову 6 го Де-
кабря, имѣлъ пишло великаго. Кажется, что
память его торжественно почитается съ ще-
спяго сполѣтїя. Историки согласны, что
нѣтъ ничего вѣрнаго о жизни и смерти сего
Священителя; извѣстно, что въ христіанствѣ
онъ заступилъ мѣсто боговъ древней мифо-
логїи, покровительствующихъ мореходцамъ,
и что матросы призываютъ его въ случаѣ
опасности, подобно какъ древніе призывали
Нептуна, Кастора и Поллукса,

„Балье (Baillet) и всѣ другіе, описавшіе
намъ многія чудеса, симъ Священителемъ содѣ-
ланныя, увѣряютъ, что онъ, плывучи въ Пале-
стину, утишилъ бурю на морѣ; а Рибаден-
сира прибавляетъ, что во время того же пу-
тешествїя Св. Николай воскресилъ матроса,
которой съ вершины мачты упалъ на палубу.
Вѣроятно по сей причинѣ матросы почита-
ютъ его своимъ покровителемъ,

„Во всѣхъ церквахъ и часовняхъ, воздвиг-
нутыхъ въ честь Св. Николая, онъ изобра-
жается въ архіерейскомъ облаченіи, съ пре-
мя нагими дѣтьми въ небольшомъ чанѣ, у
ногъ его находящемся. Я перечитывалъ жи-
тїя Священыхъ и разныя объ нихъ извѣстія,
и ни гдѣ не отыскалъ извѣщенїя, почему

Епископъ Мурскій такъ изображается. Только г. Милленъ въ своихъ Национальныхъ древностяхъ находилъ причину того въ особливомъ чудопвореніи: Свяшитель воскресилъ прехъ малолѣтнихъ школьниковъ, которыхъ одинъ содержалъ гостинницы умершвилъ и положилъ въ соль, съ намѣреніемъ послѣ продать ихъ мясо.

„Извѣстная пословица: *Saint Nicolas, qui marie les filles avec les gars* (п. е. Свяшый Николай, который выдаетъ дѣвушекъ за мужъ), думашъ надобно, вышла отъ того что Св. Николай, какъ написано въ житіи его, нѣсколько разъ въ ночную пору бросалъ мѣшки съ деньгами въ домъ одного обдѣнвшаго жителя города Папары, чтобы доставилъ ему средство прехъ молодыхъ и прекрасныхъ дочерей своихъ выдать за мужъ.

„Не входя въ дальнѣйшія подробности, скажемъ, что въ прежней Лотарингіи народъ весьма почиашъ Свяшаго Николая, именовъ коего и донинѣ памъ называется одинъ городъ, близъ Нанси. Онъ слышетъ покровителемъ малыхъ дѣтей обоего пола и въ особенноти юношей. Дѣвушки отъ десяти до двенадцати лѣтъ лишаются покровительсва сего великаго Свяшителя, и въ то же время начинають принадлежать заступленію Свяшья Екашеріны, общей ихъ покровительницы; а мальчики до самой женитьбы по прежнему оспаютъ вѣрными почишателями Св. Николая, коего праздникъ ежегодно совершаютъ пиршествами и другими увеселеніями.

„Отцы и машери, въ простомъ народѣ, разсказываютъ малолѣтнимъ дѣтямъ, что

Св. Николай въ день праздника своего, ночью 6 Декабря, ежегодно посѣщаетъ всѣ дома, спускаясь въ каминъ шрубою, и что для каждаго дышяши оставляетъ знаки своего удовольствія или неудовольствія, смотря по тому, хорошо или худо вели себя дѣти въ минувшее время. Св. Николай, говорящъ они, путешествуешъ по воздуху; за нимъ ходишъ осель, навьюченный двумя корзинами съ конфектами и съ лозами: оставивши осла на кровлѣ, Святой опускается въ низъ шрубою. Дѣти съ вечера должны положить у камина башмаки свои, по одному, или оба вмѣстѣ; и по утру находяшъ въ башмакахъ одни сахарныя закуски, игрушки и деньги, а другія розги.

„Сіе обыкновеніе, которое по справедливости можно названъ нравоучительнымъ, прежде революціи было наблюдаемо людьми всякаго состоянія. Въ бѣдныхъ домахъ дѣти клали деревянные башмаки свои подъ печку, и вмѣсто сахарныхъ закусокъ находили плоды или пироги.

„Не знаю начала сего обыкновенія; не знаю также, во всѣхъ ли частяхъ Франціи оно было наблюдаемо. Думаю надобно, что оно и въ Голландіи было извѣстно. Въ Амстердамѣ есть естампъ съ подписью: *праздникъ св. Николая*, сдѣланный съ картины Корнелія Троста, историческаго и портретнаго живописца. На немъ представлена внутренность Голландскаго дома; въ присутствіи отца и матери дѣти находяшъ въ башмакахъ своихъ дары Св. Николая; одно дышя, которому достались розги, плачешъ; а про-

чія при веселянся, нашедши пирожки и игрушки.“

Московскія записки.

Въ Россіи много опечественныхъ древностей. Кажется, шеперь весьма щцашельно собирають ихъ; но умножающеся число охотниковъ, а особливо до нашихъ древнихъ рукописей, возвышають оныхъ цбну, и дблаетъ шо, что нбкоторые продають рукопись впрое и вчетверо дороже противъ настоящей цбны. Богатые охотники до Славено - Русскихъ древностей, ничего не жалбя, собирають сіи драгоценныя оспатки — памятники народнаго просвбщенія въ любезномъ нашемъ опечествб. — Въ Москвб давно уже шоргуеть старинными Русскими, письменными и печашными книгами, пакже древними иконами почтенный старикъ *Игнатій Оералочтовичъ*: Выучившись самъ собою грамашъ, онъ получилъ охоту чишашъ и разбирашъ старинныя церковныя книги, и охота наконецъ сдблалась въ немъ страстью. Небогатое состояніе не позволяло ему собирать рукописей; и пакъ онъ рбшился еще первой завешъ ими шоргб, и счастливыи успбхъ наградишъ въ послбдствіи всб его старанія. Между шбмъ чишашъ и перечишывашъ книги, сколько ему время дозволяло, безъ помощи иностранныхъ языковъ и наукъ, запасся онъ познаніями, и собшвеннымъ любопытствомъ и опытомъ дошелъ до того, что въ шеперешнихъ его лбшахъ на 69 году жизни, нбкоторые изъ почтеннбйшихъ нашихъ лю-

биспелей и знакоковъ Русскихъ древностей не считающъ себѣ за сшудъ совѣповашься съ нимъ при извясненіи старинныхъ книгъ и другихъ древностей, и даже называшься его *ученикомъ*. Сей почтенный старикъ съ невбро-япною ревностію собиралъ, гдѣ только могъ провѣдать, всѣ древнія книги, не рѣдко и самъ покупая дорогою цѣною, особливо же шеперь при умножающемся числѣ охотниковъ. Сожалѣшь нѣсколько должно о томъ, что книги, иконы, кресты и другія старинныя рѣдкости находятся въ разныхъ рукахъ; но *Игнатій Дерапонтювичъ* заслуживаетъ общую благодарность за то, что безъ его старанія можешъ бышь нѣсколько сотенъ важныхъ книгъ совершенно бы пропали отъ нерадѣнія; ибо лѣтъ за сорокъ передъ симъ весьма немногіе думали о собираніи рукописей. Почтеннѣйшіе любители нашихъ древностей, Графъ *Алексѣй Ивановичъ Муслинъ-Пушкинъ* и Графъ *Федоръ Андреевичъ Толстой*, много весьма важныхъ вещей чрезъ него получили. Профессоръ Московскаго Университета, *Федоръ Григорьевичъ Баузе*, приводящій шеперь къ концу свое собраніе *Славено-Россійскихъ рукописей и монетъ*, кошорое едва ли не есть единственное въ своемъ родѣ, довольно приумножилъ его купленными отъ *Игнатія Дерапонтювича* рукописными и печашными книгами. Самая древнѣйшая книга изъ всѣхъ хранящихся у Профессора Баузе, и едва ли не изъ всѣхъ собраній, есть *Прологъ* (сокращенное описаніе житій Свяшыхъ), писанный *уставнымъ* письмомъ въ листъ на пергаментѣ въ 1229 году (6737) въ Великомъ Новѣгородѣ; также весьма рѣдкая, первая въ Москвѣ въ 1564 году повелѣніемъ Царя Іоанна

Васильевича напечатанная книга *Апостолъ* куплены у *Игнатія Оврапантовича* вмѣстѣ съ другими, писанными на пергаментѣ и на бумагѣ, также и печатными XVI и XVII столѣтій. При нынѣшнихъ обстоятельствеяхъ мы должны дорожить и сими *поздними* древностями: ибо о Древлянскихъ рукописяхъ г-на Дубровскаго, писанныхъ, какъ говорятъ, Руническими буквами, и другихъ отъ временъ Св. Ольги и Владиміра оставшихся, еще ничего не обнаружено, Моравскій дворянинъ Ганкенштейнъ хотѣлъ обмануть насъ Славенскою рукописью, будто бы 8 го вѣка (онъ продавалъ ее); но доказательства его признаны недостоверными, Вѣ кашадогѣ древнихъ рукописей Московской духовной типографіи означены многія XII мѣ, XI мѣ и даже X вѣками; но, какъ думаютъ, на угадѣ. Самые древнѣйшіе письменные памятники, изъ находящихся въ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, суть при Новгородскія грамоты, писанныя на *пергаментѣ* въ началѣ правленія Ярослава (1263 года); а изъ писанныхъ на *бумагѣ* всѣхъ древнѣе Послановленіе между Симеономъ Иоанновичемъ Гордымъ и его братьями, относящееся къ 1341 году. И Бакмейстеръ замѣчаетъ, что Славянскія рукописи, до насъ дошедшія, не старѣе XIII вѣка. Изъ хранящихся въ Библіотекѣ С. Петербургской Академіи наукъ самая древнѣйшая рукопись на *пергаментѣ* 1298, а на *бумагѣ* 1377 года. *К-нъ Калайдовичъ.*

Въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ 21 Декабря, въ присутствіи многихъ посѣтителей, было торжественное собраніе. Студенты и ученики читали рѣчь, разговоръ и стихи; пѣли, танцовали, бились на рапи-

раха и играли на музыкальных инструментах. Оплотившиеся благоправием и успехами получили приличные награды. Не излишнимъ почитается выписать нѣсколько спрокъ изъ рѣчи *О благоразумножъ цютъмбленнн вреженн*, чиванной г-мъ Полешикою: „Живѣли ли извергъ, убійствѣмъ, коварствомъ, хищеніями умножающій сври сокровища? Онъ прудился день и ночь: ужасной прудъ собирающій огонь на главу преступника. — Живѣли ли сей вельможа, сей судія, сей герой, жертвующій честолюбію своему благу, ми опечества, продающій судъ лицемѣрной, для плѣнныхъ лавровъ воспалившій неправедныя брани, укрывающій правду отъ лица Царева, подающій ему ложные совѣты? Нѣтъ! строгая истина скажетъ ему нѣкогда съ грознымъ видомъ: ты приобрѣлъ ложную славу; ты погубилъ данное тебѣ время. — Живѣли ли сей мудрецъ, успремившій свои способности не къ распространенію здравыхъ познаній и чистой нравственности, не въ славословіе Бога и добродѣтели, но къ приккрытію порока благовидною личиною, но къ насажденію пагубныхъ семянъ раздора, суевѣрія и предрасудковъ? Время жизни его поперяно! — Живутъ ли сильныя земли, возсѣдающіе на высокихъ своихъ престолахъ, окруженные славою и великолѣпиемъ, живутъ ли тогда, когда упасая народъ свой жезломъ желѣзнымъ, немыслятъ объ его благоденствіи, объ его спокойствіи и объ его выгодахъ? Жизнь ужаснѣйшая! . . . — Отцы! чада! друзья! ближніе! не считайте тѣхъ дней своими, въ копорые не сохранили вы взаимныхъ своихъ обязанностей! не считайте тѣхъ

„выгодъ прочными, которыя даровала вамъ не-
справедливость или коварство!“

Передъ симъ ровно за три года въ Вѣстникѣ Европы объявлено было о вышедшей тогда въ свѣтъ достопамятной книгѣ, подъ названіемъ: *Исторія Россійской Иерархіи Ч. I*. Теперь напечатана уже и II Часть сей Исторіи, собранная трудами погожь почтеннаго мужа, Новгородской Семинаріи Ректора, Архимандрита Амвросія. Предположено было во второй Части, послѣ описанія трехъ Россійскихъ Лавръ помѣстить извѣстія обо всѣхъ монастыряхъ по азбучному порядку; но какъ описанія однихъ Спавропигіальныхъ монастырей оказались доспащочными для наполненія цѣлой Части; по оныя и составляютъ сію вторую Часть отдѣльно; о прочихъ же Епархіальныхъ монастыряхъ предложено будетъ въ *третьей* Части. Намъ извѣстно, что господинъ собиратель руководствовался пособіемъ и совѣтами одного знаменитаго Іерарха, украшающаго собою Россійскую церковь и словесность. Особенное же право на благодарность публики принадлежитъ ему за *всеобщее введеніе въ исторію монастырей Грекороссійскихъ церкви*, за спашью о *Пекинскомъ монастырѣ*, и за описаніе *Александровской Лавры*, котораго большая часть обработана Преосвященнымъ. Вся вторая Часть состоитъ изъ 658 страницъ, кромѣ введенія. Одна спашья о Пекинскомъ монастырѣ содержитъ не менѣ какъ въ 72 страницахъ, и заключаетъ въ себѣ множество прелюбопытныхъ извѣстій. Монастырь, находящійся въ Пекинѣ, столичномъ городѣ Китайскомъ, при посольскомъ Россійскомъ Дворѣ, называется *Срѣтен-*

скижъ, и нынѣ состоить въ числѣ Ставропигіальныхъ 1го класса. Сношенія Россіянъ съ Китайцами начались вскорѣ по присоединеніи Сибири къ Россійской державѣ. Пограничные начальники отправляли къ Китайцамъ цѣлыя караваны свои съ товарами. Первое извѣстное караванное посольство въ Китай, или, какъ Миллеръ полагаетъ, къ Мунгальскому Хану, отправлено было при Царѣ Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ въ 1608 году изъ города Томска тамошнимъ Воеводою Волынскимъ; а первое Государственное посольство изъ Москвы въ Китай отправилъ уже въ 1654 году Царь Алексій Михайловичъ, и посланникомъ тогда отпущенъ былъ, подъ именемъ гонца, Байковъ, Боярскій сынъ города Тобольска. Въ 1685 году пограничная Россійская крѣпость Албазинъ разорена, а жиители со священникомъ отведены въ плѣнъ и поселены въ 5 верстахъ отъ Пекина. Для нихъ Китайскій Ханъ приказалъ построить деревянную церковь во имя Священника Николая, въ которой упомянутый священникъ отправлялъ богослуженіе около 30 лѣтъ. Въ 1713 году, по ходатайству Сибирскаго купчины Осколкова, отъ Китайскаго правительсва дозволено прислать въ Пекинъ духовную миссію. Почему въ слѣдующемъ году и отправлены туда Архимандритъ Іларіонъ Лежайскій, Іеромонахъ Лавреншій, Іеродіаконъ Филимонъ съ церковниками и служителями. Архимандритъ, Іеромонахъ и Іеродіаконъ, по особой милости Китайскаго Хана, пожалованы были въ Мандарины. Съ того времени до нынѣ посылаются въ Пекинъ священно- и церковно-служители при Архимандритѣ. — Теперь въ Пекинъ очень мало исповѣдующихъ Грекороссійскую вѣру, и въ

само́й *Русской сотнѣ* (название слободы подлѣ Пекина) изъ 35 человекъ мужеска пола едва нѣкоторые носящѣ имя христіанъ; дѣйствительно же почти всѣ предались Китайскому идолопоклонству. Со времени уменьшившейся въ 1805 году къ Католическимъ миссіонерамъ довѣренности, наши часто приглашаются въ Трибуналъ для перевода бумагъ, присылаемыхъ изъ Европы къ Езуитамъ. Архимандритъ, братія, причешники и студены обучаются Китайскому и Манжурскому языкамъ, имѣющѣ свободу ходити по городу; однакожь не иначе какъ въ Китайскомъ или Манжурскомъ платьѣ, для избѣжанія насмѣшекъ и порицанія отъ черни. Архимандритъ Софроній, выѣхавшій обратно въ Россію 1808 года, въ архивѣ Пекинскаго Срѣтенскаго монастыря нашелъ грамоту, въ 7202 (1695) году отъ Архіепископа Тобольскаго Игнація данную бывшему тогда въ Пекинѣ священнику Максиму Леонпѣеву на освященіе церкви и опправленіе священнослуженія. Въ сей грамотѣ особливаго примѣчанія достоено то, что Архіерей священнику предписываетъ молишься за Россійскихъ Царей, за весь Пресвѣтлѣйшій Домъ ихъ, за Папріарховъ, за себя, за все православное Духовенство, наконецъ за *Китайскаго Богдыхана* и за *боляръ* его.

„Молишия же сице, послѣ Государскихъ експеній: еще молимся Господу Богу нашему, помиловаши раба своего имярекъ Богдыханова Высочества, какъ его въ шиплахъ пишущъ, умножиши лѣтъ живота его и дароваши ему благородная чада въ наслѣдіе рода ихъ, и избавиши его и боляръ его отъ всякія скорби, гнѣва и нужды, и отъ всякія болѣзни душевныя и тѣлесныя, и откыриши

„имѣ свѣтъ Евангельскаго просвѣщенія , и
 „проспиши ему всякое согрѣшеніе вольное и
 „невольное, и соединиши его свящѣй своей
 „соборнѣй и Апостольской церкви, яко да
 „получишъ и царствіе небесное.“ Ликъ же по-
 юшъ: *Господи помилуй* трижды. И помомъ
 прочіи екшеніи о плодоносящихъ; а сіюбъ
 екшенію шебѣ Іерею Максиму учиниши пере-
 водъ Кишайскимъ языкомъ, а Русскимъ язы-
 комъ буде и говоришь, и оубъ того незнаюшъ.“

Театрѣ. *Декабря 16. Новый Стернь,*
комедія въ 1 актѣ, и Медя и Язонъ,
балетъ въ 5 актахъ. Многимъ изъ нашихъ
 молодыхъ людей вскружили голову сентимен-
 тальныя бредни, кошорыя пеперь, слава Бо-
 гу, кажешя мало по малу выходяшъ изъ мо-
 ды. Вмѣсто того чшобы провести время въ
 приобрѣшеніи основательныхъ познаній, необ-
 ходимо нужныхъ для будущаго состоянія,
 нѣкошорые молодые люди, начипавшисъ Фран-
 цузскихъ и полуфранцузскихъ романовъ, спа-
 новились бесполезными живошными, шягоспи-
 нымъ бременемъ для своего ошечества. Воен-
 ную службу ненавидѣли они, потому что
 безчеловѣчно убивать себѣ подобныя соз-
 данія; шпатскою гнушались, будучи увѣре-
 ны, что она наполнена людьми нечувствви-
 тельными, неимѣющими ни души ни сердца,
 неспособными восхищашъя красошами приро-
 ды. И шакъ, чшобы не оставашъя безъ дѣла,
 они вздыхали, плакали, ходили по бархат-
 нымъ лугамъ и по берегу зеркальнаго пруда,
 безъ цѣли и безъ намѣренія; смошрѣли на
 луну, подругу несчастныхъ; или пускались
 путешествовать по чужимъ сторонамъ для
 обогащенія себя новыми идеями — ибо въ

одномъ мѣстѣ чаяли они увидѣшь собачку, въ другомъ бѣлку, шамъ познакомишься съ помною, бѣлокурою красавицею, индѣ сорвашь листокъ съ вѣтки и положишь его въ записную свою книжку или за пазуху, поближе къ сердцу. Всѣ сіи и подобные имъ подвиги ослабляютъ душевныя силы, и дѣлають людей неспособными къ полезнымъ упражненіямъ. Давно пора бы нашимъ комикамъ взяться за чудаковъ сихъ, и показати публикѣ смѣшную ихъ спорону. Въ прочемъ *Новой Стерня* и шеперь можешъ пригодиться для упрямыхъ празднлюбцовъ, которые до сихъ поръ еще нехотятъ образумиться.

Кажется, въ нынѣшній разъ публика еще болѣе восхищалась Медеєю. Хорошее произведеніе искусства шѣмъ болѣе нравишь, чѣмъ болѣе на него смотрятъ; и самая игра г-жи Колосовой увеличивала удовольствіе въ зрительяхъ; ибо, ежели не ошибаемся, нѣкоторыя сильныя движенія сердца выражены были ею еще значительнѣе, нежели прежде. Въ прочемъ весьма справедливо сказано однимъ Французскимъ писателемъ о произведеніяхъ ума человѣческаго: сего дня мы удивляемся имъ, а на другой день находимъ въ нихъ недоспашки. Медея уготовляетъ пагубныя дары для Креузы, съ помощію Фурій, которыя у Новера названы Ревностью, Завистью, Мщеніемъ и Раздоромъ. По Греческой и по Римской мифологіи Фурій, или Евменидъ, счислаются только три: Алексо, Тизифона и Мегера. Сіи адскія богини изображаемы были зміевласыми, держащими въ одной рукѣ пламенникъ, а въ другой плеть зміеобразную. Имъ сопутствовали Ужасъ, Ярость, Блѣдность и

Смерть. Медея, какъ волшебница, немогла приказывать Фуріямъ, которыя подчинены были Плутсну. Она поручаетъ малымъ дѣшямъ своимъ повесити очарованные дары новобрачной. Очень хорошо! но для чего въ самое жилище Фурій призывать сихъ невинныхъ малютокъ, которыя вспунають въ адъ весьма спокойно, какъ будто бы ужасное мѣсто сіе давно уже имъ знакомо! — Въ нынѣшній разъ явились два новыя лица въ балетъ, г. Леонъ и г-жа Делиль, въ качествѣ придворныхъ особъ царя Коринескаго. Оба они заслужили справедливую похвалу прекрасными своими шанцами.

Декабря 20. Рѣдкая вещь, больша опера въ 2 актахъ съ хорами и балетамн. Сія опера, назадъ шому лѣшъ около двадцати, была вещью очень рѣдкою. Теперь уже и отъ оперы пребують не одной только приятной музыки, но вмѣстѣ и занимательнаго драматическаго дѣйствія, какое напри-мѣръ видимъ въ *Водовозѣ*. Какъ бы то ни было, на сей разъ нашлось много охотниковъ до *Рѣдкой вещи* — г-жа Сандунова играла Гишу. Появленіе на сценѣ сей достойно уважаемой актрисы, которой публика не видала на поприщѣ славы ея около года, обрадовало всѣхъ почташелей истиннаго шаланна. Ее встрѣшили и проводили съ громкими рукоплесканіями.

Декабря 21. Дидона, трагедія Я. Княжнина въ 5 актахъ, и Разсѣянные, комедія въ 1 актѣ.

Весь градъ кончаяся падетъ съ своей царицей. Да будешь Кароагенъ Дидониной гробницей!

говорилъ у Княжнина Дидона, и бросается въ огонь пылающей храмины. На театрѣ Дидона закалается кинжаломъ и проситъ падать на землю. Сочинитель ничего чрезъ то не перяетъ, и слѣдственно самъ Княжнинъ неогорчился бы сею неажною переменною; онъ зналъ, что искусство машиниста неприбавляетъ истиннаго достоинства трагедіи, и что не всякой хорошей стихопворецъ способенъ искать помощи у декоратора. Но я хотѣлъ бы, чтобы Русской Еней оставилъ мечъ свой у Дидоны, какъ то сдѣлалъ Еней Виргиліевъ, и чтобы тотъ же самый мечъ послужилъ къ прекращенію Дидониныхъ мученій. Мы кажемся, что въ зрительствѣ усилено было бы впечатлѣніе. Судя по одеждѣ Енея на театрѣ, его можно почестъ Троянскимъ Княземъ, путешествующимъ для разогнанія скуки, а не начальникомъ ратной дружины, съ оружіемъ въ рукахъ ищущимъ для себя новаго опечесства. Многие любители театра думаютъ, что Еней долженъ имѣть видъ воина, всегда готоваго сражаться, а не простаго гражданина. Г-жа Валберхова представляла Дидону съ такимъ же успѣхомъ какъ и прежде, а по мнѣнію нѣкоторыхъ прилѣжныхъ наблюдателей, еще удачнѣе. Въ доказательство помѣщаются стихи, сочиненные однимъ почитателемъ ея таланта, и присланные къ Издашело для напечатанія въ Вѣстникѣ. Имя его любопытные пусть отгадываютъ по слѣдующему знаку:

. . . . В

Дидоны прелести Виргилій выхваляетъ.
Дидоны я не зналъ; но сердце увѣряетъ,

Что не было въ ней той волшебной красоты,
 Которую вчера насъ восхищала ты.
 Нѣтъ, если бы съ тобой могла она сравниться,
 Еней, хоть набоженъ, въ счастливѣйшей судьбѣ,
 Разсудку своему не могъ бы покориться,
 И измѣня богамъ, былъ вѣренъ бы тебѣ.
 Ахъ! можно ль и на мигъ хотѣшь себя поки-
 нуть?

Что сердца твоего возможенъ даръ опринушь?
 Что можешь не желать, и презрѣнный тобой,
 Быть красоты твоей свидѣтелемъ всечасно?
 И въ грозный смерти часъ, просияшь на вѣкъ
 съ прекрасной,
 Снесши во мрачный гробъ любовь и образъ твой!

Г-ну Кондакову отдаюшъ справедливость за
 игру его въ роли Антенора; онъ говоритъ съ
 чувствомъ и съ достоинствомъ, и въ наруж-
 ности его нѣтъ ничего неприличнаго важно-
 сти пышнаго и благоразумнаго друга. На-
 добно только, чтобы онъ произносилъ слова
 явственнѣе и раздѣльнѣе. а особливо тамъ гдѣ
 онъ дѣйствуетъ съ нѣкоторымъ жаромъ. —

*Декабря 26. Старинныя святки, опера
 въ 2 актахъ, при Подложномъ кладѣ,
 комедіи въ 1 актѣ. Въ разрядныхъ запи-
 скахъ 1676 года замѣчено слѣдующее: „Была
 „комедія въ Преображенскомъ, шѣшили Вели-
 „каго Государя иноземцы, какъ Алаферна
 „Царьца Царю (п. е. Юдиѣ полководцу
 „Голоферну) голову опсѣкла, и на органахъ
 „играли Нѣмцы, да люди дворовые Боярина
 „Аршемона Сергѣевича Машвѣва. Тогожъ
 „года другая комедія тамъ же, какъ Аршакъ-
 „серксъ велѣлъ позѣсиль Амана, и въ органы
 „играли, и на фіолахъ, и въ инструменшы*

„и шанцовали.“ Какое разстояніе между *Царицею Алаферною* и *Артаксерксомъ*, и между *Старинными святками*, и что сказали бы добрый Царь Алексій Михайловичъ и сановитые Бояре его, когда бы увидѣли порядокъ и пышность нынѣшняго предсавленія, когда бы услышали величаніе изъ устъ г-жи Сандуновой, или пѣсню *Я не знала ни очемъ въ свѣтѣ тужить*, или опять другую пѣсню *Покажися мѣсяць ясной!* И самъ Симеонъ Полоцкій, погдашній драматическій писатель, вѣрно признался бы, что искусство его нынѣ имѣетъ гораздо болѣе способъ *тѣшить* зришелей, нежели въ его время. — Трудно повѣришь, что, между тѣмъ какъ зришели въ ложахъ и въ креслахъ извѣляли удовольствіе свое и признапельность г-жѣ Сандуновой громкими рукоплесканіями, отъ райка иногда раздавалось безсильное шипѣніе негодованія!!

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Одинъ ученый мужъ, по имени Бернадъ Германъ, уроженецъ изъ Аппенцельскаго кантона, объявляетъ о важномъ сочиненіи своемъ, надъ которымъ онъ прудился очень долго, и которое содержитъ въ себѣ новыя открытія о строеніи міра. Книга его называется *Коперникова могила*. Сочинитель математически старается доказать, что земля не есть планета, что она есть средоточіе всемірной системы, и что солнце есть тѣло землѣ принадлежащее и отъ нее зависящее.

Онъ увѣряетъ, что всѣ до нынѣ извѣстные астрономы весьма грубо ошибались и вводили другихъ въ заблужденіе, и что онъ только одинъ въ состояніи открыть свѣту истинныя начала движенія и покоя, начала до сихъ поръ невѣдомыя. *Risum teneatis amici!*

✱

Пишутъ изъ Берлина, что тамъ недавно вышло въ свѣтъ *Новое путешествіе* по Германіи, въ которомъ содержится описаніе одного въ старину весьма славнаго мѣста, гдѣ было ужасное судилище во время Карла великаго и преемниковъ его, извѣстное подъ именемъ Вемическаго, или Тайнаго. Развалины Баденъ - Бадена, по свидѣтельству путешественника, достойны всего вниманія любопытнаго наблюдателя, и принадлежатъ къ числу первыхъ видовъ въ Европѣ изъ рода прекрасно - ужасныхъ. Надобно обозрѣть проспранныя подземелья въ замкѣ, а особливо надобно побывать въ переходахъ, ведущихъ къ спрашнымъ заклепамъ, гдѣ содержались знаменитѣйшіе вельможи и рыцари, къ погребамъ, гдѣ ихъ судили, и шемницамъ, гдѣ ихъ мучили пышками. Посреди нѣкопрыхъ мрачныхъ пещеръ сихъ и теперь еще видны опверзшія, или колодези, черезъ которые несчастныхъ узниковъ по веревкѣ опускали въ глубокія пропаси. Дверь въ шемницѣ, гдѣ производились пышки, еще и теперь ходитъ на веряхъ своихъ, и сдѣлана такъ искусно, что никакъ не можно примѣшить ее, и даже нельзя догадаться, чтобы тутъ было опверзтіе. Къ стѣнѣ прикрѣплены желѣзные крючья и цѣпи, а посреди шемницы, подъ полусогнившими досками, примѣшна круглая дыра, которую называли *дѣвичимъ поцѣлцемъ* (*jung-*

fernkuß). Несчастный, брошенный въ низъ, былъ искрошенъ въ мѣлкія части приводимою въ дѣйство особливою машиною. Тутъ еще и теперь видны судейскія сѣдалища, жершвенникъ и распятіе.

*

Въ твореніяхъ Маршына Люпера найдено нѣчто приличное нынѣшнимъ обстоятельствамъ торговли. Въ одномъ сочиненіи своемъ *о торговлѣ и лихоимствѣ*, напечатанномъ въ 1524 году, пишетъ онъ между прочимъ: „Нельзя не признаться, что покупать и продавать можно и должно, лишь только по христіянски, а особливо такія вещи, которыя служатъ для необходимыхъ нуждъ и для чести; ибо даже самые Патриархи продавали и покупали скотину, волну, хлѣбъ, масло, молоко и другія вещи. Онѣ суть даръ Бога, подаваемый Имъ землѣ и людямъ. Но чужестранная торговля, посредствомъ коея получаютъ изъ *Калъкуты*, *Индіи* и другихъ странъ различные товары, какъ то дорогіе шелки, золотыя издѣлія и пряности, которыя служатъ не къ пользѣ, а только для пышности, и которыя высасываютъ у земли и у людей деньги, такая торговля не должна быть дозволяема, гдѣ есть правительство и государи. Однакожь теперь я о томъ пишу нехочу; ибо думаю, что наконецъ, когда не станешь у насъ денегъ, мы сами должны будемъ отказаться отъ нарядовъ и лакомства. Писанье не поможетъ, а развѣ помогутъ намъ *нужда* и *бѣдность*. — Богъ привелъ насъ Нѣмцовъ до того, что мы золото и серебро свое бросаемъ въ чужія земли, обогащаемъ цѣлой свѣшью, а сами нищими оспаемся. Король Португальскій имѣлъ

„бы гораздо менѣе, если бы только мы опка-
„зались опъ его праныхъ кореньевъ. Сочти,
„сколько денегъ въ одну Франкфуртскую яр-
„марку вывозится изъ Германіи безъ нужды
„и безъ причины; тогда удивишься, какъ
„можно въ Нѣмецкихъ земляхъ оставашься
„еще и одной полушкѣ!“

Славный ваятель Канова имѣлъ честь
завтракать вмѣстѣ съ Императоромъ и Им-
ператрицею въ Фоншенбло. Онъ ѣдетъ обра-
тно въ Римъ, гдѣ будетъ работать надъ
памятникомъ Прусской Королевы, которой
долженъ быть посвященъ въ Шарлотенбургѣ.

Нѣкто Кламмеръ въ Вѣнѣ сдѣлалъ изъ
слоновой кости розовой кустъ, которой цѣ-
нятъ въ 60,000 франковъ. Цѣна сія тому
только можетъ показаться чрезвычайною,
кто не видалъ сего удивительнаго издѣлія.
Чѣмъ долѣе и чѣмъ пристальнѣе смотришь
на прекрасную группу шипковъ, распускаю-
щихся, созрѣвшихъ, увядающихъ и увядшихъ
розъ, на разныхъ здѣсь и тамъ гнѣздящихся
наскромыхъ, на паутину, на пропеченныя
листья, на праву и ш. д.: пѣмъ болѣе нахо-
дишь истины, изящества и совершенства.

IV. ПОЛИТИКА.

О послупкахъ Англичанъ въ Португалліи.

Португальская армія встрѣпила при завоеваніи сего Королевства препоны, которымъ по необходимости возникнуть надлежало, и которыя суть непреложное слѣдствіе плана медленной обороны, весьма щашельно обдуманнаго и безъ малѣйшаго извѣшя исполненнаго со всевозможнымъ варварствомъ, неизвѣстнымъ въ лѣтописяхъ нашихъ Европейскихъ браней, подѣемлемыхъ для блага странъ и народовъ.

Португальцы нечюбятъ Англичанъ. Англичане по знаютъ; они овладѣли Португальскимъ войскомъ, и наполнили его своими офицерами. Португальскіе офицеры имѣютъ должности только въ крѣпостяхъ и въ милиціи. Всѣ бригадиры изъ Англичанъ; въ каждомъ полку опредѣлено по одному или по два штабъ - офицера и великое число оберъ - офицеровъ изъ Англичанъ же. Одна часть лучшаго Португальскаго дворянства отправилась въ Бразилію въ слѣдъ за Регентомъ; другая находится во Франціи; а немногіе дворяне оставшіеся въ Португалліи удалены отъ всѣхъ должностей. Порядокъ сей былъ причиною многихъ весьма сильныхъ жалобъ. Между офицерами обѣихъ націй происходили и еще нынѣ продолжаются частыя ссоры.

Потеряніе крѣпости Цивидадъ-Родриго, а особливо Алмейды, для возвращающаго коихъ завоеванія ничего не было предпринято, весьма раздражило народъ Португальскій. Юнпа правительства пишала негодование Лорду Веллингтону показалось, что еще недовольно сильна власть его надъ умами ченовъ Юнпы, и для того положено, чтобы Англинскій посланникъ въ Лиссабонѣ былъ членомъ правительства, и чтобы ни одно распоряженіе не могло бытъ исполняемо безъ его участія. Съ тѣхъ поръ изданы многія повелѣнія, достойныя временъ Робеспьера. Однимъ изъ таковыхъ повелѣній подъ опасеніемъ смертной казни запрещено Португальцамъ говорить о военныхъ дѣлахъ и рассказывать другія новости, кромѣ тѣхъ, кои напечатаны въ *Лиссабонской газетѣ*. Другимъ предписано, также подъ опасеніемъ смертной казни, чтобы жители уходили изъ городовъ и деревень, оставленныхъ Англичанами; чтобы уносили съ собою свѣспные припасы и уводили скотину; чтобы сожигали или бросали въ воду все то, чего взять съ собою не могутъ; чтобы разрушали мѣльницы и домашніе снаряды, сожигали хлѣбъ въ полѣ еще непожашой, и разливали бы вино по улицамъ.

Въ началѣ Сентября Маршалъ Князь Ес-линггенскій соединилъ при корпуса арміи своей въ окрестностяхъ Алмейды. Вдругъ Лордъ Веллингтонъ отступилъ на тридцать миль и расположился при Поншъ-Мурцеллѣ, близъ Коимбры. Его отступление сразило Португальцовъ и огорчило Юнпу правительства. Въ Португальскомъ войскѣ усилились побѣги. Вообще носилась молва, что Англичане посадятъ его на корабли свои, и отправятъ въ Аме-

рику или въ Индію. Лордъ Веллингтонъ успокоилъ Юнпу и утишилъ возмущеніе.

Французская армія вступила въ Португаллію. Веллингтоновы повелѣнія возимѣли свое дѣйствіе. Крестьяне, которые не бѣжали изъ жилищъ своихъ и попались въ руки Англичанамъ, были разспрѣяны или отправлены въ ссылку. Сами солдаты грабили и зажигали деревни, въ которыхъ жили нерѣшались испреблять сѣбѣспныхъ припасовъ и хозяйственныхъ снарядовъ. Путь изъ Алмейды къ Лиссабону сдѣлался пустынею. Мы едва нашли 2000 крестьянъ на дорогахъ.

Послѣ сраженія при Бузако, Веллингтонъ приказалъ освѣщить городъ Коимбру въ знакъ веселія. Огни еще горѣли, а уже Англичане были на походѣ. Солдаты ихъ разграбили Коимбру, и прежде выступленія усилъли надѣлашь множество безпорядковъ. Въ шесть дней Веллингтонъ перебѣжалъ отъ береговъ Мондего къ своимъ Лиссабонскимъ укрѣпленіямъ. За крайнюю поспѣшностію по ода, кантоны прилежащіе рѣкѣ Тагу не попали системѣ всеобщаго испребленія. Негодъ нѣе чрезмѣрно усилилось; народъ возропшалъ въ Лиссабонѣ, и рѣшительно объявилъ, что не дастъ Англичанамъ садиться на корабли въ пристаняхъ Тага. Тогда-то выдуманъ сей нелѣпый заговоръ шестидесяти человекъ дворянъ, духовныхъ, судей, купцовъ, прежнихъ друзей или враговъ Французамъ, людей большею частію никакимъ политическимъ мнѣніямъ непричастныхъ, и которыхъ вся вина состояла только въ томъ, что разореніе опечества своего приписывали они правиламъ Махиавеличскимъ, и предсказывали, что нагле утѣснили ихъ наконецъ принуждены будущъ оставишь

спрану сію и предашь ее такимъ ужаснѣйшимъ бѣдствіямъ, какимъ ни одинъ еще народъ не подвергался. Опустошеніе Палашинаша, за которое нѣкогда жестоко обвиняли министра Лувау, и которое учинено войскомъ непріятельскимъ, ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что вытерпѣли Португальцы отъ своихъ союзниковъ. Изъ числа мнимыхъ заговорщиковъ, знатнѣйшіе по роду своему, богашству и дарованіямъ, захвачены и опвезены въ Лондонъ. Другіе задержаны подъ стражею и потомъ опправлены въ Бразилію.

Англичане посылають въ Америку Португальскія семейства, извѣвляющія на по свое согласіе; а тѣхъ, кои не желаютъ оставить свое опечество, они стараются склонить всѣми способами. Чѣмъ болѣе народа опправится, тѣмъ менѣе потребно сбѣспныхъ припасовъ для прокормленія остающихся. Положеніе Англичанъ есть самое безпокойное: ихъ осталось всего навсе не болѣе 30,000; подлѣ нихъ находится 40,000 Португальскихъ солдатъ недовольныхъ; за ними 100,000 опчаяныхъ бѣглецовъ и необъянное число жителей Лиссабона. Англичане управляютъ не иначе какъ посредствомъ ужасовъ. Они поступаютъ весьма презрительно съ дворянствомъ и съ народомъ. Непроходитъ ни одной ночи безъ того, чтобъ не брали подъ стражу и не вводили безъ вѣсти. Сбѣспные припасы чрезвычайно дороги. Возмущеніе предупреждается не инымъ чѣмъ, какъ только великими суммами денегъ.

Англійскій солдатъ получаетъ нынѣ фунтъ соломины, полраціона сухарей и нѣкоторое количество рому. Португальскому солдату хощя и даютъ хлѣбъ, но мяса по-

лучаєнѣ онѣ только полфунша, а рому ни капли. Сіе неравенство єсть причиною несогласій между обѣими арміями.

Всѣхъ бѣглецовъ, по желанію ихъ, опвозятъ въ Аленшею. Прочіе живутъ въ шалашахъ и подъ опкрытымъ небомъ подлѣ Лиссабона. Никшо неможешь войти въ столицу безъ пропускнаго вида. Бѣглецамъ опъ правительства раздаются сухари на мѣстѣ. Когда Французы всступятъ въ Аленшею, то Лиссабонъ изнурился опъ голода, и Англичане подвергнутся жестокому перелому.

У непріятели множєство больныхъ, а побѣги бывають споль часшыє, что до нынѣ подобныхъ примѣровъ не видано. Солдаты опшавляютъ знамена, чтобы избавишься опъ шѣлесныхъ наказаній.

Французская армія расположена хорошо; она имѣетъ надежду на своего полководца. Во Французскихъ полкахъ неслышно было о побѣгахъ, а чужестранныхъ баталіоновъ не много въ арміи. Что бы ни говорили Англичане, а можно принять за досповѣрное, что бѣглецовъ нѣтъ изъ нашей арміи.

(Изъ Монилера.)

Обозрѣніє заграничныхъ произше- ствій.

Во время данной дипломашическому корпусу въ Тюльерійскомъ дворцѣ аудієнціи 18 Ноября (н. с.), Императорскій Россійскій Посолъ имѣлъ честь предсавишь Е. В. Императору Наполеону многихъ своихъ соопечєшвенниковъ. Дивизионный Генералъ Цезарь

Бертье; именемъ своего Государя, принялъ новый департаментъ Симплонскій. Французское правительство получило извѣстія изъ Португальской арміи, и въ Мониперѣ уже напечатано подробное описаніе движеній Маршала Князя Есслингенскаго. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ коммерческую Камеру о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ для обезпеченія провоза Леваншскихъ поваровъ черезъ Иллирію и Италію. Изъ важнѣйшихъ предметовъ есть хлопчатая бумага, которая будетъ получаема уже не чрезъ Германію; ибо учреждаются торговля сношенія непосредственно съ Салоникою и Триестомъ.

*

Отъ Прусскаго правительства изданы указы сожигать и истреблять всѣ произведенія Англійскихъ фабрикъ, которыя нашлись бы въ Прусскихъ владѣніяхъ. Также изданъ новый планъ для финансовъ. Король намбрентъ немедленно выпластитъ всѣ военныя подати; съ перваго числа Января платитъ исправно всѣ проценты за долгъ государственный; выкупитъ облигаціи, данныя вмѣсто процентовъ; выдастъ капиталы внѣшнимъ заимодавцамъ, и обезпечитъ капиталы внутренніе. Правительство надѣется усилить въ своихъ намбреніяхъ чрезъ приведеніе въ однообразную систему налоговъ, чрезъ продажу помѣстій Королевскихъ и духовныхъ, и чрезъ взятіе въ заемъ денегъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Духовныя владѣнія превращаются въ свѣтскія, а владѣльцы оныхъ вмѣсто доходовъ получаютъ вознагражденіе.

*

Дворъ Копенгагенскій обнаруживаетъ разные акты, коими достоверно утверждается,

что Датское правительство спрочайше наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ о запрещеніи ввозить Англійскіе товары. Англичане думаютъ, что имъ удобнѣ вести недозволенную торговлю со Швеціею: трудно согласить, такъ сказано въ Мониторѣ, споль дѣйствительно опправляемую Англичанами торговлю въ Швеціи съ ежедневными оскорбленіями, которыя отъ нихъ наносятся ея правительству. Надобно знать, что Англичане до сихъ поръ еще не признали нынѣшняго Короля, ни Наслѣднаго Принца, и что Графъ Готшторпскій принятъ былъ Англійскою эскадрою со всевозможными почестями. Противъ такихъ поступковъ не надлежало бы опвѣщать поведеніемъ, вовсе несходнымъ съ дѣйствіями прочихъ государствъ Европы. Но сіе поведеніе, неполипическое и противное обязанностямъ Швеціи, должно прекратиться.

Наслѣдный Принцъ Шведскій принятъ въ столицѣ со всѣми подобающими сану его почестями. Его вшествіе съ Стокгольмѣ было весьма блистательное. Его Высочества предспавлялся Королю въ присутствіи Чиновъ государственныхъ, и произнесъ рѣчь, которую будущіе Типы-Ливіи, Саллустіи и Квинты - Курціи должны внести въ испорію. Обрядъ присяги равнобрно совершенъ весьма торжественно. Его Высочество, снявъ съ головы своей корону и преклонивъ колѣна, читалъ присягу; потомъ опять взявъ корону, поцѣловалъ руку Короля, и стоя передъ трономъ, произнесъ рѣчь на Французскомъ языкѣ, которую въ то же время Баронъ Вешперъ-Шпедтъ переводилъ на Шведской.

Война швердой земли противъ Англіи продолжается весьма дѣятельно, и слѣдствіи оной со дня на день спановятся пагубнѣе для Островіянъ. Убытки, понесенные торговлею ихъ, чрезвычайны. Балтійское море покрыто обломками судовъ ихъ, а въ порты корабли ихъ впускаются только для задержанія оныхъ и для конфискованія грузовъ, какъ то случилось въ Пиллау, Штетинъ и Данцигъ. Въ Неаполь, въ Шпуггардъ, въ Италіянскомъ Королевствѣ, въ Анспахъ и во многихъ другихъ мѣстахъ повелѣнія касательно Англійскихъ издѣлій исполнены въ спрочайшей точности.

*

Въ Константинополѣ снова замѣчены нѣкоторыя признаки къ возмущенію между янычарами, которые бояшся, чтобы нестали ихъ обучать Европейской дисциплинѣ. Правительство ничего не объявляетъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Вегабисы, или Вехабишпы, кажется, прешерпѣли нѣкоторыя неудачи въ Сиріи. О движеніяхъ Беевъ Египетскихъ неизвѣстно никакихъ подробностей. За противными вѣтрами неполучаются новости. Вывозъ хлѣба запрещенъ, для того чтобы со стороны довольства обезпечить войско, стоящее въ лагерѣ при Адрианополѣ. *(Изъ Мемс. de France.)*

31 Декабря, 1810.

У в ѣ д о м л е н і е.

Доставленные при запискѣ отъ неизвѣстной благотворительной особы 50 рублей немедленно будутъ отправлены въ Тамбовъ къ купцу Андрею Бокову (см. Вѣстн. Евр. 1810. No 24 стр. 303). К.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 2. ЯНВАРЬ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Достопамятный сонъ.

Вчера былъ я въ обществѣ медиковъ-профессоровъ, гдѣ одинъ изъ нихъ рассказывалъ о новыхъ любопытныхъ наблюденьяхъ, которыя недавно сдѣлалъ онъ въ анапомѣи чловѣческаго тѣла; другой въ свою очередь занималъ бесѣду чудесными своими опытами посредствомъ микроскоповъ. Замѣчанія и разсужденія шли рѣкою и разговоръ продолжался до вечера.

Въ головѣ моей родилось множество новыхъ идей, которыя, смѣшавшись съ прежними, цѣлой вечеръ занимали мою душу; и ночью я видѣлъ сонъ достопамятный.

Мнѣ видѣлось, будто одинъ изъ анапомиковъ пригласилъ меня къ себѣ, общая

показать спроеіе головы, принадлежавшей въ некоторому *любезному ловѣсѣ*. и спроеіе сердца, принадлежавшаго одной любезной женщиѣ, или, яснѣе сказать, *кокеткѣ*. Я нашелъ у него госпей и на столѣ голову и сердце. Операторъ сначала принялся за голову, и его рука управляла ножемъ съ удивительнымъ искусствомъ. Съ перваго взгляда она показалась намъ обыкновенною, похожею на всѣ человѣческія головы; но когда мы стали разсматривать ее съ помощію микроскопа; то открыли величайшія странности: то, что мы принимали за мозгъ, въ самомъ дѣлѣ былъ какой-то составъ необыкновеннаго вещества, имѣющій особенную фигуру и спроеіе, и съ особеннымъ искусствомъ заключенный въ разныхъ *полостяхъ* (cavitas) черепа. Гомеръ говоритъ, что кровь боговъ не есть кровь настоящая, а только нѣчто похожее на оную; но же нашли мы въ головѣ нашего повѣсы: его мозгъ былъ не настоящей мозгъ, но только нѣчто на него похожее.

Та часть мозга, которую анатомики называютъ кегельною желѣзою (glans pinealis), и на которой нынѣшніе философы спавяшъ шронъ душъ нашей, издавала весьма сильный запахъ какой-то ессенціи и воды изъ цвѣтѣвъ померанцевыхъ: она была покрыта оболочкою роговаго свойства, обра-

зующею множество небольшихъ гладкихъ граней или зеркалъ, которыя впрочемъ были непримѣжны для простаго глаза. Нѣтъ сомнѣнїя, что душа (если только обитала она въ сей головѣ) безпрестанно смотрѣлась въ зеркала и любовалась своею красою.

Въ задней частѣ головы или въ запылкѣ примѣтили мы полоску, наполненную лешами, галунами и золотымъ шипьемъ. Всѣ сїи вещи, сплешенныя однѣ съ другими, составляли образчикъ любопытнѣйшей искусственной сѣтки или кружева; однако жъ и ихъ не лзя было видѣть простымъ глазомъ. Въ другой полоскѣ лежали связки любовныхъ записокъ, любовныхъ писемъ, танцовальныхъ фигуръ, и другія симъ подобныя вещицы. Нѣсколько подалѣе открыли мы полоску съ какою-то пудрою; оныя привосновенїя оператора жъ ней всѣ госпи зачихали, и ея запахъ рѣшительно доказалъ намъ, что она была настоящая *Гишпанская*. Запылокъ имѣлъ еще другія многія полоски съ припасами сего рода, но полный реестръ ихъ былъ бы скученъ для чипашелей.

Достоины вниманїя двѣ большїя полоски, примѣченныя нами въ вискахѣ. Полоска въ правомъ вискѣ была наполнена пуспыми анекдотами, лестїю, ложью, обѣщанїя-

ми, увбрегїями и кляпвами; а полость въ лѣвомъ укоризнами и ужасными заклпїями на счетъ женщинъ, нечувствительныхъ въ любезности нашего героя. Отъ каждой изъ сихъ полостей шелъ каналъ до самаго корня языка, гдѣ они оба встрѣпились и соспаляли уже одинъ, продолжающійся до конца онаго. Сверхъ сего анатомическїй ножъ показалъ намъ множество такихъ же каналовъ, имѣющихъ направленїе отъ ушей къ мозгу. Наблюдая со вниманїемъ всѣ ихъ изгибы, мы увидѣли, что одинъ оканчивается связкою сонеповъ и небольшимъ музыкальнымъ инструментомъ; другїе разными пузырями, пустыми, или ничего не содержащими въ себѣ кромѣ пѣны; но замѣтившїй изъ нихъ по своей величинѣ, проходя черезъ самую большую полость черепа, обращался къ языку. Сїя полость была наполнена веществомъ воздревапаго свойства, которое походило на гредвую губку, и которое Французскїе анатомики называютъ *галлматъею*, а наши *вздоромъ* или *безсмыслицею*.

Кожа, покрывающая переднюю часть головы, была чрезвычайно груба и толста. Весьма удивительно, что при всемъ старанїи мы немогли открыть въ ней ни одного кровянаго сосуда ни простымъ глазомъ, ни посредствомъ микроскоповъ; и пошому

заклучили, что она была совсѣмъ лишена способности краснѣться.

Всѣ свѣжины рѣшетчатой кости (os cribroforme) были наполнены табакомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже повредились отъ него. Мы не могли не остановиться надъ тѣмъ небольшимъ мускуломъ, который рѣдко находясь анапомики, и посредствомъ котораго нашъ герой поднималъ носъ вверхъ, когда хотѣлъ показатъ свое презрѣнiе или при видѣ непрiятной вещи ему, или при разсказѣ чего-нибудь его умственныя силы превосходящаго. Считаю излишнимъ напоминать, что Латинскiе спиношворцы, говоря о глупой гордости, часто ссылаются на дѣйствiя сего мускула.

Въ глазахъ мы не нашли ничего слишкомъ любопытнаго, кромѣ того что мускулы, которые даютъ взглядамъ выраженiе спрѣстное, и которые потому называются у анапомиковъ любовными (musculi amatorii), были чрезвычайно повреждены и, такъ сказать, вѣшки, конечно отъ частой работы; а напротивъ мускулъ *возвышатель* (elevator), т. е. обращающiй взоры наши къ небу, сохранялъ всю природную крепость и свѣжесть.

Здѣсь исчислены одни только новыя открытія, нами сдѣланныя, и не упомянуто ничего о часпяхъ, во всякой обыкновенной головѣ примѣчаемыхъ; на примѣръ волосы, лицо и вообще наружный видъ и образованіе головы у нашего героя были такіе же, какъ у прочихъ. Одинъ изъ гостей сказалъ, что любезной повѣса былъ лѣтъ 35; что во всѣ сіи лѣта онъ ѣлъ и пилъ подобно всѣмъ живописнымъ; что онъ одѣвался хорошо, говорилъ громко, смѣялся часпо, и на балу или въ собраніи игралъ свою роль въ иныхъ случаяхъ сносно; — другой прибавилъ, что въ кругу *нѣколорыхъ дамъ* онъ почипался даже осиромцею. И сей герой любезности скончалъ цвѣтущую свою жизнь отъ ножа, которымъ поразилъ его одинъ богатой купецъ, заставъ у своей жены расточающаго излишнія ласки.

Разсмотрѣвъ голову со всѣми ея отдѣленіями и украшеніями, мы положили мозгъ въ черепъ въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ онъ находился, и покрыли ее широкимъ алымъ сукномъ. Операторъ ходилъ надлежащимъ образомъ приговаривая ея для храненія въ анатомическомъ кабинетѣ; онъ замѣтилъ намъ, что сія голова не попотребуешь такого труда какъ другія; пошому что всѣ мозговые сосуды

и прубочки уже наполнены веществомъ меркуріальнаго свойства, которое по его мнѣнію было не что другое какъ чистая ртуть.

Наконецъ обратились мы къ сердцу кокетки; но операторъ, приступая къ дѣлу, прежде сказалъ намъ вмѣсто предисловія, что нѣтъ ничего труднѣе въ анапоміи, какъ разбирать сердце кокетки, въ которомъ находится множество разныхъ изгибовъ и лабиринтовъ, какихъ въ другихъ живошныхъ совсѣмъ не видно.

Онъ просилъ насъ обратить вниманіе впервыхъ на оболочку или мѣшечекъ (*) сердца (pericardium). Мы исполнили его волю; взяли свои спекла и увидѣли милліоны небольшихъ царацинъ, оспавленныхъ, по общему нашему мнѣнію, оспріемъ ихъ стрѣлъ, которыя время отъ времени въ безчисленномъ множествѣ падали *вскольз* на поверхность сердца, — но не нашли никакого слѣда раны, въ глубину его простирающейся.

Каждый ученикъ анапоміи знаетъ, что подъ сею оболочкою находится пон-

(*) Сердце всякаго живошнаго лежитъ въ особенномъ мѣшечкѣ, какъ будто въ ридикулѣ. *Прим. для дамъ.*

ная красноватая жидкость, и что ее производящъ испаренія, выходящія изъ сердца и потомъ превращающіяся въ вещество водянистое.

Разсматривая его, мы нашли, что оно имѣетъ всѣ свойства того спирта, который употребляется въ пермометрахъ, показывающихъ состояніе погоды.

Не могу не упомянуть объ опытѣ, который при семъ случаѣ намъ разсказанъ однимъ изъ гостей, и который имъ самимъ прежде сдѣланъ былъ надъ сердцемъ некепки же, по ещѣ что, пользуясь столь разительнымъ сходствомъ сей жидкости со спиртомъ, налилъ онъ ея трубку, приготовленную такимъ образомъ, какъ приготовляются пермометры, — что она, къ удивленію его, не показывая никакихъ переменъ атмосферы, совершенно означала начесыва людей, входящихъ въ тотъ покой, гдѣ была поставлена, — что при приближеніи шляпы съ перомъ, мундира шиняго, или кружевныхъ Французскихъ манжетъ, чудесная жидкость поднималась и тотчасъ упала, какъ скоро подходилъ большой безобразной парикъ, дурные башмаки, или фракъ спариннаго покроя. Онъ присовокупилъ еще — какъ будто сихъ чудесъ было не довольно —

что жидкость весьма чувствительно возвышалась, когда онъ подлѣ нее смѣялся громко, и опускалась, когда принималъ видъ важный, — однимъ словомъ, что онъ съ симъ новымъ пермометромъ узнавалъ безъ ошибки, умной ли госпои посѣтилъ его, или повѣса.

Снявши оболочку, мы начали разбирать самое сердце: его поверхность холодная была скользка чрезвычайно, какъ что всякой разъ, когда мы хотѣли взять его въ руки, оно вырывалось подобно гладкой льдинѣ.

Фибры въ немъ были сплелены и спутаны, какъ ни въ одномъ сердцѣ прочихъ женщинъ. Вообще оно походило на Гордѣевъ узелъ, и по всѣмъ вѣроятностямъ во время жизни имѣло движенія самыя неправильныя и непостоянныя.

Весьма любопытно то, что ни одинъ сосудъ, входящій и выходящій изъ сердца, не имѣлъ никакого сообщенія съ языкомъ.

Равнымъ образомъ не могли мы не удивляться, что многія изъ шѣхъ небольшихъ вервь, которыя своимъ поширеніемъ производящъ чувство любви, ненависти и прочія спраски, или въ семъ сердцѣ не отъ мозга, но отъ мускуловъ, лежащихъ у глазъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Двѣ пѣсни :

1.

Одиночество.

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтешь, растешь высокой дубѣ въ могучей
красотѣ.

Высокой дубѣ развѣсистой, одинѣ у всѣхъ въ
глазѣхъ,

Одинѣ, одинѣ бѣдняжка, какъ рекрутѣ на
часахъ.

Взойдетъ ли красно солнышко : — кого подѣ
лать приняшь ?

Ударитъ ли погодушка : — кто будетъ за-
щищать ?

Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близъ него ;
Ни кустики зеленые не вьются вокругъ него.

Ахъ, скучно одинокому и дереву расти !

Ахъ, горько, горько молодцу безъ милой жизнь
вести !

Есть много серебра, золоша : — кого имъ по-
дарить ?

Есть много славы, почестей : — но съ кѣмъ
ихъ раздѣлишь ? —

Встрѣчаюсь ли съ знакомыми : поклонѣ, да былѣ
паковѣ.

Встрѣчаюсь ли съ пригожими : — поклонѣ, да
пара словѣ. —

Однихъ я самъ пугаюсь ; другой бѣжитъ меня :
Всѣ вѣрны, всѣ приятели до чернаго лишь дня !

Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза
взойдетъ?
Другъ нѣжной спишъ въ сырой землѣ: на по-
мощь не придешъ!
Ни роду нѣшъ, ни племени въ чужой мнѣ
сторонѣ,
Не ласкится любезная подруженька ко мнѣ!
Не плачешся ошъ радости старикъ смотря
на насъ!
Не влюшся вокругъ малюпочки, пихохонько
рѣзвась! —
Возмите же все золото, всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайше
взглядъ! М.

2.

Простите обольщенья
Честей земныхъ, суешъ!
Коварны наслажденья
Незрѣлыя пылкихъ лѣшъ.

*

На вѣкъ, на вѣкъ простите:
Узналъ обманъ, и — радъ!
Ахъ, чѣмъ вы замѣните
Одинъ Елизы взглядъ!

*

Довольно я скипался,
Рѣхъ видѣлъ хипрыхъ, злыхъ,
Кумирамъ поклонялся,
Былъ рабъ рабовъ другихъ!

*

Любовь — клянусь, опнынъ
Тобою живъ одной! —
Благодарю судьбинъ!
Елиза, Ангелъ мой!

*

Пускай чesтями, славой
Плѣняеяся гордецъ;
Пускай ему съ оправой
Приноситъ жертвы льстецъ:

Одно швое мнѣ слово
Дороже хвалъ Царей;
Оно спремленье ново
Даетъ душѣ моей.

Не роскошь и не пышность
Для счастья нужна:
Блестящая излишность —
Печалей, бѣдъ вина!

Съ природой, съ простошюю,
Съ любовью будемъ жить;
Надъ жизнью городской
Тихохонько шугить!

Чертогъ богатства блещетъ;
Но въ свѣплой клеткѣ сей
Богатой самъ препенетъ
Объ учаши своей.

Ты все мнѣ, честь, награда;
Богатство шь одна;
Въ несчастіяхъ опрада,
А счастья — вина.

Такъ! — сладко, сладко станемъ
Мы ждашь послѣдній часъ! —
Съ любовью увянемъ,
Любовь пробудитъ насъ!

Къ Амуру.

Амуръ! ссуди меня стрѣлой;
Въ удачѣ я не поскуплюся:
Клянусь и небомъ и землей,
Что сердцемъ *Лизы* подѣлюся!

*

Не хочешь? — — вижу, злой тиранъ!
Тебѣ все шушки, все бездѣлки! . . .
Ты *Лизѣ* отдалъ весь колчанъ,
А для меня такъ нѣтъ и стрѣлки! . . .

М.

На семь колечекъ.

На нѣжномъ пальчикѣ Алины молодой
Семь колецъ золотыхъ показывающъ вѣчность
Нѣжнѣйшя любви. — „Возможноль, вздоръ
какой!
„Какъ могушь только семь означить безконеч-
ность?“ —
Такъ почно, не дивись. У милыхъ нашихъ
Фей
Вся вѣчность пднётся едва едва семь дней!..

М.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Мысли о заведеніи въ Россіи Академіи Азіатской.

(Окончаніе.)

Часть вторая.

§ 1.

Не мѣсто здѣсь говорить о расположеніи Академіи Азіатской; сіе расположеніе можетъ быть сдѣлано тогда, когда опредѣляясь и обширность сего заведенія и тѣ способы, которые даны будущъ ему отъ правительсва.

Но мы представимъ здѣсь общій планъ курса лингвистуры и языковъ Азіатскихъ.

Первая мысль, которая намъ встрѣчается, и которая должна служить основаніемъ всякому заведенію такого рода, есть та, что Филологія подраздѣляется на нѣсколько отраслей: этимологію, грамматику, криштиву.

Есть люди, которые соединяютъ въ себѣ противоположныя свойства грамматика и критика. Но Академія, имѣющая однимъ изъ главныхъ предметовъ своихъ филологію, не можетъ дойти до нѣкотораго совершенства, ежели сѣи два класса не будутъ отдѣлены одинъ отъ другаго. И такъ Академія Азіятская должна заключать въ себѣ: во первыхъ, курсъ языковъ; во вторыхъ, курсъ литературы, и для каждаго изъ сихъ курсовъ должны быть опредѣлены особенныя учителя.

Опытъ Калекутскаго общества служитъ подпорою етой системѣ: оно признается, что слишкомъ рано позволило себѣ заняться философическими разсужденіями и пространнымъ разборомъ нѣкоторыхъ истинъ отдѣльныхъ. Надобно рыться и попомъ уже строиться; и истинно важныхъ открытій можемъ мы ожидать только тогда, когда приобрѣтемъ техническія свѣденія о востокѣ, болѣе основательныя и глубокія.

§. 2.

Литература Азіятская раздѣляется на нѣсколько большихъ отраслей, изъ которыхъ каждая составляетъ одно особенное цѣлое.

Къ ней принадлежишь и лишпература Еврейская, которая опличается отъ прочихъ шбмъ, что она уже не общается никакого новаго отккрытїя. Единственный памятникъ ея: *священныя книги*.

Лишпература Индїйская есть самая древняя, самая привлекательная и менше другихъ извѣстная; она не имѣеть никакого отношенїя къ другимъ лишпературамъ востока; она ближе всѣхъ прочихъ къ понятїямъ начальнымъ, и сохранила еще нѣкоторыя черты первобытнаго образованїя вселенной. Издревле поэзія и философія соединились въ Индїи для составленїя шой религїи, которой слѣды замѣчаемы нами во всѣхъ религїяхъ древняго мїра. Одинъ изъ коренныхъ *догмаловъ* ешой религїи есть *догмалъ переходенїя* (или излїянїя всѣхъ вещей изъ Бога и ихъ обратное слїянїе съ существомъ его); а одинъ изъ коренныхъ *символовъ*: *обожанїе свѣта*, въ которомъ восточные народы видѣли три свойства: шворческое, хранишельное и разрушительное. И когда Азіатскїя религїи почерпнули свои ученїя въ источникъ Индїйскомъ, по коренное понятїе о символическомъ *богшворенїи свѣта* сохранилось неискаженнымъ среди безчисленнаго множества измѣненїй. Индїя представила въ трехъ лицахъ первыя три могущества *нашурь*, и сіи три

лица суть *Брама*, *Вистну* и *Хива*; въ Египтѣ именовали ихъ *Озиридомъ*, *Горомъ*, *Тифономъ*, и боги Орфеевы суть также не иное что какъ силы природы, получившія образъ вещественный. Когда онъ воспѣваетъ Пана, великое цѣлое, вѣчное Существо, мрачность, покрывающую кругъ земной, и сотвореніе свѣта, первый знакъ къ образованію міра, по Космогоніи его совершенно сходствуетъ съ Индійскою и Египетскою. Система его понятій о богочщеніи имѣетъ такое сродство съ понятіями сихъ двухъ народовъ и такое разнообразіе въ формахъ, что общее происхожденіе ихъ кажется несомнѣннымъ.

Еще до временъ Персидскаго Зердуста (Зораспра) Индіецъ Мону возобновилъ вѣру въ единого Бога, Владыку вселенныя. Его сочиненія имѣютъ особенное сходство съ сочиненіями священнаго законодателя, и сіе сходство, неускользнувшее опъ вниманія Англійскихъ ученыхъ, ни мало не уменьшая почтенія нашего къ святому закону, напротивъ доказываетъ только то, что оба законодателя почерпали въ одномъ и томъ же общемъ источникѣ, открытомъ непосредственною волею Провидѣнія разуму человеческому, и въ послѣдствіи времени, также по волѣ Провидѣнія, для него испещившемся и имъ забытомъ.

Понятіе о Богѣ единомѣ, которое проповѣдывалъ Мону, и теперь еще соединено съ мифологіею Индѣйцевѣ, не смотря на ея противурѣчія и нелѣпости. Еще невозможно привести ея мифологію въ систему, — предметъ сей предоспадается новой Академіи Азіатской.

Мы слишкомъ еще небогаты матеріалами, дабы объять во всей обширности различныя части образованности Индѣйской, и самыя учебныя книги объ ея предметѣ еще несуществуютъ. Въ такомъ случаѣ правительству, способствующему наукамъ восточнымъ, необходимо нужно обратиться прямо къ обществу Калекушскому, и испробовать отъ него не только тѣ книги, которыя трудами его изданы и которыя полное собраніе едва ли найдется и въ самой Англїи, но вмѣстѣ съ ними и вѣрныя копїи съ манускриптовъ. А чтобы составить порядочный лексиконъ Самскритской, надлежало бы послать ученаго человека въ Парижъ для сдѣланїя вѣрныхъ списковъ съ грамматикъ и лексиконовъ, означенныхъ въ каталогѣ господина Лангля и въ предисловіи господина Шлегеля (*).

(*) Catalogue des manuscrits Samskrits de la bibliothèque imperiale par M. M. A. Hamilton et Langles. Paris 1807. — Ueber die Sprache und

Но такимъ образомъ при началѣ Академіи Азіатской было бы весьма трудно вдругъ распространить ученіе Самскрипскаго языка. Мы думаемъ, что прежде всего надлежало бы познакомить воспитанниковъ съ буквами Девангарійскими и Бенгальскими и съ первыми правилами Бенгальской грамматики. Опыты сіи произвели бы въ нихъ охоту къ наукамъ Индійскимъ и поощрили бы ихъ посвящать онымъ свое прилѣжаніе, не смотря на малочисленность матеріаловъ, но питааясь ободрительною надеждою на будущія пособія. И въ епомѣ намѣреніи господинъ Клапротъ сочинилъ планъ (пабл. N. 1), могущій служить руководствомъ при настоящемъ положеніи наукъ Индійскихъ.

§ 3.

Китайская липшерапура, столь древняя и не столь привлекательная какъ Индійская, менѣе прочихъ подвержена была вліянію иностранцевъ. Вѣрныя лѣтописи Китайскія простираются за 2000 до Р. X. (преимущество, которымъ не могутъ хвалиться другіе народы), и въ сихъ-то лѣтописяхъ предпочтительно надлежитъ искать достоверныхъ свидѣтельствъ пересе-

ленія народовъ, котораго исторія безъ новыхъ объяснительныхъ трудовъ навсегда останется для насъ непонятною. И относительно къ философіи словесность Китайская можетъ быть весьма полезна; ибо Китайцы имѣютъ не только философію чиселъ, имѣ въ особенности принадлежащую, но и систему Дуалкома, родившуюся въ VIII вѣкѣ, систему, о которой ничего не сказали намъ Іезуиты. И въ отношеніи къ исторіи естественной, и въ отношеніи къ математическимъ наукамъ ближайшее знакомство съ Китаемъ не менѣе было бы для насъ выгодно.

Трудность Китайскаго языка довольно извѣстна; мы не имѣемъ ни учителей, ни книгъ учебныхъ, и начинающій необходимо долженъ пройти черезъ лабиринтъ заблужденія, прежде нежели будетъ ему возможно составить для себя грамматикъ и лексиконъ: сухая, утомительная работа, долженствующая продолжаться по крайней мѣрѣ чепыре года. И такъ, дабы ученіе Китайскаго языка сдѣлать менѣе труднымъ, надлежало бы прежде всего издавать лексиконъ: предпріятіе, могущее совершенно быть только въ Россіи, ибо она имѣетъ и чрезвычайное множество матеріаловъ и свѣдущихъ переводчиковъ, какъ Г. Липцовъ, Каменской, Новоселовъ, Владыкинъ, и пр.

Большимъ пособіемъ послуживъ и переводъ важнѣйшихъ сочиненій Кипайскихъ съ оригинальнаго языка на Манджурской языкъ. Манджурскій не шруденъ, и переводчики наши знающъ его совершенно. Онъ же имбешъ буквы. Манджурская грамматика довольно правильная, и весьма во многомъ сходствуетъ съ грамматиками Европейскими. И пакъ чшобы обняшь словесность Кипайскую во всѣхъ ея опрасляхъ, надлежитъ необходимо соединить ученіе обоихъ языковъ. Слѣдовательно Академія Азіатская, опшительно къ ешому предмету, прежде всего должна заняться не сочиненіемъ диссертацій ученыхъ, но просто переводомъ оригинальныхъ книгъ, которыя открыли бы свободнѣйшій доступъ къ липшературѣ Кипайской.

Г. Клапротъ, доставившій намъ начертаніе словесности Кипайской и Манджурской (N. II) и сверхъ того многія матеріалы для послѣдней Частии сего опыта, есть человекъ, имбющій основательныя свѣденія въ языкахъ воспочныхъ, особливо въ Кипайскомъ, свѣденія соединенныя съ большою проницательностію. Онъ скоро издастъ каталогъ сочиненій Кипайскихъ и Манджурскихъ, находящихся въ С. Петербургской Академіи Наукъ, каталогъ, могущій служить хорошимъ руководствомъ къ познанію Кипайской липшературы.

§ 4.

До временъ Магомета словесность Арабская и словесность Персидская имѣли характеръ особый и нынѣ еще замѣтный въ ихъ древнихъ стихотвореніяхъ. Исламизмъ, покоривши націи, совершенно одна опъ другой опличныя, произвелъ между ими нѣкоторое общее однообразіе, которое запечатлѣло и самую ихъ словесность. Сиспама фатализма, погибельная для воображенія, уничтожаетъ и живость разсудка. Религія, показывающая въ верховномъ божествѣ неумолимаго пирана, а любовь преобразующая въ попребность чувственную, не можетъ благоприятна быти для поезіи. И въ самой вещи Магометанство не произвело ни одной превосходной книги. Фирдузіева поэма *Шахъ Намехъ* принадлежишь еще къ первой эпохѣ; авторъ, по видимому обожашель огня, предспавляетъ Исламизмъ канъ нѣчто новое, и самъ оспается при старой религіи. Миспическая секта *суфисовъ* первая сдѣлала опытъ соединити съ ученіемъ Магомета религію болѣе свободную, вышняго существа болѣе доспойную. Основателемъ этой секты, въ началѣ именовавшимся *Ухангисами*, по видимому извѣстна была Индійская философія. Думаютъ такъ же, что и Платонъ почерпнулъ нѣкоторыя понятія свои въ этомъ источникѣ

теологіи возвышенной и спихопворной. Особенно достойно замѣчанія то, что *Ха-фиць*, *Джелаледдинъ* и *Джами*, славнѣйшіе Персидскіе спихопворцы, принадлежали къ епой же септѣ; и полковапели Магомешанскіе. всячески мучили свой умъ, дабы найсти въ сочиненіяхъ сихъ поэтовъ нѣкоторыя признаки истиннаго Исламизма.

Весьма желательнo, чтобы ученіе Персидскаго и Турецкаго языковъ между нами разпространилось. Сіи два языка обвемлюиъ всю Магомешанскую литературу; ибо всѣ почти сочиненія Арабскія переведены или на Персидскій или на Турецкій, а по свидѣтельству людей, свѣдущихъ въ наукахъ воспочныхъ, весьма трудно выучишься основательнo Арабскому языку, не проведя нѣсколько времени во внутренности Азіи.

Таблица N. III, также Г. Клапротомъ сочиненная, представляеъ намъ общее начертаніе курсовъ литературы Арабской, Персидской, Турецкой и Ташарской.

§ 5.

Если поэзія воспочная почти не имѣла никакого вліянія на поэзію древнихъ, то дѣйствіе ея на поэзію народовъ новѣйшихъ шѣмъ ощутишельнѣе и сильнѣе: словесность Еврейская соединена для нихъ

весьма тѣсно съ священными понятіями религіи, и Моисей надлежитъ починать основашелемъ новой школы стихотворства, несходствующаго ни съ какимъ другимъ стихотворствомъ воспола. Присвоивъ его понятія, мы необходимо должны были присвоить и тотъ наружный образъ, который даетъ онъ своимъ понятіямъ, и возвышенность гимновъ его вѣроятно произвела тотъ характеръ опвлеченности и глубокомыслія, который опличается священная поэзія новыхъ.

Сочиненія Моисея, книга Іова и Пѣсни Пророковъ суть памятники стихотворства, едва ли не прельщающія своимъ величіемъ совершеннѣйшія произведенія древности.

Святой восторгъ живетъ на брегахъ Іордана!
Въ пѣни Едемскихъ роць, на высокахъ Ливана.

Изъ всѣхъ писавшихъ о Еврейской поэзіи, никто не проникнулъ такъ глубоко въ духъ и не представилъ съ такимъ искусствомъ дѣйствій ея, какъ славный Гердеръ. Слогъ одушевленный, пронизательность удивительная и воображеніе творческое, соединенное съ ученостію обширною — таковъ характеръ Гердера, особенно обнаруживающійся въ книгѣ его: *Духъ Еврейской Поэзіи* (Geist Hebraischer Poesie).

Легко предсказать себѣ, сколь важно изученіе языка Еврейскаго даже въ просившихъ отношеніяхъ словесности, и липшерапура Еврейская должна служить основаніемъ всякой Азіатской Академіи, представляющей намъ ключъ къ наукамъ Божественнымъ и человѣческимъ. Таблица N. IV сочинена Г. Докторомъ Фесслеромъ, который со множествомъ другихъ свѣдѣній соединяетъ и совершенное знаніе липшерапуры Еврейской. Онъ сообщилъ намъ свой планъ, которому самъ никогда слѣдовалъ въ преподаваніи уроковъ ешой же самой словесности. Чтеніе Свяаго писанія съ разборомъ и объясненіемъ есть главный предметъ въ курсѣ Еврейскаго языка и должно непосредственно слѣдовать за грамматикою. Г. Фесслеръ распредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ:

Въ родахъ	{	<i>Историческомъ</i> : изъ книги Бышїа, Глава XXXVII, XXXIX до Главы L.
		<i>Моральномъ</i> : всѣ книги Пришчей.
		<i>Философическомъ</i> : книги Еклезїаста.
		<i>Стихотворномъ</i> : всѣ книги Іова, и
		<i>Лирическомъ</i> : Пѣсни Моисеевы <i>Впоро- законїа</i> XXXII, <i>Деворы Суд.</i> V. Псалмы XLI—LXVIII—LXXXIV— XC—CIV—CXXXVII—CXXXIX.

Къ етому чтенію необходимо нужно присоединить и Еврейскую археологію, заключающую въ себѣ изображеніе обычаевъ и

обрядовъ Еврейскихъ, согласно съ закономъ Моисеевымъ, разборъ Еврейской поэзіи и взгляды на исторію книгъ священныхъ. Для тѣхъ, которые расположены будуще заниматься епою частію словесности древней, могутъ быть весьма полезны слѣдующія сочиненія г. Довпора Фесслера: Еврейская Анпология и *Institutiones linguarum orientalium. Wratistlawiae 1787.*

§ 6.

Словесность Армянская и Грузинская достойны вниманія въ отношеніи историческѣмъ; ибо Грузинцы и Армяне имѣютъ общвенныя лѣтописи, заключающія въ себѣ пакія историческія извѣстія, которыхъ напрасно будемъ искашь въ историкахъ Азіи, Греціи и Рима. Особенно лѣтопись Грузинская чрезвычайно любопытна. Въ началѣ послѣдняго вѣка она взята была изъ Мчетскаго и Гелашійскаго монастыря Вахпангомъ V, сыномъ Левана. Господинъ Клапротъ во время пребыванія своего въ Тифлисѣ велѣлъ перевести одинъ отрывокъ изъ епой лѣтописи, отрывокъ, дающій намъ очень выгодное понятіе объ историкахъ Грузіи. Армянская липперапура такъ мало извѣстна, что мы незнаемъ еще и имени тѣхъ сочиненій, которыя къ ней относятся. Но для Россіи было бы особенно выгодно, познакомишься ближе съ сими

двумя народами: она имѣетъ къ тому великое множество способовъ; сверхъ того многіе свѣдущіе Армяне и Грузинцы могли бы употреблены быти для преподаванія нужныхъ уроковъ въ обоихъ языкахъ.

§ 7.

Хотя Тибетъ и соединенъ посредствомъ Ламаизма съ Индією и внутреннею Азією, но онъ совершенно отдѣленъ отъ нихъ и языкомъ и словесностію, въ Европѣ почти неизвѣстными. Для Русскихъ весьма бы неспрудно было заняться литературою Тибета, ибо они имѣютъ множество способовъ добывать и книги и рукописи Тибетскія, для объясненія и перевода коихъ могутъ имѣть непосредственное сношеніе съ Ламами. Сверхъ того можно было бы выписать и литеры Тибетскія, выписавъ въ Лейпцигѣ Брейшкюпфомъ, а приступивъ къ сей литературѣ надлежало бы сдѣлать съ перевода и изданія маленькаго Тибето-Монгольскаго словаря, продающагося въ Кяхтѣ.

Тибетская азбука (alphabetum Tibetanum), изданная въ Римѣ опцемъ Георги (1762), сочинена опцемъ Кассіаномъ Белижїашпи. Издашель присоединилъ къ епой азбукѣ диссертацію собственнаго руководья: *Qua de vario litterarum ac religionis po-*

mine, gentis origine, moribus, superstitione, ac manichaeismo disseritur; tum Beausobrii calumniae in St. Augustinum, aliosque ecclesiae patres, refutantur.“ Еѣа диссертація, въ которой что слово, по неѣвѣстнѣ, навлекла на опца Георга жестокую крипику опца Павлина де С. Баршелеми, изданную подѣ шипуломѣ: *De veteribus Indis dissertatio. Romae 1795.*

§ 8.

Сѣверные Азіатскіе народы, которые неимѣютѣ пишераптуры и почти незнакомы сѣ письменнымѣ языкомѣ, не менѣ заслуживаютѣ наше вниманіе; и въ особенности пошому, что въ великой испоріи переселенія они конечно занимаютѣ важное мѣсто. За неимѣніемѣ свидѣтельствъ историческихъ мы должны пользоваться свидѣтельствами языковъ, которые въ ешомѣ отношеніи необходимо нужно подвергнушь крипическому разбору; и Академія Азіатская, распредѣливъ Азіатскіе языки на классы, но распредѣливъ ихъ, не согласуясь сѣ обманчивыми гипотезами, а въ истинномѣ философическомѣ смыслѣ, сѣ помощію проницательной крипики и основательнаго сравненія нарѣчій, окажетѣ значительную услугу наукамъ; но въ ешомѣ случаѣ особенно надлежитѣ беречься ослѣпительныхъ заблужденій эшимола-

гическихъ, въ копорымъ, несмотря на поучительный примѣръ Курша де Жебеленя, еще многіе въ наше время склонны. Эпимологія, разсматриваемая какъ изученіе челоѣческаго ума, должна присушествовашь при изысканіяхъ историческихъ; но опдѣлившись отъ криптики спрогой, она или дѣлается бесполезною и пустою, или можешь завести въ заблужденія вредныя, копорымъ привычка даешь силу закона, и копорыя на долгое время отклоняютъ искаателя отъ вѣрной дороги къ открытіямъ.

§ 9.

Остается намъ пожелать, чшобы въ Россіи заведена была Азіатская Академія, копорой расположеніе соотвѣтствовало бы важности ея цѣли, а средства величію Русской Имперіи. И если нашъ легкой Опытъ обратитъ вниманіе правительсва на этотъ великой предметъ, копорой мы съ нѣкоторыхъ сторонъ изобразить старались, то мы почтемъ намбреніе наше исполненнымъ. Пускай искуснѣйшая рука дополнитъ и довершитъ представленное здѣсь въ однихъ шлолю общихъ чертахъ. И шипуль и форма ешаго сочиненія доказываютъ ясно, что оно должно бышь просто начертаніемъ *лѣхъ приобрѣтеній*, *которыя уже сдѣланы, и лѣхъ при-*

обрѣтеній, которыя ослабѣютъ еще сдѣлать. Ж.

Примѣч. къ 1 §. Всякая академія воспитанная предполагаетъ уже приготовительное знаніе Греческаго и Латинскаго языковъ; ибо на сихъ двухъ языкахъ основаны всѣ возможные свѣдѣнія. Мы увѣрены, что Греческій языкъ, который забытъ въ нашихъ новоучрежденныхъ гимназіяхъ, долженъ почитаемъ быть въ Россіи классическимъ. „Россія, писалъ въ 1768 году славный Гейне (смотри Геттингенскій журналъ) имѣетъ особенное преимущество предъ всѣми другими народами Европы. Греческая словесность можетъ служить основаніемъ ея собственнѣйшей, и можетъ ей способствовать къ заведенію новой, ни съ какою другою несходствующей школы. Россія не должна подражать ни литературѣ Нѣмецкой, ни Французскому остроумію, ни учености Латинской. Основательное знаніе Греческаго языка откроетъ для Русскихъ неисчерпаемый источникъ новыхъ идей и образовъ высокѣйшихъ. Исторія, философія и поэзія могутъ заимствовать отъ него чистѣйшія и болѣе къ истиннымъ образцамъ приближенныя формы. Надобно замѣтить и то, что Греческой языкъ имѣетъ тѣсную связь съ религіею Русскихъ и языкомъ Славянскимъ, который по видимому отъ него получилъ свое образованіе. Древнѣйшіе писатели Россіи были знакомы съ историками и географами Восточной Имперіи; а Византійская исторія по многимъ отношеніямъ должна быть важною для Русскихъ. Съ своей стороны прибавимъ только то, что это желаніе славнаго археолога, къ несчастію, совсѣмъ не исполнено. Хотя люби-

пелямъ словесности изящной в прочемъ и извѣстно, что нѣкоторые частные люди, живущіе въ Москвѣ, загладили нѣсколько несправедливости общаго мнѣнія на счетъ словесности Греческой. Братья *Зосимы*, гораздо менѣе извѣстные въ Россіи, нежели въ другихъ странахъ Европы, напечатали своимъ изданиемъ множество Греческихъ книгъ, которыя состоятъ по большей части изъ авторовъ классическихъ и писателей новыхъ, необходимыхъ для изученія математичеки, физики и метафизики. Типографіи въ Парижѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, Венеціи и Москвѣ давно уже употребляютъ ими для сего предмета. Большая часть изъ напечатанныхъ Зосимами книгъ розданы безденежно молодымъ Грекамъ, учащимся въ разныхъ училищахъ Греческихъ. Между сочиненіями, изданными посредствомъ сихъ благородныхъ покровителей просвѣщенія, Европа особенно оплываетъ тѣмъ, которыя напечатаны въ Парижѣ съ помами и объясненіями ученаго Корая; таковы: Исократъ, Полиенъ, Елланъ и Плутархъ, нынѣ издаваемый. Особенное вниманіе заслуживаютъ и книги, изданныя господиномъ Машеемъ, Московскимъ Профессоромъ Греческаго языка. Онѣ извлечены изъ драгоценныхъ Греческихъ манускриптовъ, находящихся въ библіотекѣ Синодальной; таковы Орибазій, отрывки изъ Руфа и Новый завѣтъ, напечатанныя на счетъ братьевъ Зосимовъ. Въ Синодальной же библіотекѣ нашелъ господинъ Машей и Гомеровъ Гимнъ Церерѣ, которымъ онъ обогатилъ словесность. Зой Павл. Зосима сверхъ того имѣетъ прекрасное и рѣдкое собраніе древнихъ медалей. Благородная польза, которую извлекаютъ они изъ своего богатства, и дѣятельное покровительство ихъ,

объемлющее не одну Греческую словесность, но и занимающихся оною, дающъ имъ право на уваженіе просвѣщенной Европы; а страну, которую они признали своею отчизною, заставляя ими гордиться, и въ ешомъ отношеніи они совершенно заслуживающъ наименование *Медицисовъ новой Греции*, данное имъ отъ Генерала Парда де Фигероя, который по чрезвычайнымъ знаніямъ своимъ способенъ лучше другихъ опредѣлить истинное достоинство братьевъ *Зосимъ*.

ТАБЛИЦЫ:

№ 1.

Индійская Литтература.

Курсъ языка.

*Курсъ Литте-
ратуры.*

Философія и Религія.

Опыты въ писаніи буквами Девангарійскими и Бенгалійскими.	Система почишашелей Брамь.
Самскрипская Грамматика.	Система Ламаизма и почишашелей Будги.
Произведеніе глаголовъ Самскрипскихъ.	Система почишашелей Виспну.
Гипопадеза, или басни Виспну - Сармы.	Система почишашелей Хивы.
Магабгарапа, поема на войну Курусовъ и Пандусовъ.	Каршина Литтературы Индійской.
	Исторія и Географія Индостана.

Desiderata.

Лексиконъ Самскрипскій.
Грамматика Самскрипская.
Переводъ Веды.
Переводъ Магабгарашы.
Переводъ драмъ Калидаза и Джая-Девы.
Полный переводъ и издание шекста Гунша - Говинды.

~~~~~
No 2.

Липшерапура Кишайская и
Манджурская.

Курсъ языковъ:

Китайскаго.

Манджурскаго.

Опыты въ писаніи.	Грамматика Манджурская.
Санъ-дзу-гвинь (1).	Разговоры изъ Синъ-вунъ-ки-мунна (4).
Синъ-дзу-вунъ (2).	Конфуцій на Манджурскомъ языкѣ.
Замѣчанія Грамматическія.	Чшеніе Кун-дзу (Конфуція).
Разговоры.	Санъ-гуо-дши (3).
Чшеніе Кун-дзу (Конфуція).	Лѣтописи Манджурскія.
Санъ-гуо-дши (3).	Выборъ изъ лѣтописей. Синъ-ли-дшенъ-и (5).

Курсъ Словесности.

1. Картина Имперіи Кишайской и ея географіи.
2. Исторія Кишай, въ отношеніи къ переселеніямъ народовъ.

3. Разборъ религіи Конфуція, Лао-гюнна и Фое.
4. Исторія Кипайской словесности по свидѣтельствамъ оригинальнымъ.

Desiderata.

Филологія.

Кипайскіе Лексиконы.

Переводъ и изданіе *Зерцала языковъ Манджурскаго и Китайскаго*, изданнаго по повелѣнію Императора Кіеннъ - Луна.

Слѣсѣ.

Извлеченіе изъ лѣтописей Кипайскихъ и Манджурскихъ.

Собраніе извѣстій, относящихся къ Азіи, заимствованныхъ изъ лѣтописей и географіи Кипайской.

Переводъ И-гвинна (6).

Переводъ сочиненій Лао-дзу (7).

Переводъ сочиненій Джу-тти (7).

Лексиконъ Императрицы и Исторіи, подобный Гербелотову.

Примѣчанія.

- (1) *Саннъ-дзу-гвиннъ*, сочиненіе, расположенное на параграфы прехъ буквъ, содержащее въ себѣ краткое начертаніе всѣхъ тѣхъ наукъ, которыми занимаются въ Кипаѣ.
- (2) *Сіеннъ-дзу-вунъ*, энциклопедія, изъ тысячи буквъ состоящая.
- (3) *Санъ-гю-дши*, Исторія прехъ царствъ *Шу, - Уен и - У*, которыя образованы были въ Кипаѣ въ III вѣкѣ. *Дшенъ-шеу*, авторъ, жилъ почти въ то же время. Епа Исторія славится прекраснымъ слогомъ. Манджурскій переводъ сдѣланъ въ XVII вѣкѣ.

- (4) *Синь-вунь-ки-мунь*, Манджурская и Китайская грамматика, сдѣланная въ 1727. Въ ней кромѣ грамматическихъ правилъ находятся и очень хорошіе разговоры на обоихъ языкахъ.
- (5) *Синь-ли-дженъ-и*, Манджурское сочиненіе о философической системѣ династїи Сунь, написанное въ 1718 по приказанію Императора *Канъ-гги*,
- (6) *И-гвинъ*, первое изъ такъ называемыхъ классическихъ сочиненій, въ которомъ объяснены *Гуа* (символы) *Фу-гги*.
- (7) *Мао-дзю* и *Дшю-гги*, два Китайскіе философа; первый жилъ за 500 лѣтъ до Р. Х., а послѣдній въ XII вѣкѣ по Р. Х.

№ 3.

Литпература Арабская, Персидская, Турецкая и Татарская.

Курсъ языковъ.

Арабскій.

Персидскій.

Начальныя правила Грамматики Арабской для всѣхъ начинающихъ.

Грамматика Арабская съ примѣчаніями.	Персидская Грамматика.
Выписки изъ Корана.	Гулистанъ Са'ди.
Гарири.	Емиръ Кгондъ.
Арабская Хрестоматія, соч. С. Саси.	Гафиць.
Абулфеда.	Шахъ Намегъ, сочин. Фиргузія.

Турецкій.

Татарскій.

Турецкая граммашика. Граммашика Татарская.
Гумайунъ Намегъ (1). Абулъ Гази Багадуръ
Турецкія лѣшписи. Ханъ.
Фадзули (2).
Босшани (2).

Курсъ Литтературы.

1. Географія Азіи вообще, и въ особенностяхи Азіи Магомешанской по плану Г. Валя (vorder und mittel-Asien).
2. Исторія династій Магомешанскихъ въ Азіи, съ приложеніемъ къ ней каршины Исламизма.
3. Исторія литтературы Арабской и Персидской до Магомеша.
4. Исторія литтературы Магомешанской.
5. Сшашисника Персіи и Турціи.

Desiderata.

Филологія.

Переводъ Арабскаго Лексикона, называемаго Камусъ.
Переводъ Персидскаго Лексикона Фергангъ Джигангуири.
Переводъ Турецкаго Лексикона Ванъ-Кули.

Исторія.

Арабская.

Переводъ и изданіе исторической книги:
Тарикъ Табари, соч. Абу Джіафаромъ.
Полной переводъ Арабской географіи Едрия
зія и Ибнъ-Гаукаля.

Персидская.

Переводъ и изданіе Равдгашъ - ессъ - зафы
Емиръ - Кгонда.
Тарикъ Гоцидегъ Гамедъ-Улла Альказуиніа.

Турецкая.

Переводъ лѣтописей Ошмановъ.

Татарская.

Переводъ Дербендъ - Намега.

Полный переводъ Абулгази Багадуръ - Хака.

Исторія народовъ Татарскихъ.

Литшература.

Арабская.

Полной переводъ Тысяча и одной ночи.

Персидская.

Переводъ поемъ Фирдузія, Гафица, Джалиевой поемы Юсуфъ-ва-зеликга и Нидзаміевой Хозрува-Ширинъ.

Примѣчанія.

- (1) Турецкій переводъ *Пильняевыхъ* басенъ.
- (2) Имена двухъ поешовъ Турецкихъ, изъ которыхъ первый есть сочинитель *Китабъ-бенкъ-ва-бадега*.

№ 4.

Литшература Еврейская.

Курсъ языка.

Фатерова ручная книга Еврейскаго языка.

Грамматика Еврейская Фатерова.

Моисеевы книги съ комменпаріемъ Фатера.

Книга Іова съ комменпаріемъ Шульпенса.

Соломоновы Пришчи съ комменпаріемъ Шульпенса.

Учебные материалы.

Simonis Lexicon manuale.

Cocceji Lexicon et commentarius sermonis Hebraici et Chaldeici, ed. Schulzii.

Schultensii Origines linguae Hebraicae.

Michaelis supplementa in omnia lexica Hebraica.

Hetzels histoire de langue Hébraïque.

Курсъ лилпвралурв.

Библейская Географія (Hammelfelds biblische Geographie).

Древности Еврейскія (Warnekros Hebräische Alterthümer).

Исторія Еврейская (Bäuers Geschichte der hebräischen Nation).

Права Еврейскія (Spener de legibus Hebræorum. D. Michaelis, Mosaisches Recht).

Поезія Еврейская (Herders Geist der Hebräischen Poesie, Lowth Prelectiones de Poesie Hebræorum, cum epimetrio Michaelis).

Словесность Еврейская (Wolfii Bibliotheca Hebraica. Bartolocci Bibliotheca Rabbinica).

Кабалистическая Философія Евреевъ. Ж.

О балетѣ.

Балетъ есть подражательное представленіе какого-нибудь занимательнаго дѣйствія посредствомъ танцовъ. О похищеніи Елены эпическій стихопворецъ рассказываетъ; въ драмѣ по же самое происшествіе, съ принадлежащими къ нему рѣчами, представляется въ подражаніи; въ балетѣ глав-

ное дѣйствіе того же происшествія и принадлежащія къ нему спрашки выражаются единственно игрою лица и движеніемъ тѣла, съ помощію музыки. Почти вообще вошло въ обычай называть балетомъ всякіе танцы, показываемые на театрѣ; однакожъ Новеръ думалъ иначе, а Новеръ смотрѣлъ на искусство свое глазами философа. По его мнѣнію, всѣ танцы, въ которыхъ нѣтъ опредѣленнаго дѣйствія, нѣтъ завязки и развязки, понятныхъ для каждаго зрителя, всѣ таковыя танцы не заслуживаютъ названія балета (*).

Обыкновенные танцы должны быть единственно забавою только для тѣхъ людей, которые сами танцуютъ; но балету принадлежитъ отличное преимущество возбуждать въ зрителяхъ любопытство и участіе; следовательно онъ есть нечто весьма отличное отъ простыхъ танцовъ. Балетъ, какъ зрѣлище, долженъ имѣть всѣ нужныя къ тому принадлежности.

Многіе балеты, изъ числа представляемыхъ на театрахъ, совсѣмъ не заслу-

---

(*) Tout ballet qui ne me tracera pas avec netteté et sans embarras l'action, qu'il représente; dont je ne pourrai deviner l'intrigue: tout ballet, dont je ne sentirai pas le plan, et qui ne m'offrira pas une exposition, un noeud, un dénouement, ne sera plus qu'un simple divertissement de dance. *Lettres sur la Dance.*

живающѣ мѣста между произведеніями изящнаго вкуса; здѣсь говорится о тѣхъ, въ которыхъ ничего нѣтъ обдуманнаго по правиламъ искусства. Являются лица спрочно одѣшныя; зритель видитъ бѣганье, коверканье, прыжки и шлодвиженія, изъ которыхъ ничего не понимаетъ, и не можетъ догадаться, что значить вся еша суматоха, показываемая иногда пошчасъ послѣ важнаго драматическаго представленія.

Сія часпъ представлений театральныхъ весьма удобно можетъ быть возведена на степень благороднѣйшую, и балетъ можетъ занимать значительное мѣсто между произведеніями изящнаго вкуса, ежели только балетмейстеры будутъ слѣдовать правиламъ Новера. Всѣ тѣ средства, которыми живописецъ производитъ желаемое дѣйствіе, находясь во власти балетмейстера. Живописецъ представляетъ зрителю сцены изъ жизни человѣческой, и производитъ въ немъ весьма сильное впечатлѣніе; тѣ же самыя сцены можетъ показать балетмейстеръ, имѣя припомъ на своей сторонѣ многія выгоды въ разсужденіи быспрыхъ перемѣнъ и разнообразія.

Историческія карпины служатъ доказательствомъ, что всякое занимательное дѣйствіе посредствомъ нѣмой игры можетъ

произвести въ зрителѣ сильное впечатлѣнїе; но картина представляетъ только одинъ моментъ дѣйствїя, а въ балетѣ можно представить сряду нѣсколько такихъ моментовъ, одинъ послѣ другаго. Сверхъ того еще музыка, обыкновенно сопровождающая дѣйствїе въ балетѣ, увеличиваетъ впечатлѣнїя и усиливаетъ участїе въ зрителѣ, замѣняя собою выгоды слова.

Но для чего же занимательное дѣйствїе представляетъ нѣкою игрою, когда словесная драма выражаетъ его съ большимъ совершенствомъ? не всякой ли захочетъ лучше смотрѣть дѣйствїе въ ближайшемъ подражанїи, нежели въ танцахъ? и слѣдственно къ чему служатъ балеты? Если бы не льзя было рѣшить сихъ возраженїй; тогда не надлежало бы уже причислять балетъ къ произведенїямъ искусствъ изящныхъ.

На всѣ предложенные вопросы можно отвѣтствовать удовлетворительно. Впервые, есть занимательныя дѣйствїя, которые для драмы недостаточны. Валерій Максимъ описываетъ одно происшествїе, случившееся со старшимъ Сципіономъ (Африканскимъ), а именно когда посѣтили его въ сельскомъ домѣ разбойники. Читая сей анекдотъ, кто не захотѣлъ бы видѣть на

пеагрѣ сановишаго Сципіона, важностію своею даже въ разбойникахъ возбудившаго чувство благоговѣнія (*)? Сіе дѣйствіе по краткости своей негодится для драмы, а для балета оно очень доспапочно; и такихъ дѣйствій много можно найти въ исторіи.

Во впорыхъ, еспѣ чувства и спрасти, которыя были бы не у мѣста въ представленіи большаго дѣйствія, гдѣ многія принадлежности развлекаютъ вниманіе зрителя, и которыя большее производятъ впечатлѣніе, когда представляемы бываютъ ошдѣльно. Кому было бы не пріятно смотрѣть на героя въ ту минушу, когда онъ, отврашивъ грозившую цѣлому народу опасность, возвращается къ своимъ согражданамъ, встрѣчающимъ его со извѣвленіемъ чувствованій радости, благодаренія, по-

---

(*) *Valer. Max. L. II. c. 10.* Haec postquam domestici Scipioni retulerunt, fores reserari eosque intromitti jussit: qui postes januae tamquam aliquam religioffimam aram, sanctumque templum venerati, cupide Scipionis dextram apprehenderunt; ac diu deosculati, positis ante vestibulum donis, quae Deorum immortalium numini consecrari solent, laeti, quod Scipionem vidisse contigisset, ad lares revertunt. — Hostis iram admiratione sui placavit; spectaculo praesentiae suae, latronum gestientes oculos obstupefecit.

чтенія, достойно имъ заслуженныхъ? Та-
кїя произшествїя всего удобнѣе и приличнѣе
можно представлять въ подражанїи
посредствомъ театральныхъ танцовъ; но
къ тому пребудетъ нѣчто болѣе нежели
быстрые прыжки и зашѣдливыя ковер-
канья.

Признаться должно, что при нынѣ-
шнихъ обычаяхъ, когда общенародныя праз-
днества не принадлежатъ къ дѣяніямъ граж-
данскимъ, законами предписываемымъ, та-
ковыя представленія почти неудобоисполни-
тельны. Нынѣшнїя зрѣлища мало имѣютъ
отношеній къ народнымъ обычаямъ и про-
изшествїямъ современнымъ. Однакожь ош-
чаеваться не должно, что можетъ быть
возникнутъ особеннымъ умомъ одаренные
люди, которые, по крайней мѣрѣ при из-
вѣстныхъ случаяхъ, дадутъ зрѣлищамъ
направленіе къ цѣли важнѣйшей и болѣе
полезной.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ при нѣкоторыхъ
дворахъ въ Европѣ извѣстны уже были
театральныя представленія подъ названі-
емъ балетовъ; они состояли изъ танцовъ
съ пѣніемъ и словами. Въ речиславїѣ объ-
являемо было зрителямъ все то, что знать
имъ надлежало для разумнѣя представляе-
маго дѣйствїя, и танцы перерываемы были

аріями. По разнымъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ о балешахъ у древнихъ Грековъ можно догадываться, что въ спарину было ихъ два рода: одни показываемы были какъ особое зрѣлище, а другіе принадлежали къ драматическимъ представленіямъ и соспавляли часпъ оныхъ. Балешы у древнихъ были вообще характерныя, и заключали въ себѣ или изображеніе народныхъ обычаевъ, или подражательное представленіе историческихъ произшествій.

Говоря о балешѣ, не лзя не упомянуть о паншомимѣ. У Римлянъ симъ словомъ (*pantomimus*), взятымъ съ Греческаго языка, назывался актеръ, которой дѣйствовалъ безъ словъ, однѣми только тѣлодвиженіями. И теперъ драматическое дѣйствіе въ балешѣ называется паншомимомъ; ибо слово балешъ собственно относится только къ панцамъ. Подъ паншомимомъ также разумѣютъ нѣкую игру актера во всякой драмѣ. Желаящіе имѣть понятіе о древнихъ паншомимахъ, которые начались, кажется, при Августѣ и которые любимы были Римлянами даже до бѣшенства, могутъ читать Лукіаново сочиненіе о панцахъ и собранныя аббапомъ дю Бо разныя любопытныя о томъ извѣстія (*).

(*) Въ его *Reflexions sur la poesie et la peinture.*

представленіе какаго-нибудь дѣйствія или произшествія, по справедливости называющіяся *лонтомилическими*, для отличія отъ тѣхъ, въ которыхъ ничего нѣтъ кромѣ прыжковъ и бѣганья по шапру; въ прочемъ для сихъ послѣднихъ принято съ Французскаго языка слово *диверлиссеманъ*, которое значить забаву или увеселеніе. Т.

Разсужденіе объ Іуліанѣ опсупникѣ.

Много писано было объ Императорѣ Іуліанѣ, которому дано ненавистное имя опсупника. Одни почитаютъ его жестокимъ гонителемъ Христіанъ; другіе человекомъ преданнымъ Греческой религіи, но крошкимъ и шербливымъ. Такъ думали не только философы минувшаго столѣтія; но даже нѣкоторые еологи, прославившіеся благочестивымъ житіемъ своимъ, держались того же мнѣнія (*). Нѣкто Виггерсъ недавно сочинилъ Разсужденіе, въ которомъ изслѣдуетъ причины разноси во мнѣніяхъ объ Императорѣ Іуліанѣ (**).

(*) На примѣрѣ Арно въ *Histoire de l'Eglise et des Heretiques*.

(**) *Dissertatio inauguralis theologica de Juliano Apostata Religionis christianae et christianorum*

Во первыхъ сочинитель полагаетъ различіе между словами: *гонимель вѣры христіанской* и *гонимель христіянь*. Сихъ названій не должно принимашь одно за другое. Неронъ преслѣдовалъ христіянь не за вѣру ихъ, но чшобы на нихъ возложишь вину въ заженіи Рима. Діоклишіанъ и Максиміанъ были гонителями христіянь, именно за вѣру, ими исповѣдуемую.

Далѣе сочинитель разсмаприваетъ причины, по копорымъ Іуліанъ непервѣль вѣры христіанской. Родители его Іуліанъ-Константиинъ и Василина были христіяне; онъ самъ принялъ крещеніе, и содержалъ христіанскую вѣру до двадцати лѣтъ своего возраста. Но послѣ перемѣнились его мысли. Разсуждая о состояніи Имперіи, онъ находилъ, что счастье оной возраспало при Типѣ, Траянѣ, Антонинѣ и Маркѣ Авреліѣ, государяхъ преданныхъ Греческой религіи, и что напрошивъ того Имперія очевидно клонилась къ упадку, бывъ управляема Константиномъ и Констанціемъ. Ему казалась очень справедливою нелѣпая басня, будто бы Константинъ принялъ христіанскую вѣру, для того что жрецы боговъ Греческихъ не рѣшились снятъ съ него грѣха

---

persecutore. Pro fumis in theologia honoribus rite capescendis scripsit G. F. Wiggers. Ros to-
chii 1810.

за умерщвленіе сына его Христа и супруги Фауспы, и будто бы священники христїанскіе при семъ случаѣ оказали ему болѣе снисхожденїя. Констанцій, сынъ его, обезславилъ себя жестокостїю; онъ принялъ спорону Арїанъ, исповданїе ихъ призналъ за православное, и преслѣдовалъ всѣхъ шѣхъ, кои называли Арїанъ ерешиками. И съ самимъ Іулїаномъ поступилъ онъ безчеловѣчно; умертвилъ отца его и старшаго брата, Констанція. Другой братъ Галлъ и самъ Іулїанъ остались живыми, единственно потому, что были еще дѣти. Они убѣжали въ Римъ, и чтобы успокоить пирана пристали къ духовенству христїанскому; однакожь Императоръ приказалъ взять ихъ подъ стражу. Галлъ возведенъ былъ въ достоинство Цезаря, но скоро послѣ того пошерялъ голову. Іулїанъ, лишенный родителей, друзей, свободы, ненавидѣлъ тайно своего гонителя и вѣру имъ исповѣдуемую. Несогласїя, раздиравшія церковь, споры о естествѣ Слова и о значенїи словъ *μονοθεος* и *омноθεος*, ссоры между Арїянами и Аѳанасїанами, взаимныя гоненїя между христїянами, нововводимыя обряды, несходныя съ установленїями апостольскими, непохвальныя поступки нѣкоторыхъ священнослужителей, подлая ласкательства Арїанъ — все сіе утверждало въ Іулїанъ прежнїя его мысли.

Сверхъ того Іуліанъ имѣлъ учителей, которые неспособны были поселить въ немъ любви къ вѣрѣ христіанской. Евсейей епископъ Никомидійскій слишкомъ много заботился о благоволеніи Императора, и единственно думалъ о выгодахъ Аріанизма, чтобы угодить Іуліану; непостоянный нравъ Ецеболія, который при Константинѣ былъ ревностнымъ христіаниномъ, при Іуліанѣ сдѣлался ошступникомъ, а по смерти его опять обратился къ христіанству, не могъ бытъ уважаемъ Іуліаномъ. Внухъ Мардоній, написанный чтевіемъ пошовъ, и въ особеннсти Гомера, преподавалъ ему наставленія болѣе для него приятныя. Склонность его къ Греческой религіи скоро обнаружилась, и для того Констанцій запретилъ ему слушать наставленія у Ливанія.

Смерть брата его, Галла; заключеніе въ темницѣ, гдѣ Іуліанъ просидѣлъ семь мѣсяцовъ, ожидая подобной казни; впрочемъная ссылка; обращеніе съ Греческими философами, ревностнѣйшими Еллинскаго языческаго защитниками, съ которыми жилъ онъ въ Аѳинахъ; допущеніе въ маинствамъ Елевзинскимъ: всѣ сїи причины способствовали его опроверженію отъ христіанства. Бывъ принужденнымъ находиться при совершеніи христіанскихъ обрядовъ, онъ по-

свѣщалъ приносишь пайныя жерпвы Юпитеру и Меркурію, и мнимыя обязанности сїи исполнялъ свѣтѣмъ удовольствіемъ, которое происходить отъ необходимости скрыватьсь.

Такія мнѣнія и чувства имѣлъ Іуліанъ, когда содѣлался обладателемъ имперіи. Онъ хотѣлъ испребить христіянство, почитая его вреднымъ для возвыщенія Римскаго могущества; зная же, сколь невыгодныя слѣдствія произошли отъ гоненій, вознамѣрился употребить средства крошкѣя, но коварныя. Онъ оказывалъ усердіе къ обрядамъ Греческой религіи, самъ отправляя должности жреца и провѣщающаго; воздвигнулъ разрушенныя храмы, и украсилъ ихъ новыми испуканами; хвалами, ласками, укоризнами, всѣми прелестями краснорѣчія старался отворачивать отъ христіанской вѣры свѣтъ, которые оную исповѣдывали. Ливаній живо описалъ всѣ средства, употребленныя Императоромъ для достиженія своей цѣли. Іуліанъ хотѣлъ даже воспавить храмъ Іерусалимскій, чтобы показать несправедливость пророчествъ. Желая защитить Греческую религію отъ укоризнъ, которыми осыпали ее христіяне, онъ примѣшалъ къ ней ученіе новаго Платонизма, и самъ писалъ противъ христі-

Сверхъ того Іуліанъ имѣлъ учителей, которые неспособны были поселить въ немъ любви къ вѣрѣ христіанской. Евсейскій епископъ Никомидійскій слишкомъ много заботился о благоволеніи Императора, и единственно думалъ о выгодахъ Аріанизма, чтобы угодить Іуліану; непостоянный нравъ Ецеболія, который при Константинѣ былъ ревностнымъ христіаниномъ, при Іуліанѣ сдѣлался отступникомъ, а по смерти его опять обратился къ христіанству, не могъ бытъ уважаемъ Іуліаномъ. Евнухъ Мардоній, написанный чтеіемъ поетовъ, и въ особености Гомера, преподавалъ ему наставленія болѣе для него приятныя. Склонность его къ Греческой религіи скоро обнаружилась, и для того Констанцій запретилъ ему слушать наставленія у Ливанія.

Смерть брата его, Галла; заключеніе въ темницѣ, гдѣ Іуліанъ просидѣлъ семь мѣсяцовъ, ожидая подобной казни; впрочемъ ссыла; обращеніе съ Греческими философами, ревностнѣйшими Еллинскаго языческаго защитниками, съ которыми жилъ онъ въ Аѳинахъ; допущеніе въ маинствамъ Елевзинскимъ: всѣ сїи причины способствовали его опроверженію отъ христіанства. Бывъ принужденнымъ находиться при совершеніи христіанскихъ обрядовъ, онъ по-

свѣщалъ приносишь пайныя жерпвы Юпитеру и Меркурію, и мнимыя обязанности сїи исполнялъ свѣтѣмъ удовольствіемъ, которое происходить отъ необходимости скривашься.

Такія мнѣнія и чувства имѣлъ Іуліанъ, когда содѣлался обладателемъ имперіи. Онъ хотѣлъ испребить христіянство, почитая его вреднымъ для возвыщенія Римскаго могущества; зная же, сколь невыгодныя слѣдствія произошли отъ гоненій, вознамѣрился употребить средства крошкѣя, но коварныя. Онъ оказывалъ усердіе къ обрядамъ Греческой религіи, самъ отправляя должности жреца и провѣщающаго; воздвигнулъ разрушенныя храмы, и украсилъ ихъ новыми испуканами; хвалами, ласками, укоризнами, всѣми прелѣстями краснорѣчія старался отшвращать отъ христіянской вѣры свѣхъ, которые оную исповѣдывали. Ливаній живо описалъ всѣ средства, употребленныя Императоромъ для достиженія своей цѣли. Іуліанъ хотѣлъ даже воспавишь храмъ Іерусалимскій, чтобы показашь несправедливость пророчествъ. Желая защищать Греческую религію отъ укоризнъ, которыми осыпали ее христіяне, онъ примѣшалъ къ ней ученіе новаго Платонизма, и самъ писалъ противъ христі-

янь опроверженія. Всѣ сїи средства клонились сперва къ уничтоженію только христіанской вѣры. И такъ Іуліанъ сперва былъ *гонителемъ христіанства*, а *гонителемъ христіанъ* сдѣлался онъ уже послѣ.

Ненависть его къ христіанамъ оказалась въ 362 году, когда находился онъ въ Антіохіи. Онъ не шомилъ ихъ муками: но запретилъ учителямъ наставлявшъ ихъ въ свободныхъ наукахъ; удалилъ христіанъ отъ почестей службы и отъ должностей судейскихъ, и лишилъ ихъ права бытъ свидѣтелями; повелѣлъ разрушить храмы, созданные надъ могилами мучениковъ, и наложилъ подать на опрекающихъ приносить жертвы богамъ Еллинскимъ.

Какіяжъ причины заставили Императора сдѣлаться *гонителемъ христіанъ*, своихъ подданныхъ? Они уже непоходили въ кропосни на своихъ предшественниковъ: упорствовавали повиновашься начальству, досаждали Императору насмѣшками, презрѣніемъ, унизностями и даже тайными дѣйствіями; въ Антіохіи, въ присутствіи самаго Іуліана, разрушили жертвенникъ Цибелы, а въ Кесаріи Каппадокійской храмъ Форшунны, и проч. (

Напоследокъ г. Виггерсъ изъ своихъ изысканій выводитъ заключеніе, что ненависть Іуліана прошивъ христіянъ удобно объясняется естественными движеніями человеческого сердца; что онъ шайлъ ненависть сію, пока не достигъ преспола, и до полъ наружно исполнялъ всѣ христіянскіе обряды; что спавши Императоромъ, онъ обнаружилъ привязанность свою къ Греческой религіи; что сперва былъ онъ гонителемъ только вѣры христіянской, а не шѣхъ, кои исповѣдывали оную, и что напоследокъ уже суевѣрный разумъ его и поступки христіянъ довели его до того, что онъ сдѣлался гонителемъ христіянъ въ бытность свою въ Антиохіи.

Таково ученое Разсужденіе г-на Виггера, основанное на свидѣтельствѣ современныхъ писателей. Сокращенная выписка изъ онаго помѣщена въ *Энциклопедическомъ журналѣ*. Т.

III. С М Ъ С Ъ.

Славянская старина.

У древнихъ Славянъ правленіе было народное. По свидѣтельствву Императора Константина Порфирогенита, жившаго въ десятомъ вѣкѣ, Славяне другихъ начальниковъ не имѣли надъ собою, кромѣ Супановъ или спарѣйшинъ. До нынѣ Супанами называющся войшы въ Крайнѣ, Спиріи и Кариншіи. Около половины седьмаго столѣтія Славяне, поселившись въ Далмаціи, раздѣлили ее на 11 супаній. На Кроатскомъ нарѣчїи *жупа* значить собраніе людей, слѣдственно подъ словомъ *жупанъ* разумѣть должно начальника многолюдства. Добнеръ въ Припискахъ къ Исторіи Гайка также упоминаетъ, что и у Богемцовъ были *жупицы*; что *жупою* назывался округъ, принадлежащій къ вѣдомству одного начальника, и что послѣ *жупановъ* настали судьи или старосты. Оттуда Поляки производятъ слово свое *панъ*, которымъ сперва назывались одни только каштеляны или судьи. Теперь у нихъ *жупаномъ* называется нарядной или почешной кафтанъ; ибо въ старину въ Польшѣ извѣстенъ былъ восточныхъ народовъ обычай дарить кафтанами. Двенадцать спарѣйшинъ, которые избираемы были для управленія народомъ, суть не что иное какъ жупаны или старосты; они послѣ стали воеводами; но сперва, какъ и самое значеніе слова

показываетъ, воеводы имѣли должность совѣтъмъ другую. „Довѣстѣ бо *Жупиложь* часнѣ княжа“, сказано между прочимъ въ Судномъ законѣ Царя Константина, помѣщенномъ въ нашей Кормчей книгѣ. Вопѣ одинъ изъ несомнѣтельныхъ, досповѣрѣйшихъ признаковъ, что Кормчая книга переведена очень давно и въ Россіи, и что содержащаяся въ ней узаконенія приняты можетѣ бытъ въ одно время съ вѣрою христіанскою.

✽

Видно изъ исторіи, что въ Польшѣ старались приѣбнять богослуженіе христіанъ православнаго Греко-Восточнаго исповѣданія; несмотря на то, ей принадлежишь право хвалиться изданіемъ многихъ книгъ на Славянскомъ языкѣ. Въ Польшѣ начатаны первыя Славянскія книги: Исалтырь издана въ Краковѣ 1431 года; Окшоихъ шамъ же 1491; Библия въ первой разѣ напечатана въ Острогѣ 1581; первая Славянская грамматика вышла во Львовѣ 1531. Ходкевичи и другіе вельможи въ Липовѣ печатали Славянскія книги на своемъ иждивеніи.

Московскія записки.

Театръ. 1 Января, 1811. Разсѣяныя, комедія въ 1 актѣ, и балетъ *Сухотлинное кораблекрушеніе или Американцы*. Г. Коцебу есть одинъ изъ числа самыхъ плодovitѣйшихъ писателей нашего вѣка. Въ каждой годѣ выдаетѣ онъ листовъ по двѣсти своего собственнаго сочиненія: пупешеспвій, романовъ, повѣстей, сказокъ, комедій, шра-

гедій, драмъ и карманныхъ книжекъ; прибавимъ, что вмѣсто ошдыха недавно сочинилъ онъ пространную исторію Пруссіи, которая уже явилась и на Французскомъ языкѣ въ Парижѣ. И такъ надобно ли удивляться, что господинъ Коцебу часто подноситъ публикѣ и такія сочиненія, каковы напримѣръ *Смерть Роллы* и *Разсѣянные*! Гораций содѣлываетъ авторамъ девять лѣтъ перечисывать и поправлять свои поемы, а потомъ уже представлять ихъ на судъ публики. Тогда было время, а нынѣ другое. Еслибъ Гораций былъ въ такой же славі у своихъ современниковъ, и еслибъ онъ также умѣлъ изъ одной басни шворить по десятку разныхъ комедій; тогда посмотрѣли бы мы, какъ успоялъ бы онъ противъ искущеній, непріязненныхъ изящному вкусу. Въ прочемъ комедіи, какова *Разсѣянные*, годящаяся для испытанія, какъ далеко простираться можетъ условное правдоподобіе на театрѣ. Правила объясняющія примѣрами. Если бы кто спросилъ: вѣроятна ли покажется для зрителя, когда на сценѣ увидишь онъ человѣка, которой въ забывчивости приходитъ въ чужую квартиру, думая, что пришелъ въ свою, надѣваетъ шлафрокъ, и располагается щочно, какъ въ своей комнатѣ? Вмѣсто отвѣта можно указать на комедію *Разсѣянные*, и прибавить къ тому, что оба главныя лица, Маіоръ и Капитанъ, или выдуманы авторомъ вопреки правдоподобию, или, ежели они возможны въ природѣ, заслуживаютъ состраданіе зрителей.

Вотъ содержаніе балета: Англійскій Капитанъ, претерпѣвши кораблекрушеніе, выплываетъ съ однимъ негромъ на Американ-

скою островъ, на которомъ за нѣсколько лѣтъ прежде вѣроломно оставилъ онъ Евгенію, свою любовницу. Евгенія находитъ его полумертвымъ на берегу острова; она узнаетъ его, и въ первомъ жару гнѣва успремляется пронзить его стрѣлою; но пробудившаяся любовь перемѣняетъ ея чувства, и Евгенія забываетъ жестокою свою обиду. Капитанъ, опамятавшись, осматриваетъ мѣсто, и по надписи, вырѣзанной рукою Евгеніи, узнаетъ, что онъ находится на томъ островѣ, гдѣ покинуты имъ сія несчастная жертва измѣны. Ничего не вѣдая о судьбѣ Евгеніи, онъ посылаетъ негра своего искать ее, и самъ обѣгаетъ ближнія мѣста. Лишенный надежды, терзаемый раскаяніемъ онъ рѣшается умерившись себя; но Евгенія, которая не выпускала его изъ виду, передъ нимъ являея. Незвѣстная радость ихъ прервана жестокостію дикихъ островитянъ, которые схватываютъ любовниковъ и уводящъ съ собою. Негръ спасается отъ опасности, взлѣзши на дерево. Онъ видитъ вдали плывущій Англійскій корабль, взбирается на высокой утесъ, и посредствомъ знаковъ проситъ помощи. Немедленно являея на берегу Капитанъ съ матросами и солдатами. Негръ приводитъ ихъ къ жилищамъ островитянъ въ самое то время, когда любовникамъ угрожала величайшая опасность. Дикіе послѣ нѣкошораго сопротивленія уступаютъ силѣ Европейскаго оружія, и великодушной побѣдитель возвращаетъ имъ свободу. Въ семъ балетѣ, кромѣ танцовъ и декорацій, доставляющихъ не мало удовольствія, есть пантомимическая игра, преобладающая талантовъ отличныхъ, но есть именно такихъ, какіе видѣли мы здѣсь на театрѣ. Любовни-

ка представлялъ г. Валбергъ, Езгенію г-жа Колосова, начальника дикихъ г. Леонъ.

Января 3. Сынъ любви; драма въ 5 актахъ, и Новое семейство, опера въ 1 актѣ. Драма г-на Коцебу *Сынъ любви* нравится очень многимъ. Въ счастливое время новости ея представляли почти также часпо, какъ теперь *Днѣпровскую русалку*. Но все ли по хорошо, что нравится? Это вопросъ, на которой желалъ бы я отвѣчать при другомъ случаѣ, а не тогда какъ рѣчь идетъ о *Сынѣ любви*. Здѣсь въ одно и то же время возникающъ еще нѣкоторые предварительные вопросы, на которые отвѣчать надлежало бы цѣлыми диссертаціями: но сіи вопросы и отвѣты завели бы насъ очень далеко; и шакъ, чпобы сократить матерію, дозволимъ себѣ предложить нѣкоторыя сомнѣнія, касательно главнаго лица Фрица Бешгера. Кажется невѣроятнымъ, чпобы Фрицъ, разставшись съ матерью на пятнадцатомъ году, не зналъ тайны своего рожденія, о которой могъ онъ слышать отъ людей стороннихъ, или еще лучше, по сродному дѣтямъ любопытству, развѣдать и догадаться. Столько же невѣроятно и неприлично заставлялъ Вильгельмину двадцатилѣтнему сыну своему краснорѣчиво рассказывать, какимъ образомъ соблазнилъ ее пригожій и льстивый молодецъ, какъ пвердилъ онъ ей безрешанно о любви и женитьбѣ, какъ первой онъ покорился ея прелестямъ, и какъ она лишилась своей невинности. Столь опккровенное признаніе едва ли могло случиться на самомъ дѣлѣ, и никакъ не должноствовало быть помѣщеннымъ въ драмѣ. Фрицъ, герой драмы, полюбился зрителямъ съ первого появ-

ленія на сцену; онъ чувствительный человекъ и добрый сынъ; для мащери своей идетъ онъ просить милосшныи. Онъ собралъ нѣсколько денегъ; но сихъ денегъ очень мало: ему давали по маленькой серебряной монетѣ и по грошу, а не по гильдену, не по червонцу. И вотъ Фрицъ нашъ укоряетъ людей жестокосердіемъ, и ядовито ругаетъ подавшихъ ему милосшныю, о каждомъ изъ нихъ упоминая особливо. Онъ полковника, которой подалъ ему обыкновенную малость при хорошемъ совѣтѣ, онъ проситъ неопшшупно гильдена, и скоро потомъ съ обнаженною шпагою, пребуетъ онъ него кошелька или жизни! Кто виноватъ: знатной господинъ, богомольная госпожа, толстой монахъ, полковникъ? Но они всѣ поступили, какъ и всякой другой, будучи на ихъ мѣстѣ. И такъ виноватъ Фрицъ? Конечно Фрицъ; но авторъ представилъ его въ такомъ положеніи, что нельзя не приниматъ въ немъ участія. Зритель, забывая о выгодахъ общественнаго порядка и личной безопасности каждаго гражданина, не имѣя времени справляться съ законами криптики и здраваго вкуса, по неполѣ долженъ любить разбойника. Распрогиватъ сердце такимъ образомъ есть поже что во зло употреблятъ свои дарованія. На сей разъ довольно. . . . О *Новомъ семействѣ*, въ которомъ г-жа Лисицына такъ хорошо играетъ Невзору, можемъ теперь сказать только то, что сія старинная опера при всей простотѣ своей гораздо складнѣе многихъ нынѣшнихъ, а особливо переводимыхъ съ Французскаго языка и передѣлываемыхъ съ Нѣмецкаго.

Января 6. Наслѣдство, новая драма въ 1 актѣ, и Геройство любви или Бѣлый

солдаты, новой балетъ въ 3 актахъ. Драма *Наслѣдство* есть одно изъ тѣхъ мѣлкихъ сочиненій, которыя шворитъ г. Коцебу въ нѣсколько часовъ, и которыя десятками сыплются изъ неиспощимаго его рта изобилія. Раненой полковникъ Жрабровъ лѣчишься въ домѣ дочери своей, которая нѣкогда безъ его дозволенія вышла за мужъ, и тѣмъ навлекла на себя гнѣвъ родительской. Семейство ея составляютъ двѣ дочери Надежда и Сашенька. Последняя восхищаетъ полковника дѣтскимъ своимъ прососердечіемъ и невинностію. Онъ узнаетъ родныхъ своихъ и отдаетъ имъ въ наслѣдство имѣніе, съ которыми прежде, бывъ одинокъ, не зналъ куда дѣваться. Драма сія украшается игрою г-жи Валберховой меньшей, подающей о себѣ весьма хорошую надежду. Она уже успѣла заслужить благоволеніе здѣшней публики искусствомъ своимъ въ Русскихъ пляскахъ. — Балетъ *Геройство любви* содержитъ въ себѣ полное дѣйствіе, то есть имѣетъ завязку и развязку, слѣдственно недаромъ называется пантомимическимъ. Бѣлаго солдата Алексѣя отдаютъ подъ судъ. Лиза, любовница Алексѣева, переодѣвшись въ мужское платье, пробирается въ тюрьму, и остается на его мѣстѣ. Хитрость открывается передъ исполненіемъ приговора. Генераль, удивляясь героическому поступку Лизы, прощаетъ виноватаго. Таково содержаніе сего балета, сочиненнаго г-мъ Валберхомъ. Дѣйствіе расплоснено такъ хорошо, что всю басню можно понять безъ программы. Г. Огюсть и г-жа Колосова представляли главные лица.

Января 9. При комедіи Влюбленной Шекспиръ, *Посидѣлки*, *колическая опера* въ

1 акт. Филапка, опрада и утѣшеніе райка, послѣ неудачнаго свашанья на племянницѣ стараго унперъ-офицера (смотри оперу *Ямъ*) собирается жениться на Машѣ, дочери спаросы Парамона; но по желанію господина деревни Машу отдають за милаго друга ея Алексѣя, молодаго крестьянина, добровольно записавшагося въ милицію, и Филапка опять остается безъ невѣсты. Здѣсь Филапка еще глубѣе нежели въ *Ямѣ*; болтаеть такой нескладной и неприличной вздоръ, что надобно имѣть необыкновенное терпѣніе, дабы равнодушно слушать его дурацкія рѣчи. Двусмысленныя слова, которыя инымъ доставляютъ удовольствіе, здѣсь остаются почти безъ всякаго дѣйствія — послѣднее доказательство неудачи, кошорой ничѣмъ уже поправить невозможно. Выше упомянулъ я о равнодушіи: но Филапка, по видимому, пребудетъ болѣе; хотятъ, чтобы его почитали забавнымъ проспачкомъ и смѣялись бы его холоднымъ шупкамъ. Боля швая, Филапка! ты пребудешь невозможнаго! — Зрители опдохнули при появленіи г-на Оюста и г-жи Колосовой, копорые въ заключеніе оперы плясали по Русски.

Дщери Мнемозины въ наше время по всей справедливости могутъ именоваться благодѣтельницами человѣческаго рода. Онѣ всегда щедро награждали своихъ почитателей, доставляя разуму ихъ и сердцу чистѣйшія наслажденія и усыпая путь жизни ихъ цвѣтами опрады и веселія: а теперь онѣ присвоиваютъ себѣ и шѣ удовольствія, копорые исключительно принадлежали тайнымъ и явнымъ друзьямъ спраждающаго человѣчества. На первыя днѣхъ наступившаго новаго года одна

благородная дѣвица, имѣющая отличной палантъ играть на фортепiano, въ залѣ танцевальнаго клуба, въ публичномъ концертѣ, искусствомъ своимъ восхищала многочисленное собраніе любителей музыки. Весь денежной сборъ отъ сего концерта предназначенъ въ пользу бѣдныхъ.

Намъ извѣстенъ подобный подвигъ Харьковскаго дворянства, подвигъ, честь коего особенно принадлежитъ тамошнему Губернскому Предводителю А. Ѡ. Квишкѣ. Путешествовавшій по Греціи и Италіи для собранія свѣдѣній и обзорѣнія древнихъ памятникѣвъ, Слободской Украинской Губерніи Дворянинъ г. Алферовъ минувшею осенью находился въ Парижѣ. Ему нужно было пособіе для окончанія путешествія своего и возвращенія въ отечество. Дворяне составили изъ себя общество и въ началѣ Октября сыграли въ пользу г - на Алферова новую драму въ 5 актахъ *Ревнивой*, сочиненную тамошнимъ господиномъ Гражданскимъ Губернаторомъ Иваномъ Ивановичемъ Бахшинымъ, которой, желая участвовать въ семъ подвигѣ, драму свою дозволилъ сыграть благородному обществу. Собранная сумма, за вычетомъ издержекъ, состояла изъ 1000 рублей, кои тогда же отправлены въ Парижъ къ г - ну Алферову.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ Парижѣ при Императорской библиотекѣ есть училище живыхъ восточныхъ языковъ. Съ минующаго Декабря начались обыкновенные курсы. *Персидскому* языку учить

г. Лангле, а въ небытность его г. Шези; *Арабскому* г. Сильвестрѣ де Саси и г. Рафаель; *Турецкому* г. Жоберѣ, а въ небытность его г. Седильо.

✱

Изъ сочиненій Птолемея болѣе всѣхъ прославилъ имя его *Трактатъ объ астрономіи*, названный имъ *Сочиненіемъ математическимъ* и вообще извѣстный подъ именемъ *Алмгесты*. Сія важная книга недавно переведена на Французской языкѣ. Переводъ одобренъ Институтомъ, и печатается въ Парижѣ. Онъ будетъ состоять изъ 4 Томовъ.

✱

„Со временъ Мольера (такъ написано въ одномъ Французскомъ журналѣ) и даже Рабеле, которой, бывши долго самъ врачомъ, на послѣдокъ вздумалъ осмѣивать врачебную науку, вошло въ обычай шутить и надъ медициною и надъ медиками. Съ тѣхъ поръ нападаютъ на докторовъ колкими, иногда уязвляющими эпиграммами, а врачи въ свою очередь обороняются смертоносными рецептами; и такъ неудивительно, что побѣда всегда остается на ихъ сторонѣ, и что число больныхъ и медиковъ нынѣ чрезвычайно увеличилось. Доселѣ врачи твердили только о пользѣ своего искусства (для нихъ самихъ, какъ говоритъ Фигаро, весьма полезнаго); но теперь одинъ Докторъ медицины, опважнѣйшій всѣхъ своихъ собратьевъ, съ кафедры нѣкотораго ученаго общества доказываетъ не только пользу, да еще и *приятность* медицины. Вотъ мысль, которую по всей справедливости можно назвать новою, и для выраженія которой потребно было все искусство краснорѣчиваго орашора, особенно поразившаго насъ

доказательствомъ своимъ, сколь вредно для женщинъ употребленіе кофе. Сообщаемъ слова сраатора : Сей напитокъ наиболѣе опасенъ для милаго и слабаго пола ; сія пагубная привычка (ш. е. пить кофе) *убиваетъ цвѣты, рождающіеся подъ стѣнами любезныхъ женщинъ!* — Теперь пускай говоритъ кто хочеть, будто Медицина не имѣетъ своихъ пріятностей !“

✱

Въ Римѣ нынѣ весьма прилѣжно занимаются опыскиваніемъ древнихъ памятникѣвъ. Для разрытія земли употребляютъ мущины, женщины и дѣти, которые прежде шатались по міру безъ пропитанія, а теперь получаютъ за труды свои приличную плату, и имѣютъ хлѣбъ насущный. Уже дорылись до основанія столбовъ храма *Юпитеря Статора*. Въ скоромъ времени весь Капитолій явится въ прежнемъ своемъ видѣ. Принимаются очищать храмы *Весты, Фортуны и Антонина и Фаустинны*.

✱

Во Французскихъ листкахъ незадолго передъ симъ было писано, что изо рта одной женщины вышла живая ящерица, находившаяся у нее въ желудкѣ. Нынѣ объявляются нѣкоторыя любопытныя обстоятельства сего произшествія, случившагося назадъ тому три года въ Жонвилѣ, что въ Мезскомъ департаментѣ. Одна вдова немолодыхъ лѣтъ, по имени Марья Раго, два года жаловалась на шощноту, имѣла отвращеніе отъ всякой пищи, и чувствовала сведеніе кишекъ. Сперва думали, что болѣзнь сія происходитъ отъ опухоли во внутренностяхъ; но послѣ удостовѣрились, что въ желудкѣ должно бытъ

какое нибудь постороннее тѣло. Марья мучилась спрашною рвотою цѣлые два мѣсяца, и на конецъ выбросила изъ себя пресмыкающееся животное въ присутствіи многихъ свидѣтелей, которые сначала было испугались, но послѣ догнали и раздавили гадину. Сіе животное принадлежило къ роду ящерицъ; оно было тонкое и длинноватое: спина свѣтлосѣрая съ закрученными вдоль полосками, а брюхо желтого цвѣта; четыре ножки, изъ коихъ на каждой по пяти пальцевъ съ когтями; голова треугольная, къ концу нѣсколько шугая, рыло загнутое, хвостъ короткой. Матерія, вышедшая изъ животного, когда раздавили его, походила на гной. Жаль, что ни одинъ изъ свидѣтелей сего происшествія не имѣлъ ни любопытства, ни свѣдѣній въ естественной наукѣ и медицинѣ. Надлежало бы сбѣречь ящерицу, и замѣлить всѣ перемѣны, случившіяся съ больною прежде и послѣ изверженія. Марья умерла въ минувшемъ Октябрѣ мѣсяцѣ; неизвѣстно, смерть ея была ли слѣдствіемъ описаннаго выше приключенія. Думаю, что ящерица заползла въ желудокъ Марьи, когда она спала крѣпкимъ сномъ, имѣя ротъ не закрытой.

Одинъ очевидный свидѣтель сообщаетъ нѣкоторые любопытныя подробности о камняхъ, упавшихъ съ атмосферы 23 Ноября при деревнѣ Шарсувиллѣ близъ Орлеана. Извѣстіе, будто камни сіи падали съ огненными шарами, оказывается несправедливымъ. Изъ двухъ или трехъ сотъ человекъ, которыхъ очевидецъ спрашивалъ, ни одинъ не примѣтилъ ни свѣта, ни пламени, а только слышали сильные звуки во время паденія. Камни врылись

въ землю, и были очень горячи, когда ихъ достали. Крѣпость ихъ чрезвычайна; отъ сильныхъ ударовъ молота едва они раздробились. Они покрыты были черною корою изъ чистаго желѣза; но внутри желѣзо смѣшано съ другимъ веществомъ очень плотнымъ. Камни сіи дающъ огонь отъ сильного удара молотомъ; подвержены ржавчинѣ и припаяиваются магнитомъ.

IV. ПОЛИТИКА.

Выписка изъ Англійскихъ вѣдомостей.

Несмотря на удовольствіе, которое ощущаемъ, читая въ газетахъ объ опскупленіи Массены, мы противъ воли своей должны безпокоиться о неизвѣстности военнаго счастья. Ежели хотимъ избѣгнуть упрека въ безразсудной самонадѣятельности, которая сама по себѣ уже заслуживаетъ быть обманушою; то надобно, чтобы въ дѣлѣ, подверженномъ столь многимъ переменамъ, почиали мы достовѣрнымъ только то, что неподлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Безразсудно было бы думать; будто симъ опскупленіемъ неприятеля доказываешь его намѣреніе совсѣмъ оставить Португаллію; и такъ надобно изслѣдовать, какія выгоды получилъ онъ и какія получишь надѣешься, перемѣняя мѣ-

сто. Безъ сомнѣнія недоспапокъ въ сѣбств-ныхъ припасахъ не есть причиною сего поступка; имѣемъ достовѣрныя на то доказательства. Напротивъ; удаляясь отъ Лисабона, онъ снова открылъ многіе способы къ сообщенію, посредствомъ коихъ городъ сей, помимый, какъ онъ пишетъ въ донесеніяхъ своихъ, голодомъ, можетъ выслать излишнихъ жителей. Выгода сія очевидна. Но мы теперь должны разсмотрѣть другія выгоды, которыхъ непріятель ожидаетъ отъ своего отступленія. Хотя не легко отгадать истинную причину, которая убѣдила Массену оставить прежнее мѣсто; ибо ясно, что онъ не силою принужденъ былъ на то рѣшиться; однакожъ можно почитать за достовѣрное, что такой военачальникъ не отступилъ бы, еслибъ не имѣлъ въ виду важнаго предмета. Надобно вспомнить, что при началѣ кампаніи отступленіе Лорда Веллингтона отъ границъ Испанскихъ мы приписали намѣренію его приблизиться ко вспомогательному войску. Думаемъ, что теперь то же самое можно сказать и о Массенѣ; которой посредствомъ сего отступительнаго движенія будетъ въ состояніи соединиться съ корпусомъ Друэша. Сравненіе кажется намъ совершенно справедливымъ; однакожъ можно замѣтить разность между шѣмъ и другимъ случаемъ, а именно что Англійская армія *принуждена* была оставить мѣсто ею занимаемое подъ Алмейдою, а Французская свободно могла бы дожидаться подкрѣпленія, не оставляя своей позиціи.

Могло бытъ, что Массена отступилъ и для того, дабы скорѣе окончить покореніе Абраншеса. Ежели правда, какъ мы слышали не безъ удивленія, что дивизіи Гене-

рала Гилля и Генерала Фана переправились черезъ Тагъ, и теперь дѣйствишельно находясь на сѣверномъ берегу рѣки сей; по состояніе Абрантеса будетъ еще сомнишельнѣе, потому что многочисленнѣйшій неприятель со всѣхъ сторонъ обложитъ крѣпость своимъ войскомъ. Такимъ образомъ ничто уже непомѣшаетъ Генералу Мортье подвинуться вѣпередъ на лѣвомъ берегу, ибо 4 или 5000 человекъ, состоящихъ подъ начальствомъ Валласпраса, не составляютъ сильнаго ополченія.

Таковы причины, коими естественнo объясняешся опсупленіе Массены. Вѣроятно есть еще и другія, коихъ постигнуть и знать не можно, и мы надѣемся, что намѣренія неприятеля, каковы бы оныя ни были, останутся тщешными. Невѣдѣніе наше о состояніи, вѣ кошоромъ онъ находился, научилъ насъ впредъ быть оспорожнѣе вѣ своихъ догадкахъ. Слѣдующее письмо одного знашнаго офицера покажетъ, какъ много мы ошибались, думая, будто неприятель перпилъ недоспашокъ вѣ сѣбстныхъ припасахъ:

„Опсупленіе Массены (ежели только можно пакъ назвать сдѣланное имъ движеніе) удоспаврило насъ, что мы не должны полагаться на *голодь*, будто бы воюющій за одно съ нами противъ неприятеля. Во всѣхъ дѣревняхъ, вѣ которыхъ мнѣ бытъ ни случилось, неприятель оставилъ муку и пшеницу; я видѣлъ вѣ разныхъ мѣстахъ довольное количество скошины, кошорой для цѣлой арміи доспало бы на недѣлю. (*The Star.*)

Швеція приступила кѣ системѣ твердой земли, и сверхѣ того еще объявила войну Великобританіи; Французскій Министръ настоятельно потребовалъ, чтобы Швеція немедленно задержала всѣ товары Англичанамъ принадлежащіе и всѣ колоніяльныя произведенія, угрожая, въ случаѣ отказа, черезъ пять дней выѣхать изъ Стокгольма. Сказываютъ, будто Шведское правительство на послѣднее требованіе отвѣчало, что оно повелитъ разыскать судебнымъ порядкомъ, какіе колоніяльные товары привезены въ Швецію послѣ 24 Апрѣля, и что съ тѣми товарами, кои окажутся привезенными изъ Англіи, поступлено будетъ по Шведскимъ законамъ. По сему нерѣшительному отзыву надѣются, что всѣ товары будутъ спасены. Сказываютъ, что большая часть Англійскихъ издѣлій перенесена на корабли, изъ опасенія чтобы съ ними не было поступлено слишкомъ спорого.

Состояніе Швеціи со времени послѣдней перемѣны въ правительствѣ было споль несчастное, что неприятельскія съ ея спороны дѣйствія (а Швеція показала ихъ не мало) не почитаются достойными гнѣва Великобританіи. Мы даже недумаемъ, чтобы, и послѣ сего формальнаго объявленія войны, съ нашей спороны предпріяты были неприятельскія дѣйствія прошиву Швеціи. Пока невышлетъ она своихъ флотовъ, до полѣ ей нечего насъ опасаться; ибо мы знаемъ, что большая часть народа не дала своего согласія на войну, прошивъ насъ объявленную. (The Times.)

(Изъ Journal de l'Empire.)

Послѣдній союзникъ Великобританіи, которой оставался у нее на твердой землѣ, наконецъ принужденнымъ сталъ присоединиться къ союзу прочихъ державъ Европы. Чрезъ то всѣ пристани твердой земли заперты для Англіи. И такъ, слѣдствіемъ четырехъ коалицій противу Франціи есть союзъ всѣхъ державъ противу Англіи, союзъ ужаснѣйшій, которому нѣтъ примѣра въ исторіи! нѣтъ примѣра и столь чрезвычайному перевороту въ дѣлахъ политическихъ! Но какъ Франціи удалось пережить четыре коалиціи; то теперь остается увидѣть, не перешагнетъ ли Англійское господство на моряхъ всей сухопутной силы Европы. До нынѣ Балтика открыта была для нашей торговли, которая, не смотря на многія препятствія, все еще находила способы продавать товары. Но война со Швеціею нынѣ останавливаетъ всякой вывозъ изъ Англіи и ввозъ въ нее тѣхъ вещей, которыя необходимо нужны для содержанія силъ, охраняющихъ независимость сего государства.

Наступитъ время, въ которое Великобританія на самомъ дѣлѣ узнаетъ, что исключеніемъ торговли ея изъ Балтики нанесенъ ей ударъ ужаснѣйшій.

Швеція и Данія потчасъ запрутъ Зундъ, употребивъ къ тому всѣ возможные способы; еще не веѣ знаютъ, что намъ извѣстна возможность это сдѣлать; но всякой напередъ увѣренъ, что ничего безъ исполненія не будетъ оставлено со стороны военного искусства. Сдѣйствіе Россіи, Пруссіи, Даніи и Швеціи въ общемъ союзѣ противу Англіи доведетъ до мѣръ столько же спротивъ, каковы

приняты въ другихъ частяхъ Европы. Хотя Англійская торговля на послѣдокъ неминуемо прекратится на Балтійскомъ морѣ; однакожъ Англія можетъ употребить въ дѣйство мѣры возмездія, которыя имѣетъ въ своей власти; она можетъ запретишь другимъ народамъ плаваніе въ Балтійское море и также невыпускать изъ него кораблей, принадлежащихъ тѣмъ державамъ, которыя воюютъ съ нами; и такъ мы воздадимъ зломъ по всей вѣроятности равнымъ за зло, которое намъ сдѣлано будетъ. Время, избранное для прекращенія сношеній нашихъ съ сѣверомъ, подастъ намъ нѣкоторую причину къ ушѣщенію. Кораблямъ нашимъ и безъ того невозможно было долго оставаться на Балтійскомъ морѣ, и слѣдствія принятой мѣры еще не близки. Еслибъ Швеція объявила намъ войну весною, когда начинается дѣятельность торговли; то ударъ сей былъ для насъ гораздо ужаснѣе.

Такъ далеко Наполеонъ довелъ успѣхи своего намѣренія разрушить Англійскую торговлю. Только одного недостаесть къ довершенію его предпріятій: остаесть поссорить Америку съ Англією, и онъ употребить къ тому всѣ хитрости политики. (Alfred.)

(Изъ Gazette de France.)

Рѣчь наследнаго Принца Шведскаго, произнесенная къ депутатамъ Упсальскаго Университета.

Господа! Для народа, любящаго свободу, публичное воспитаніе весьма полезно. Правительство долженствуетъ обращать на него всевозможныя попеченія и все свое вниманіе. И для того въ числѣ главныхъ моихъ обязанностей поставлю я и ту, которую Король дозволилъ мнѣ теперь занять между вами.

Воспитаніемъ довершается трудъ природы. Воспитаніемъ образуются герои, законодатели, государственные люди; оно юнымъ душамъ даетъ направленіе ко всему справедливому и благородному.

Вѣра, нравственность, упражненіе въ словесныхъ наукахъ, суть при великія пружины гражданскаго просвѣщенія.

Вѣра есть первая потребность всякаго общества, ибо она соединяетъ людей между собою. Законы самые мудрые были бы недостаточны безъ вѣры.

Нравственность есть крѣпкій жезлъ для надежнаго шествія по многотрудному пути жизни; словесныя науки усиливаютъ въ душѣ нашей счастливыя впечатлѣнія молодости; онѣ умиротворяютъ страсти, укрощаютъ порокъ, и возбуждаютъ охоту къ добродѣтельнымъ подвигамъ примѣрами великихъ мужей, коихъ онѣ прославляютъ.

Такимъ образомъ, господа, поселяйте въ юныхъ вашихъ питомцахъ ревность идти по

слѣдамъ тѣхъ предковъ своихъ, кои прославили отечество; напоминайте имъ, что Швеція уже имѣла у себя правительство и законы, когда большая часть Европы была погружена въ варварствѣ, или спонала подъ игомъ чуждымъ: симъ способомъ вы возбудите въ нихъ благородное честолюбіе и ревность къ охраненію древней своей независимости.

Знаменитость Упсальскаго Университета и ученость дѣйствительныхъ членовъ его дѣлающъ для меня сугубо драгоценными тѣ отношенія, которыя будутъ между мною и вами. *(Изъ Journ. de l'Empire.)*

Обозрѣніе заграничныхъ произшествій.

Декабря 10 и 13 были въ Парижѣ два чрезвычайныя собранія Сената, подъ предсѣдательствомъ Принца Архиканцлера Имперій. Въ первой день прочитано посланіе Императора и Короля слѣдующаго содержанія:

„Сенаторы! повелѣваю Министру моему въѣзжихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свѣдѣніе о разныхъ обстоятельствевахъ, требующихъ присоединенія Голландіи къ Имперіи.

„Опредѣленія, изданныя Британскимъ Совѣтомъ въ 1806 и 1807 годахъ, нарушили общественное право Европы. Насталъ новый порядокъ въ мірѣ. Для меня теперь нужны новыя поручительства въ безопасности, изъ которыхъ первыми и важнѣйшими почитаю

присоединеніе къ Имперіи устьей Шельды, Маса, Рейна, Емса, Везера и Ельбы и учрежденіе внутренняго сообщенія съ Балтійскимъ моремъ.

„Я повелѣлъ начертать планъ канала, который окончанъ будетъ прежде пяти лѣтъ и которой соединитъ Балтійское море съ Сеною.

„Даны будутъ вознагражденія Государямъ, которые лишатся владѣній своихъ чрезъ сіе великое предпріятіе, требуемое необходимою и простирающее до Балтійскаго моря предѣлы моей Имперіи.

„Прежде нежели рѣшился на то, я предвѣдомилъ Англію; она узнала, что одинъ только былъ способъ удержать независимость Голландіи, а именно чрезъ опмѣну опредѣленій Совѣща 1806 и 1807, или же чрезъ обращеніе къ миролюбивымъ расположеніямъ. Но сія держава не вняла ни гласу выгодъ своихъ, ни воплю Европы.

„Я почиталъ возможнымъ сдѣлать договоръ о размѣнѣ плѣнныхъ между Франціею и Англіею, и пользуясь пребываніемъ двухъ комиссаровъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, ускоришь сближеніе между обѣими націями. Надежды мои не исполнились. Въ продолженіе переговоровъ я видѣлъ только хитрость и неблагонамѣренность Англійскаго правительсва.

„Присоединеніе Валезской области есть предусмотрѣнное слѣдствіе многихъ работъ, производимыхъ десять лѣтъ въ сей части горъ Альпійскихъ. При начертаніи моего акша посредничества я ошдѣлилъ Валезскую область

отъ Гельвешическаго Союза, тогда еще предвидя мѣру столь полезную для Франціи и Испаніи.

„Доколѣ война съ Англіею будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ народъ Французской не долженъ полагать оружія.

„Финансы мои находятся въ наилучшемъ состояніи. Я могу удовлетворять всѣмъ нуждамъ Имперіи, не пребуя отъ моихъ народовъ никакихъ новыхъ пожертвованій. Дано въ Тюильерійскомъ дворцѣ, 10 Декабря 1810 года.“

Послѣ того, Дюкъ Кадорскій чиналъ донесеніе, представленное имъ Его Величеству. Въ началѣ упоминается, что Императоръ пять разъ былъ побѣдителемъ и миротворцомъ, что по упорству непріятелей своихъ принужденъ былъ увеличивать свое могущество и распространять свои владѣнія, и что Англія всегда смотрѣла завистливымъ окомъ на сіе распространеніе, коего сама была причиною. Англія нарушила договоръ Амьенскій; извѣстно, какія изъ того произошли слѣдствія; старанія и совѣты Фокса остались бесполезными; по смерти его надежда миролюбивыхъ людей исчезла; она оживилась было на короткое время при свиданіи въ Erfurtъ Императоровъ, но въ Англіи господствовалъ пошлѣе духъ немиролюбія. Послѣ изданія повелѣній Британскаго Совѣта, опраженныхъ указами Берлинскимъ и Медиоланскимъ, положеніе Голландіи сдѣлалось затруднительнымъ. Императоръ нашелся принужденнымъ перемѣнить судьбу сего Королевства, чтобы лучше и безопаснѣе произвести въ дѣйство систему, противоположную насильственнымъ рас-

пораженіямъ Англіи; но прежде Англія была увѣдомлена, что Голландія останеся при своей независимости, ежели только будущь опмѣнены повелѣнія Совѣта. Чиновникъ, отправленный отъ Голландіи для извѣщенія Англійскаго правительства о состояніи дѣлъ, возвратился назадъ безъ всякаго успѣха. И такъ надлежитъ сенатскимъ опредѣленіемъ утвердить присоединеніе Голландіи, а необходимымъ слѣдствіемъ онаго должно также быть присоединеніе Ганзеатическихъ городовъ, Лауенбурга и всего берега отъ Ельбы до Емса. Сии области и безъ того уже состояли подъ управленіемъ Императора; да и подъ какимъ флагомъ спали бы плавать корабли Ганзеатическіе, когда повелѣніями Англійскаго Совѣта совсѣмъ уничтожены привилегіи неупрального плаванія? Посредствомъ канала соединится Балтика съ Рейномъ, и учредятся торговыя сообщенія между сѣверомъ и югомъ. Ганзеатическіе флаги подъ покровительствомъ Французскаго будущь содѣйствовать къ освобожденію морей для общей пользы.

Послѣ того Реньо - Сенъ-Жанъ-д' Анжели и Кафарелли чинали начертанія трехъ сенатскихъ опредѣленій: первое о присоединеніи Голландіи и городовъ Ганзеатическихъ и объ учрежденіи изъ сихъ областей десяти департаментовъ; второе о назначеніи Королю Лудовику, бывшему Голландскому, ежегодной выдачи по 2,000,000 франковъ, и третье о присоединеніи Валезской области въ качествѣ Симплонскаго департамента.

Въ то же время предложены были два другія сенатскія опредѣленія: одно о конскрипціи 1811 года, по которой должно было

набрано 120,000 человекъ, а другое о томъ, какимъ образомъ и откуда набиратьъ должно людей для морской службы.

Декабря 13 въ другое засѣданіе Сената были слушаны донесенія о разсмотрѣнныхъ частными комиссіями начертаніяхъ сенатскихъ опредѣленій. Изъ донесенія Г. Семонвилля, касательно присоединенія Голландіи, замѣчены слѣдующія мѣста: „При нынѣшнихъ разсужденіяхъ надлежало бы предложитъ вопросъ такимъ образомъ: Голландія и города Ганзеатическіе, не будучи въ состояніи существовать сами собою, должны принадлежать Англій, или Франціи? — Не двѣ арміи сражаются теперь на равнинахъ Фонтенонскихъ; господство на моряхъ борется съ господствомъ на сушѣ: борьба достопамятная и ужасная, коея конецъ, можетъ быть близкій, распространитъ послѣдствія свои на будущія поколѣнія. . . Если бы Англія поступала умѣреннѣе, то сколько было бы предотвращено пагубныхъ слѣдствій! Она не заставила бы Францію обогатиться Голландскими пристанями и арсеналами; Емсъ, Везеръ, Эльба не текли бы въ нашихъ владѣніяхъ“ и проч. Всѣ пять начертаній единодушно одобрены и будутъ представлены Императору на утвержденіе.

Въ Испаніи война все еще продолжается. Въ Монистерѣ опять помѣщены извѣстія о разныхъ сраженіяхъ. *Кадиксъ* находится въ осадѣ. Изъ *Мурціи* Генералъ Блэкъ подался было впередъ, но былъ разбитъ Генераломъ Мильго при рѣкѣ Алманзарѣ, и преслѣдуемъ до Куллара. Онъ потерялъ 1000 человекъ и 2 пушки. Въ *Леонѣ* мятежники составили корпусъ изъ 1500 человекъ; но онъ разбѣявъ.

Въ *Старой Кастилии* Генераль Раке разбилъ 2,000 мяшежниковъ, изъ которыхъ половина осталась на мѣстѣ. Въ *Аррагоніи* Генераль Хлопскій съ 7 баталіонами Поляковъ разбилъ 8,000 мяшежниковъ. Дюкъ Тарентскій (Макдональдъ) прошелъ всю *Каталонію* въ разныхъ направленіяхъ; возстановивъ тишину въ нѣкоторыхъ долинахъ, онъ опять отправился къ Торшозѣ. Изъ Мадрида увѣдомляютъ отъ 24 Ноября, что Генераль Блакъ опять разбитъ Генераломъ Реемъ. Въ *Португаліи* по 1 Декабря ничего не случилось кромѣ неважныхъ пересрѣлокъ. Массена укрѣпился въ Саншаремѣ.

Во всей Германіи въ тишинѣ исполняются повелѣнія, данныя Государями объ употребленіи Англійскихъ товаровъ: Въ Дрезденѣ, въ Берлинѣ, въ Ейзенахѣ, въ Куксгаузенѣ, въ Триестѣ, въ Бернбургѣ, въ Авсбургѣ упомянутыя мѣры произведены въ дѣйство; то же послѣдовало въ Амстердамѣ, въ Роттердамѣ, въ Антверпенѣ, въ Миланѣ, въ Удино, въ Анконѣ, въ Неаполѣ и въ другихъ городахъ многихъ. Небезполезно напомнить Англичанамъ, что имъ принадлежитъ изобрѣтеніе сихъ дѣйствій, и что они сами подали примѣры употребляемыхъ товаровъ. Съ давнихъ временъ они успѣсняли торговлю и въ особенности Французскую. Доказательствомъ тому служатъ многіе акты парламента. Смертная казнь и ссылка опредѣляемы были пѣмъ, кои тайно или явно провозили товары. Наконецъ когда мѣры сіи показались недостаточными, стали сожигать Французскія произведенія.

Въ одномъ письмѣ изъ Лондона содержится слѣдующее: „Нельзя вообразить на-

ішого замѣшательства. До чрезвычайности обширная торговля наша внезапно поражена строгостию мѣръ, принятыхъ Французскимъ правительствомъ. Такъ, другъ мой! сія спрана, средоточіе всемірнѣйшей торговли, уже при мѣсяца находится въ ужасномъ положеніи. Въ публичныхъ листкахъ объявляется о пятидесяти или шестидесяти банкротствахъ, еженедѣльно возобновляющихся въ разныхъ городахъ торговыхъ. Да и какъ иначе? Небольшой островъ Гелиголандъ, лежащій при устьи Ельбы, весь заваленъ колоніальными товарами; такъ что недавно фунтъ кофе продавали шамъ по 6 су Французскихъ, и по 3 су фунтъ сахару. Судижъ о состояніи дѣлъ въ колоніяхъ: повары шамъ ничего теперъ нестоятъ, а отъ того всѣ купцы здѣсь въ крайнемъ уныніи; всякой, кто въ силахъ, старается прекратить дѣла свои и ожидать лучшаго времени; а прочіе всѣ, одинъ за другимъ; приходятъ въ упадокъ. Прибавь еще къ тому же, что Король болѣнъ, и что министры нехотятъ слышать о регенствѣ, опасаясь потерять мѣста свои, и ты увидишь, что политическая опасность не менѣе торговой. Чѣмъ все это окончится? Богъ знаетъ,“ и проч.

✱

Изъ числа постановленій, сдѣланныхъ въ собраніи государственныхъ чиновъ Швеціи, достойно примѣчанія то, которымъ бывшему Королю Густаву Адолфу и потомству его навсегда запрещено возвращаться въ Швецію подъ опасеніемъ смертной казни. Государственные издержки значно уменьшены вновь сдѣланными распоряженіями. При Густавѣ Адолфѣ сумма на содержаніе двора простиралась до 500,000

банковыхъ талеровъ; теперь она убавлена до 260,000. Наслѣдный Принцъ получалъ на содержаніе дома своего 60,000; теперь къ нимъ прибавлено еще 6,000. Государственные чины опредѣлили 12,000 талеровъ для принца Оскара.

Наслѣдный Принцъ Шведскій занялъ мѣсто свое въ Государственномъ совѣтѣ. Онъ принималъ поздравленіе отъ всѣхъ учрежденныхъ властей и отъ ученыхъ обществъ. Для любопытныхъ читателей предлагаемъ здѣсь слова, сказанныя Принцемъ Архіепископу Линдгольмскому, по воспріятіи имъ лютеранскаго исповѣданія: „Я съ младенческихъ лѣтъ „наученъ былъ реформатскому закону. Произ- „шествія послѣднихъ двадцати лѣтъ заводи- „ли Французскія войска въ Германію; я имѣлъ „случай узнатьъ пропестантскихъ священни- „ковъ сего края, и обращаясь съ ними, удо- „стовѣрился, что Авгсбургское исповѣданіе „дѣйствительно содержитъ въ себѣ слово Бо- „жіе и ученіе Іисуса Христа. Всѣ сдѣланныя „мною изслѣдованія ушвердили во мнѣ мысль, „что сіе исповѣданіе есть истинное. И такъ „сколько по увѣренности, столько и по же- „ланію установитъ ближайшія отношенія ме- „жду мною и Шведскимъ народомъ, порже- „ственно приемлю нынѣ лютеранское исповѣ- „даніе, кошорому давно уже сердце мое было „предано.“

(Изъ Фран. Мерк. и Рижск. Зрл.)

14 Января.

NB. Въ 1 книжкѣ Вѣст. Евр. 1811 на страницѣ 26, въ строкѣ 3 снизу, вмѣсто неспомыкалась, должно читать по спомыкалась.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 3. ФЕВРАЛЬ 1811.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.
~~~~~

*Начало Греческой Исторіи, соч.
Джиллиса (*).*

Въ первыя времена общежитія люди забоишяся о нуждахъ настоящихъ, не помня о прошедшихъ, и не помышляя о будущихъ. Они не имѣють ни способности, ни охоты разсматривать общественыя свои дѣянія въ безпристрастномъ зеркалѣ исторіи, а еще болѣе собирають оныя и предлагать попомощву. Недавно одержанныя надъ племенами вражескими побѣды про-

---

(*) Превосходство Англійскихъ историковъ признано императорами всѣхъ народовъ Европейскихъ. Джиллисова *Исторія Греціи* справедливо почитается рѣдкимъ произведеніемъ учености и таланта. Подвергаю суду просвѣщенныхъ читателей начало моего перевода. К.

славляющѣ въ безбискусственнѣхъ пѣсняхъ, или воспоминающѣ о нихъ по грубымъ памятникамъ; хранить же порядокъ и связь произшесствѣй есть такое дѣло, котораго за недоспапкомъ средствъ немогутъ исполнить, и о которомъ едва ли возможно имѣть имъ понятіе.

Произшесствѣя маловажныя и темныя, слѣдственно у нихъ самихъ забытыя, рѣдко возбуждаютъ изслѣдывающее любопытство въ сосѣдяхъ болѣе просвѣщенныхъ. Во времена древнѣя народъ иногда только привлекалъ на себя вниманіе другаго, когда значительнымъ становился. Пока просвѣщеніе въ Греціи не явилось въ полной зрѣлости своей, ни одинъ изъ образованнѣйшихъ народовъ не покушался изслѣдовать свойства и способности человека въ дикомъ состояніи. Спремительная отважность и яростныя нападенія варваровъ восточной части Европы распространили ужасъ и уныніе между просвѣщеннѣйшими по тогдашнему времени и болѣе другихъ изнѣженными обитателями малой Азіи; но гордость и роскошь преградили симъ послѣднимъ занятыя изслѣдованіями происхожденія и исторіи тѣхъ народовъ, которые иногда ужасъ на нихъ наводили. Нѣкоторыя подробныя извѣстія о жителяхъ Европы и Азіи безспорно принадле-

жашъ древнимъ дѣписателямъ Греціи. Разсудивъ, что въ первобытныхъ обществахъ безчисленныя причины покрываютъ дѣянія завѣсою мрака, мы должны болѣе удивляться тому, что такъ много знаемъ о древнемъ состояніи страны сей, нежели сожалѣть о нессвершенствѣ свѣдѣній, до насъ дошедшихъ.

Надлежитъ признасться, что источники наши для первой части Греческой Истории, въ прочемъ обильные, почти недосповѣрны и недостопащны для желающаго предложить событія въ связи и порядкѣ. Самой оспорожной писатель за нѣкоторыя мѣста неминуемо долженъ подвергнуться нареканію, на какихъ бы преданіяхъ ни основался. Несмотря на то, важность и достоинство подлежащаго сочиненія преобладаютъ, чтобы мы извяснили, изъ какихъ народовъ Греки сославились, и какъ счастливо отъ слабыхъ началъ достигали они до степени гражданскаго общежитія, описаннаго безсмертнымъ Гомеромъ. Творенія сего пѣснопѣвца, подобно яркому огню воздушному въ шемножѣ ноци, озаряютъ мрачную древность Греціи.

Греческія преданія не противорѣчатъ достовѣрному свидѣтельству Священной Истории, что страны, извѣстныя послѣ

подъ именами Эракїи, Македонїи и Греціи, были населены прежде другихъ частей западнаго свѣта. Въ южномъ углу Европы, между тридцатью шестою и сорокомъ первою широтами широты лежащемъ, къ сѣверу сопредѣльномъ съ Епиромъ и Македонїею, и окруженномъ съ другой стороны моремъ, за осьмнадцать столѣтій до хрїстіанскаго лѣточисленія обитали многія племена пастуховъ и звѣролововъ, между коими Пеласги и Еллины были многочислнѣе другихъ и сильнѣе. Грубые Пеласги чтили Инаха въ качествѣ своего родоначальника; Еллины, не столь какъ они грубые, по той же самой причинѣ воздавали почтеніе памяти Девакаїона; отъ сына его Еллина получили они свое названіе, сперва принадлежавшее немногочисленному племени въ Тессалїи; отъ его потомковъ Дора, Еола и Иона, тѣ же Еллины стали называться Дорійцами, Еолийцами и Іонійцами. Дорійцы заняли гористую часть Греціи, названную потомъ Доридою; Іонійцы, коихъ имя послѣ помянуто блистательнымъ названіемъ Аѳинявъ, поселились въ лучшей части Аппики; Еолийцы овладѣли Елидою и Аркадіею, то есть западною и среднею частями Пелопоннеса. Незирая на частныя переселенія семействъ, сїи при породы Еллиновъ постоянно жили на тѣхъ мѣстахъ, когорыя, по благоразумію или по прихо-

пльвому произволу, избраны ихъ родона-
 чальниками; и въ семъ случаѣ Еллины не
 походили на Пеласговъ. Первые, по при-
 вязанности къ родимой сторонѣ, рѣдко на-
 падали на варваровъ, опъ скоповодства и
 звѣриной ловли пипавшихся; другіе, ску-
 чая поспоянною жизнію, полпами спран-
 спивовали по Греціи, или переплывали на
 острова сосѣдственные. Многолюднѣйшая
 часть ихъ мало по малу удалилась къ бе-
 регамъ Италіи и Фракіи, а осипатки сли-
 лися съ Дорійскими и Іонійскими племе-
 нами. Въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ
 слѣды Пеласговъ являлись въ разныхъ го-
 родахъ Греческихъ; цѣлой округъ въ Фес-
 саліи удержалъ ихъ названіе; въ нѣпомъ
 столѣтїи до Хрїста поселенцы ихъ оби-
 тали въ южной спранѣ Италіи и на бере-
 гахъ Геллеспонша: невзирая на столь да-
 лекое разстояіе, древнее однородство сихъ
 людей примѣтно было въ сходствѣ грубаго
 языка ихъ и варварскихъ обычаевъ, весьма
 отличныхъ опъ языка и обычаевъ сосѣд-
 ственныхъ Грековъ.

Наглые и безпокойные люди сіи нико-
 гда недоспигали до степени значительности
 ни въ прежнемъ своемъ опечествѣ, ни
 въ спранахъ, въ которыя для жишельства
 переселились. Греція, избавившись опъ нихъ,
 мало по малу начала просвѣщаться, по

мѣрѣ того какъ умы Еллиновъ поспешенно очищались. Земля сія была, такъ сказать, предѣломъ между Европою и Азією; необширное водѣ пространство отдѣляло ее отъ Египта и Сиріи; недалеки были отъ нее страны востока, въ древности многолюднѣйшія и цвѣтущія: и такъ неудивительно, что путешественники посѣщали ее, и что пришельцы оспавались въ ней для вѣдущаго пребыванія. Сіи посѣщенія, сіи переселенія ознаменованы были многими значительными благодѣяніями, о коихъ благодарные Греки долго воспоминали, и коихъ важность можетъ быть увеличивали по любви къ излишеству. Даже и тѣ племена Греческія, копорыя справедливо присвоивали себѣ честь опдаленнѣйшей древности, признавались, что важнѣйшія открытія не только въ исповданіи вѣры, но въ земледѣльствѣ и въ искусствахъ перешли къ нимъ отъ чужестранцовъ; они довольствовались славою отъ распространенія заимствованнаго свѣта надъ сосѣдями, бывшими дошолѣ въ печальномъ невѣжествѣ мракѣ. Однакожъ народное тщеславіе наконецъ сдѣлало великую перемѣну въ старинномъ преданіи. Просвѣщенные грубыхъ Грековъ пошомки, съ удовольствіемъ видя превосходство свое въ искусствахъ и военномъ дѣлѣ передъ окрестными племенами, спали думать, что богамъ только прилич-

но пецися о младенчествѣ народа, вознесшагося выше всѣхъ прочихъ. И такъ богамъ приписана честь многихъ полезныхъ изобрѣженій, сообщенныхъ въ древнія времена Грекамъ великодушными посѣпителями; пышной вымыселъ получилъ нѣкопорою видъ справедливости, потому что обычай воздавать разнымъ, прежде невѣдомымъ богамъ, почтеніе, введенъ въ то же время и тѣми же людьми, которые сдѣлали извѣстными искусства, весьма полезныя въ общежитіи.

Баснословіе представило въ превращеномъ видѣ благодѣанія прежнихъ путешественниковъ; но исторія сохранила намъ память о чепырехъ переселеніяхъ людей, оставшихся навсегда жить въ Греціи. Отъ половины шестнадцатаго вѣка предъ Р. Х. до половины пятнадцатаго, Египтяне, Финикійяне и Фригійцы толпами приплывали къ берегамъ Еллинскимъ. Причины, которыя заставляли сихъ людей странствовать, свойственны обычаямъ глубокой древности, въ священныхъ и свѣтскихъ книгахъ описаннымъ: ненависть къ совѣстнику, сопротивленіе власи сильнѣйшаго, утѣсеніе и отъ братьевъ и отъ непріятелей, и вообще мучительное безпокойство нрава, усиливающееся между людьми, которые почувствовали свое могуще-

ство, но еще не научились употреблять его на полезные искусства и промыслы. Важнейшія селенія основаны пришедшими изъ Египта Кевропомъ и Данаемъ, изъ коихъ первой оспался въ Афинахъ, другой въ Аргосъ; изъ Финикіи Кадмомъ, основавшимъ Тивы, что въ Віопіи; изъ Фригіи Пелопсомъ, коего попомви соединясь узами супружества съ попомками Даная Царя Аргосскаго и Тундарея Царя Лакедемонскаго или Спаршанскаго, содѣлали Агамемнона страшнымъ въ Пелопоннесѣ монархомъ. Поколюбіе Девкалионово спокойно царствовало въ Бессаліи; но Тивы, Афины, Аргосъ и Спарша, во всѣ времена бывшіе главными городами Греціи, такимъ образомъ подпали власти чужестранныхъ государей, коихъ подвиги, слава и несчастія сохранились для попомства въ безсмертныхъ спискахъ знаменитѣйшихъ пѣвцовъ Греческихъ.

Ошечественныя sprawy сихъ пришельцевъ, скажемъ, судя по нынѣшнему, конечно тогда еще не достигли до высочайшей степени совершенства въ законахъ и наукъ правленія. Однакожь нельзя сомнѣваться, что жителямъ Египта и востока извѣстно было много такого, о чемъ Еллинскія племена даже и понятія не имѣли. Хотя ненадлежащъ принимаешь догадокъ вмѣсто событій; но въ дѣлѣ, споль древней и шемной, позволяешся по истори-

ческимъ произшествіямъ догадываться, что иносиранцы принесли въ Грецію алфавитъ Финикійскій, ввели въ употребленіе искусство земледѣлія, умножили обряды богослуженія, научили Грековъ добывать руды. Сами же они научились Греческому языку, и вообще приняли обычаи и обряды людей, между коими поселились.

Употребленіе Финикійскаго алфавита, какъ способа весьма труднаго, сперва не могло имѣть важныхъ слѣдствій. Еллыны, при слабой понятливости своей, не достигали, сколь полезно сіе остроумное изобрѣшеніе. Только немногіе, просвѣщеннѣйшіе другихъ, переняли оное и хранили между собою; большая же часть народа употребляла старинной способъ письма, то есть изображеніе вещей и животныхъ; и сей способъ, ограниченный ихъ свѣдѣніями, по видимому достаточенъ былъ для выраженія ихъ понятій, простыхъ и грубыхъ.

Финикійяне очень хорошо знали дорогіе металлы, копорые служили у нихъ средствомъ для обмѣна. Но въ простыхъ сношеніяхъ между Греками до сей выгоды просвѣщенныхъ обществъ еще не доходило. Даже во время Троянской войны рогатой скотины, какъ вещь для всѣхъ нужная и полезная, почитался приличнѣйшею мѣрою цѣнности.

Трудно рѣшить, золото или желѣзо при-
быточнѣе для человека, одно возбуждая въ
немъ охоту къ шрудамъ, другое подавая
способы упражняться въ полезныхъ искус-
ствахъ. Желѣзо снабдило Грековъ потреб-
ными орудіями земледѣлства, которое рас-
пространяясь, удобряло неплодную землю,
и смягчало грубые нравы. Могло статься,
что до пришествія людей изъ Египта раз-
сѣянные жители иногда упражнялись въ об-
работываніи полей; но полезное искусство
земледѣлства не было еще дѣломъ шу-
довъ общихъ. Кенропсъ убѣдилъ бродящихъ
паспуховъ и звѣролововъ Аттическихъ со-
единиться въ общество, жить въ селахъ
и постоянно воздѣлывать землю. Хлѣбъ,
вино и масло были наградою полезныхъ шу-
довъ ихъ, и сіи произведенія, общими сила-
ми получаемыя, равно какъ и самая земля,
почитались общимъ достояніемъ.

Когда люди имѣютъ понятіе о проч-
номъ, исключительномъ правѣ пользоваться
произведеніями опредѣленной части земли,
одному или вмѣстѣ многимъ принадлежащей;
то сіе показываетъ, что въ общезжитіи ока-
зались уже великіе успѣхи. За симъ безцѣп-
нымъ правомъ непосредственно слѣдовали
въ Греціи разныя постановленія, введенныя
для того чтобы обезпечить имущество
гражданина и обуздашь наглую несправедли-

вость людей, которые не всегда желаютъ приобрести медленнымъ трудомъ то, что можно получить внезапнымъ нападеніемъ. Спасительная власть ивры была употреблена въ семъ необходимомъ случаѣ. Находимъ у разныхъ писателей, что земледѣльческая работа и обряды ивры были введены въ одно время. Но тѣ же писатели увѣдомляютъ насъ, что учредители богослуженія запретили живописныхъ приносить на жертву; а симъ обнаруживается, что и прежде уже господствовало кровопролитное суеврѣе. Въ прочемъ подъ симъ запрещеніемъ можетъ быть скрывается похвальное намбреніе спучить Грековъ отъ варварства и ввести земледѣіе вмѣсто прежняго звроловства.

Между тѣмъ какъ многолюдство Еллинскихъ племенъ непрерывно увеличивалось отъ соединявшихся съ ними пришельцовъ, также и прежде еще, они сами не рѣдко спправляли своихъ однородцовъ для поселенія въ странахъ дальнихъ. Сперва питались они отъ звриной и рыбной ловли и отъ скоповодства; изъ чего и явствуетъ, что малаго пространства земли недостаточно было для удовлетворенія нуждъ жителей. Тягостной деспотизмъ не угнеталъ ихъ; крошкія но сильныя дѣйствія хорошаго правленія долго были имъ неизвѣстны;

а людямъ совершенно свободнымъ , незнающимъ надъ собою никакой власти , едва ли можно жить большими общесствами. Еллины , увидѣвши , что число ихъ весьма увеличилось , раздѣлились на разные части , изъ которыхъ главная осталась на прежнемъ мѣстѣ , а прочія поселились въ странахъ окрестныхъ. Такимъ образомъ Еолійцы разсыпались въ Пелопоннесъ ; несчастный Сисифъ , основатель Коринѳа , былъ попомомъ Еола и предокъ мудраго Нестора , который царствовалъ въ песчаномъ Пелосѣ , произшедши отъ того же племени Еолійскаго. Немалая часть Іонійцевъ поселилась на сѣверномъ берегу Коринѳскаго залива , въ странѣ , которая вмѣсто Іоніи наименована Ахаїею , спустя восемь лѣтъ послѣ войны Троянской. Земля , по ту сторону перешейка лежащая , была раздѣлена между многими общесствами людей племени Еллинскаго. Когда материкъ довольно населенъ ; въ то время Аѳиняне послали жителей на островъ Евбею. Еще за нѣсколько столѣтій до славнаго переселенія Грековъ на берега Малой Азіи , Испаліи и Фракіи , Дорійцы отправили однородцевъ своихъ на островъ Криту , а Еолійцы , предводимые Дарданомъ , заняли восточной берегъ Геллеспонта. Въ продолженіе войны Троянской жили сибъ различныхъ , взаимно между собою ошдаленныхъ земель , говорили од-

нимъ языкомъ, по еспь Еллинскимъ, и признавали общее господство одинакихъ обычаевъ и общія правила, копорымъ всѣ повиновались. И такъ, чптобы не предположить, будто не только Фригійцы, но даже Финикіяне и Египтяне сперва говорили однимъ языкомъ Еллинскимъ, надлежитъ принять по видимому основательную догадку, что иноплеменники, переселившіеся въ Грецію съ Кедросомъ, Кадмомъ и Данаемъ, перенимали языкъ тамошнихъ природныхъ жителей.

Кажется, не трудно доказать, что сіи пришельцы равнымъ образомъ приняли и узаконенія Греческія. Чрезмѣрная строгость самовластія, которое во всѣ времена свирѣпствовало въ Египтѣ и на востоцкѣ, завоевателямъ Трои было неизвѣстно. Неограниченная власть царей не была признаваема даже въ продолжительное время войны и опасностей, когда необходимо нуженъ строгій порядокъ военный; сверхъ того Греки и тогда вольностію своею дорожили, когда избыточество, нѣсколько вѣковъ увеличиваясь, приговляло для нихъ оковы рабства: слѣдственно не возможно думать, чптобы восточная система угнетенія одержала верхъ во время бѣдности и независимости.

Финикіяне почитаются первыми мореходцами и купцами древняго мѣра; посему

вообще и заключающъ, что Финикійскіе пришельцы своимъ примѣромъ научили Грековъ презирашь морскія опасности и завести торговля сношенія какъ между собою, такъ и съ другими народами. Но съ перваго взгляду на географическую карту Греціи удостовѣришья можно, что въ сей странѣ, щедро облагодѣшествованной природою, торговля не имѣла нужды въ посторонней помощи. Материкъ, съ трехъ сторонъ омываемый моремъ, окруженъ еще множествомъ острововъ, имѣющихъ весьма хорошія пристани. Почва и произведенія земли тамъ, можетъ быть, разнообразнѣе, нежели въ какой либо другой частіи свѣта. Но всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря, по есть къ прекраснѣйшей частіи земли и наиболѣе процвѣтавшей въ древности, удобнѣе было приспавать Грекамъ, нежели другимъ сосѣдственнымъ народамъ. Однакожъ изъ Испоріи видно, что Греки долго не пользовались выгоднымъ мѣстоположеніемъ своего опечесва, или предполагаемымъ наставленіемъ Финикіянъ, своихъ учителей.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Семирамиды, Вольперовой трагедіи.

Рѣчь Семирамиды, произносимая ею къ вельможамъ и народу, при избраніи себѣ супруга и Монарха Ассирійской Имперіи :

Со славой царствуя уже пятнадцатъ лѣтъ,
Хотя умѣла я заславить цѣлый свѣтъ
Почтить въ рукѣ моей и лавры и оливы,
Въ рукѣ, копорую обычай лишь ревнивый
Къ единой праздности и мѣгѣ осудилъ;
Хотя руки сея до днесь не упомилъ
Самодержавный жезлъ верховнаго правленья :
Но для крѣпчайшаго престола утвержденья,
И чтобы вамъ пуши къ безсмертью проложилъ,
Владычество свое хочу я раздѣлить.
Уставъ предвѣчныхъ судьбы симъ исполняю,
И волѣ я себя безсмертныхъ покоряю.
Угодно онѣ меня имѣ было сына взятьъ ;
Да днесь благоволяю другаго низпослать,
Достойнаго меня и царствія надъ вами !
Чтобъ онѣ, спремяся мной опроверженными пу-
шми,
Увѣковѣчить могъ державы славу сей! —

Такъ, я могла избрать супруга изъ Царей;
Но всѣ, копорые моимъ владѣніямъ смежны,
Иль данники мои, или враги мяшежны.
Межъ подданныхъ своихъ имѣю я такихъ,
Которыхъ чшу Царей достойнѣйшими сихъ,

Царей , самую мной, иль ими побѣжденныхъ.
Да не коснешя скиптръ мой рукъ иноплемен-
ныхъ!

Белъ подданнымъ рожденъ , и что возшелъ на
пронъ,
Народу и себѣ тѣмъ былъ обязанъ онъ.

Я скиптръ приобрѣла по паковомужъ праву.
Объемля властію пространнѣйшу державу ,
Поработила ей воспочныя спраны ,
Что въ мракъ, въ Беловъ вѣкѣ, были погребены;
Невѣдомыхъ ему народовъ покорила ;
Что онъ предпринималъ , я все по совершила.

Блюспи опечество лишь можешъ то одно,
Чѣмъ утверждаешия незыблемо оно.
Потребенъ вамъ герой, достойный чптобы сею
Державой обладать, и коль сказаши я смѣю,
Достойный сей руки , дающей скиптръ ему,
И сердца, лишь ему подвластна одному.
Я совѣщалася съ законами , съ богатаи,
Со пользой сей спраны, прославленныя вами,
Со пользой всей земли, и всѣмъ благотворя,
Супруга избрала себѣ , а вамъ Царя.
Владыку вашего въ героѣ обожайте,
Въ немъ отрасль царскую возникшу призна-
вайте;
Возвысьте въ радости поржественный свой
гласъ;
Герой сей, мой супругъ, Монархъ вашъ естъ
Арзасъ.

Д. Д.

Въ С. П. Бургѣ.

Мадагаскарская лѣсня.

Какъ сладко спать въ прохладной шѣнѣ,
Пока долину зной палишь,
И въшерь чухъ въ древесной сѣни
Дыханьемъ листьевъ шевелишь! —

✽

Приблизьтесь жены! — и руками
Сплеснися дружно въ легкой кругъ,
Прощая тихими словами
Царя возвеселите слухъ!
Воспойте пѣсни мнѣ двѣцѣ,
Плеущей сѣни для кошницъ,
Или, какъ сидя у пшеницы,
Она пугаетъ жадныхъ птицъ.

✽

Какъ ваше пѣнье сердцу вяшно!
Какъ нѣгой упомляетъ духъ! —
Какъ, жены, изъ дали приятно
Смошрѣшь на вашъ сплещенный кругъ! —
Да тихи, медленны и спрашны
Тѣлодвиженья будутъ вновь!
Да всюду съ чувствивами согласны
Являютъ нѣгу и любовь! —

✽

Но въпрѣ вечерній повѣваетъ;
Ужь свѣшлый мѣсяцъ надъ рѣкой;
И насъ у куци ожидаетъ
Носнелъ изъ листьевъ . . . и покой! —

Д.

Сонъ ратниковъ.

Вольный переводъ изъ поемы *Аснель и Аслега.*)

Сраженіе кончилось. Скандинавцы учреждають пиршество. Пылають дубы и чаша радости ходитъ кругомъ . . .

Но вскорѣ пламень поухаетъ
И гаснетъ пепелъ черныхъ пней,
И томный сонъ опягощаетъ
Лежащихъ воевъ средъ полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожатъ крапкой ихъ покой:
Иный лѣсовъ проходитъ мраки
И слышитъ звѣрей гладныхъ вой;
Иный на лодкѣ ушлою рѣшетъ
Среди кипящихъ въ морѣ волнъ;
Весломъ десница не владѣетъ
И гибнетъ въ морѣ бѣдный чолнъ!
Иный мѣста узрѣлъ знакомы,
Мѣста отчизны, милый край!
Ужь слышитъ псовъ домашнихъ лай
И зреть отцовъ поля и дома,
И нѣжныхъ чадъ своихъ . . . мечты!
Проснулся въ безднѣ темноты! —
А сей чудовище встрѣчаетъ,
Ударъ бесплодно погибаетъ;
Махнулъ мечемъ — его рука,
Подвѣяна вверхъ . . . окостенѣла;
Бѣжать хотѣлъ — его нога
Дрожитъ, недвижима, замѣла;
Вспаешъ, и палъ! — Межь тѣмъ какъ шопъ
Скользитъ по лону пихихъ водъ
И пѣнитъ волны подъ рукою;
Волна усилена волною

Клубится, пѣнится горой,
И вдругъ обрушившись, клокочетъ.
Несчастный борется съ рѣкой;
Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ,
И голосъ замеръ на устахъ! —
Другой бѣжитъ на полѣ равномъ,
Бѣжитъ, глотая пыль, и прахъ;
Три кратъ сверкнулъ мечемъ булашнымъ,
И въ воздухъ недвижимъ мечъ!
Звѣня, упали лапы съ плечъ. . .
Копье рамена прободаетъ,
И брызжетъ кровь изъ нихъ рѣкой —
Несчастный рану зажимаетъ
Холодной, шепетной рукой!
Проснулся онъ . . . и шестно ищетъ
И ранъ, и вражьяго копья!

Но вѣтръ шумитъ и въ роцѣ свещетъ,
И волны мутнаго ручья
Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
Клубятся пѣняются — и воютъ
Средь дебрей снѣжныхъ и холмовъ.
Всѣ спятъ у тлѣющихъ костровъ,
Всѣ спятъ; одинъ Эрикъ несчастный
Поетъ — и въ мракъ гулъ ужасный
Отъ скалъ горамъ передаетъ:

„Сижу на брегѣ шумныхъ водъ,
Все спитъ кругомъ; лишь воютъ роци,
И Гелы шѣнь во мглѣ ревешъ:
Не спрашны мнѣ призраки ноци,
Мой мечъ скользитъ по влагѣ водъ! —

„Сижу на брегѣ ярыхъ водъ.
Спрашися врагъ! — бѣги стрѣлю! —
Ни мечъ, ни щитъ ужь не спасетъ
Тебя съ возставшею зарею . . .
Мой мечъ скользитъ по влагѣ водъ!

„Сижу на брегѣ ярыхъ водѣ;
 Мнѣ ревностъ сердце раздраетъ.
 Супруга, бойся! день придетъ,
 И мечъ опущенья заблестаетъ! — — —
 Но онъ скользитъ по влагѣ водѣ.

Сижу на брегѣ шумныхъ водѣ.
 Все спитъ кругомъ; лишь воютъ рощи
 Лишь Гелы пѣнь во мглѣ реветъ:
 Не страшны мнѣ призраки ночи,
 Мой мечъ скользитъ по влагѣ водѣ! —

Констант. Б. —

О с е н ь (*).

Уже отъ Сѣвера, отъ родины моей,
 Летишь опять на Югъ къ намъ съ бурями
Борей,

Злой вѣстникъ отъ Зимы-царицы,
 Безвременно въ сіи вступающей границы.

Бичъ нашихъ рощъ, садовъ, полей!
 Онъ стелетъ для ея желѣзной колесницы,
 Путь льдистой отъ ея Гренландскія столицы,
 До отдаленныхъ странъ владычицы своей.
 Жестокой, не принесъ отъ кровныхъ мнѣ вѣ-
стей! . . . (**)

Съ унылымъ полкомъ воемъ, свѣстомъ,
 Одежды рветъ лѣсовъ, крушитъ увядшимъ
листомъ;

(*) Съ удовольствіемъ помѣщая стихи сіи,
 получивъ ихъ отъ сотрудника моего В. А.
 Жуковскаго. Изд.

(**) Сочинитель ждалъ увѣдомленія отъ своихъ
 родныхъ.

Трясетъ съ обмерзлыхъ крылъ снѣга;
Лишаетъ зелени луга.

Покрытые имъ льдами воды
Не плещутъ больше въ берега :

Мертвѣютъ въ приапности природы
Онъ страшнаго ея врага.

Умолкли на поляхъ и пѣсни и свирѣли;
Друзей ея сердца осирошбли.
Разноситъ ехо жалкой спонъ
Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
Дриадъ и Фавновъ и Сатуровъ,
Которыхъ люто гонитъ онъ
Изъ рощъ имъ обнаженныхъ вонъ;
Спада и поселянъ подобно
Въ ихъ снѣны заключаешъ злобно.

*

Но пусть лѣхой старикъ шумитъ,
Морозомъ, и всемъ дышитъ;

Пусть мчится и съ Зимой своей на перемѣн-
ныхъ,

Прогулокъ пусть меня лишитъ обыкновенныхъ;
Однако и въ снѣгахъ моихъ уединенныхъ
Природы вовсе не лишитъ.

Онъ наполнены ея воспоминаньемъ,
И ей удачнымъ подражаньемъ
Любезной Капешки моей живописаньемъ (*),
Я въ немъ могу зимой гулять въ моемъ лѣсу;
Разсмаширивать деревъ и зелени красу;

Иль отдыхатъ подъ ихъ густою тѣнью,
Какъ лѣтомъ иногда, съ безсмыслиемъ и лѣнью,

(*) Дѣвица Капешкина Федоровна Алферова, воспитанница и ученица сочинителя, въ жилищѣ его сняла съ мѣстъ и нарисовала красками многіе виды въ большихъ мѣрахъ. Сіи стихи написаны на случай, когда она копила одинъ изъ лучшихъ видовъ.

На самородныхъ ли моихъ скамьяхъ,
Или въ уродливыхъ пустынныхъ шалашахъ;
Блуждаюсь мысленно на холмахъ и въ доли-
нахъ,
Со всею почтностью снятыхъ въ ее картинахъ.
Въ нихъ вижу и друзей, въ нихъ вижу и себя,
Какъ съ ними тамъ брожу, или чишаю я;
И восхищаяся двоякимъ сладкимъ чувствомъ,
Природы прелестью и Капеньки искусствомъ,
За малые мои для ней пруды
Вкушаю лучшія награды и плоды,
Какихъ не могущъ дать гулянья ни сады,
Въ успѣхахъ и дарахъ опмѣнныхъ ученицы!

Любите живопись, почтенныя дѣвицы!
Которая всегда васъ любитъ и сама:
Украшайте вашу работою перема
И сельскія свои свѣшлицы,
Чтобъ также вамъ гулять, когда придетъ зима.
Даръ пылкаго воображенья
Дополнитъ все въ гуляньяхъ сихъ для васъ;
Съ воспоминаніемъ оно не рѣдко насъ
Дряхлѣе питаетъ наслажденья!

II. Пустынникъ.

5 Ноября, 1810 года.
Въ Цоковѣ,

~~~~~
Къ Н. В. С.

Кончанъ трудный путь — бросаю
Навсегда дорожный посохъ;
Упомленный взоръ отъ зрѣлищъ
Велѣбныхъ, дивныхъ, новыхъ,

Успокоить поспѣшаю
 На муравчатыхъ лужайкахъ,
 Подъ зеленымъ свѣсомъ рощи;
 Духъ уставшій отъ восторговъ
 Успокоить поспѣшаю
 Въ сельскомъ домикѣ смиренномъ,
 Въ тишинѣ уединенья.
 Видѣлъ, видѣлъ я довольно
 Сихъ чудесъ невѣроятныхъ;
 Видѣлъ яростное море
 Человѣкомъ укрощенно;
 Зрѣлъ неукротимы вѣтры
 Человѣкомъ укрощенны,
 Воздувающи вѣтрила,
 И влекущія послушно
 Мореходные громады
 Изъ конца въ концы вселенной;
 Видѣлъ Росскаго Монарха,
 Мощью, блескомъ и любовью
 Вѣрныхъ Россовъ окруженна;
 Видѣлъ памятники горды
 Знаменистыхъ полководцовъ;
 Пролилъ шоки слезъ надъ прахомъ
 Ишалійскаго Героя;
 Видѣлъ храмъ великолѣпный,
 Чудо зодчества, созданный
 Мишель - Анжами Россіи;
 Встрѣтилъ взоръ любви богини,
 Гвидо - Реновою кистью
 Оживленной на холстинѣ:
 Въ сей Венерѣ все Венера.
 Видѣлъ, какъ у Геркулеса
 Въ каждомъ членѣ дышетъ сила;
 Слышалъ грозные перуны,
 Потрясающіе основы
 Града спольнаго Монарховъ,
 Возвѣщающіе вселенной

О побѣдѣ за Дунаемъ,
 О паденіи оплота
 Непокорныхъ сопостаповъ,
 Объ опасности грозящей
 Царю - граду и Султану;
 Слышалъ — и воспламененный
 Снялъ съ стѣны молчавшу лиру,
 И побою ободренный,
 Я хотѣлъ уже перстами
 Пробудить военны звуки,
 Въ пѣсняхъ громкихъ и высокихъ
 Передать хвалу героевъ
 Отдаленному потомству.
 Ахъ! но лира пихострунна
 Отказалась пѣть героевъ,
 Издавать громовы звуки.
 Такъ напрасно же ты будешь
 Ожидать побѣдныхъ гимновъ
 Отъ безвѣснаго поета. . . .
 Пусть Державинъ! предоставимъ
 Мы Орлу сему парящу
 Пѣть побѣды, славу Россовъ;
 Киснью смѣлою чудесно
 Представляшь вождя героевъ,
 Такъ какъ древняго Амрида,
 Или такъ какъ Годофреда,
 Представляшь кипящу сѣчу,
 Звонъ броней и коней ржанье:
 Предоставимъ мы великимъ
 Пѣшь о подвигахъ великихъ!
 И не лучше ли, мой милый,
 Распросившись съ Петропомемъ,
 Въ сельскомъ домикѣ уютномъ,
 За столемъ дубовымъ, круглымъ,
 Сидя съ добрыми друзьями,
 Пѣшь сады, златую жашву,
 Счастье мирной сельской жизни.

Ахъ, не лучшѣ, уклонившись
 Въ рошу липовую, темну,
 Наливать виномъ покалы,
 Пить здоровье храбрыхъ воезъ,
 Пить здоровье милыхъ женщинъ,
 Незаботясь о зашрѣ;
 Наслаждаешься жизнью нынѣ,
 И виномъ, изъ чашъ пролишымъ,
 На сполѣ моемъ дубовомъ
 Рисовать перспомъ искуснымъ
 Тѣ сраженья знамениты,
 Гдѣ Россійскіе герои
 Увѣнчались лавромъ славы,
 Гдѣ и ты, мой воинъ храбрый!
 Поражалъ враговъ Опчизны?
 Удалися же, С—въ!
 Изъ столицы шумной, бурной;
 Самъ кровавый Марсъ не рѣдко
 Отдыхалъ онъ бури рашной
 На колыняхъ у Венеры.
 Съ неперибѣнемъ дружбы спраспной
 Жду тебя въ свой тѣсный домикъ,
 Жду тебя попрохладиться
 И вздохнуть здѣсь на свободѣ;
 Помечтать подъ сельскимъ кровомъ,
 Здѣсь не будешь оглушать насъ
 Громъ блестящей колесницы,
 Шукъ оружія звѣняща;
 Здѣсь услышишь скрипъ шелеги,
 Шукъ цѣповъ, снопы бѣющихъ,
 Умъ забудетъ удивленье,
 Сердце вспомнитъ наслажденья,
 Въ городахъ и на диванѣ
 Богачи не спятъ покойно;
 Здѣсь увидишь на соломѣ
 Въ дынной хижинѣ и тѣсной
 Бѣдныхъ, спящихъ сномъ глубокимъ,

Тамъ въ шуму, въ пиру зѣваютьъ
Средь роскошныхъ наслажденій ,
И скучаютъ самымъ благомъ :
Праздноть машь пороковъ , скуки !
Мы увидимъ здѣсь на нивѣ
Рослыхъ, свѣжихъ и румяныхъ
Поселянъ и поселянокъ
За работою поющихъ ,
И въ посредственности милой
Находящихъ жизни радость ,
И блаженныхъ въ низкой долѣ.
О С-въ , другъ любезный ,
Видя вокругъ себя счастливыхъ ,
Будемъ сами мы счастливы !

Воейковъ.

Е л и г р а м м ы .

1.

Убогой стихопворецъ Клишъ
О лирѣ золошой въ стихахъ своихъ швердишь.
Чудакъ ! продай ее богатому сосѣду
И лучше что нибудь купи себѣ къ обѣду .

2.

Когда я веселъ , Максъ меня сопровождаетъ ;
Когдажъ печаленъ , убѣгаетъ ,
И словомъ , другъ мой Максъ какъ шѣнь :
Послѣдуешь за мною въ день
И прочь бѣжишь , когда ночь шемна наступаетъ .

В. Козловъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О поэзи древнихъ и новыхъ.

Задача, съ которой споры сходны и съ какой несходны древнѣе съ новыми, и кому изъ нихъ принадлежишь превосходство, первымъ или послѣднимъ, была предметомъ разсмаприванія многихъ ученыхъ; но и понынѣ еще никто не разрѣшилъ ее удовлетворительнымъ образомъ. Нельзя сомнѣваться, чтобы всѣ сїи мнѣнїя болѣе или менѣе не были управляемы особеннымъ расположенїемъ писателей и духомъ того народа, къ которому принадлежали сїи писатели; но также неоспоримо и то, что въ наше время великое влїянїе имѣло на нихъ усовершенствованїе понятїй нашихъ о существѣ поэзи и наше основательнѣйшее знанїе древности. Крипика, яснѣе опредѣлившая законы первой, короче знакомая съ духомъ послѣдней, безпреспанно перемѣнявшая низшую почку зрѣнїя на высшую, наконецъ возвысилась до понятїй болѣе общихъ и большее количество предметовъ объемлющихъ. Изъ сихъ многоразличныхъ

почевъ зрѣнїя важнѣйшими нажутся намъ три, важнѣйшими потому, что онѣ предметъ нашъ — *опредѣленіе истиннаго достоинства стихотворной древности* — со многихъ сторонъ и въ большей ясности представляющѣ нашему взору.

Первая — можемъ назвать ее *естественно-техническою* — есть безъ сомнѣнїя самая низшая. Когда народъ, едва начинающій знакомиться съ словесностію, обращается въ произведенїямъ древнихъ, дабы заимствовать отъ нихъ и образованїе и искусство; тогда наиболее поражаютъ его и наиболее возбуждаютъ въ немъ двупельность подражанїя именно тѣ совершенства, которыя особенно принадлежатъ къ способности вкуса. Изображенїя живыя и вѣрныя, очаровательность стихотворнаго языка, стихи приятныя и легкіе, счастливое расположенїе и связь отдѣльных частей для составленїя цѣлаго, словомъ все то, что можетъ быть съ поносностію подведено подъ правила положительныя, прежде всего въ произведенїяхъ древнихъ представляется его вниманїю, удивляетъ его и важется ему спсующимъ подражанїя. И тѣ, которые совершенства сїи признаютъ собственностію древнихъ, воображаютъ уже, что имъ извѣстны и истинное ихъ достоинство и

шпль характеръ, которыми они отличающаюся отъ новѣйшихъ. Почти всѣ мнѣнїя, на которыхъ Италїянскїе и Французскїе крипики основываютъ понятїе свое о превосходствѣ или недостаткахъ стихотворцовъ древнихъ, относящся или къ правильности сосава, или къ приспойности и благородству выраженїя, или къ приятности изображенїя, или наконецъ къ вѣрности и приличїю сравненїй, слѣдовательно вообще къ искусству въ расположенїи цѣлаго и къ совершенству въ изображенїи частнаго. Вамъ извѣсны шь примѣчанїя, которыя Буало, неоспоримо первый Французскїй крипикъ въ вѣкѣ Людовина XIV, приобщилъ къ своему переводу Лонгина, и въ которыхъ онъ защищаетъ древность противъ забавной несправедливости Перольша — чтожъ вы находите въ нихъ? Крипикъ исключительно занимается разсмаиванїемъ словъ и образовъ выраженїя; доказываетъ, что ихъ несправедливо обвиняютъ въ низости и неблагородствѣ; беретъ подъ защиту свою и чувства и мысли Гомеровыхъ или Софокловыхъ героевъ, которыхъ находитъ истинными въ отношенїи къ Софоклову или Гомерову вѣку; наконецъ въ опроверженїе обвиненїй несправедливыхъ представляетъ существенное различїе между нравами Грековъ и нравами народовъ новыхъ. Такой же методъ слѣдуетъ и Ла-

гарпъ, хопя между имъ и Боало цѣлое столѣшїе. Напрасно будепе искапъ въ его обширной карпинѣ древней и новой литературы сравненїя, съ высшей степени взяшаго и болѣе, нежели обыкновенно, объемлющаго. Онъ вообще замѣчаепъ различїя во вкусѣ, необходимо сущеспвующїя между шѣми народами и шѣми временами, копорыя онъ сравниваепъ; особенно будучи привязанъ къ драматическому искусству, онъ наиболее занимается разсмаприванїемъ эпическихъ и прагическихъ характеровъ, и шѣми способами, копорыя съ одной стороны древнїе, а съ другой Французскїе стихопворцы употребляли для изображенїя оныхъ, и епачась его Курса еспъ безъ сомнѣнїя самая лучшая; но Лагарпъ почти вездѣ обращаепъ глаза болѣе на частное, нежели на цѣлое; раздробляепъ болѣе искусство, нежели духъ поема; словомъ онъ предлагаепъ намъ правила художника, а не глубокомысленныя разсмаприванїя философа.

И Нѣмцы, обративши глаза на поезїю древнихъ, прежде всего успремилн вниманїе на ихъ формы, на прелеспъ ихъ языка, на совершенство ихъ въ выраженїи мыслей. Задачи о необходимости чудеснаго для эпической поемы, о сохраненїи прехъ единствъ въ прагедїи, о сущеспвѣ и дѣйствїи стихопворнаго сравненїя, о живописи выраженїи,

и вообще о всемъ помъ, что принадлежишь такъ сказать къ вещественному совершенству рвчи, были разръшаемы, подъ руководствомъ Грековъ и Римлянъ, Бодмерами и Брейлингерами, и превосходство древнихъ въ расположеніи и слогъ признано было ихъ опличительнымъ качествомъ. Даже и тогда, когда уничтожены были нѣкоторыя предразсудки, замъшавшіеся въ сѣи разсужденія, когда начали вришь, что нѣкоторыя древнія формы опредѣлены были случаямъ, и что весьма многое, приписываемое особенному характеру Грековъ или Римлянъ, не къ одной поэіи сихъ народовъ, но вообще ко всякой поэіи принадлежало, и тогда, говорю, исчезло мнѣніе, что *простота и вѣрность въ изображеніи натурь* особенно принадлежатъ стихотвореніямъ древнихъ, и сославляющъ ихъ опличительное превосходство.

Другая почка зрѣнія, съ которою надобно сравнивать древнихъ и новыхъ, есть не вещественное, техническое совершенство, замъчаемое въ произведеніяхъ первыхъ, но свойственный имъ *образъ разсматриванія природы и ея изображенія*. Поэзія древнихъ оригинальная, чувственная, несопряженная ни съ какими посторонними видами; поэзія новыхъ подражательная, занимающая размышленія, со-

пряженная съ видами поспороннимй. Древнїе вообще не имбли учености; свѣденїя свои заимствовали они опѣ самой природы, или въ обращенїи съ людьми, и всѣ сїи свѣденїя были произведенїемъ собственнаго разсмаприванїя, собственной опытности. Гомерѣ, Пиндарѣ и Есхилѣ, говоря съ народомъ, сообщаютъ ему только то, что они сами чувствовали, видѣли, замѣтили — *собственные* понятїя, *собственные* ошкрышїя, *собственные* свѣденїя, и все епо украшаютъ они пою формою, копорую, независимо опѣ другихъ, сами въ себѣ для выраженїя мыслей и чувствъ своихъ обрѣтаютъ! Нѣтъ образца, копорый бы руководствовалъ ихъ на избранной ими дорогѣ; но они и не имбютъ въ немъ нужды: предметъ для стихотворства находятъ они въ свѣтѣ, а къ пою формѣ, копорая наиболее прилична ему, приводятъ ихъ не примѣръ и не умозрнїе крипики, но собственный гений, но самое свойство предмета ихъ бывшъ такъ или иначе изображеннымъ, и ипѣ же самые способы, копорыми древнїе сохраняютъ свою оригинальность, служаиъ имъ и для приобрѣненїя того характера *чувственности*, копорымъ наиболее они отличаютъся. Кпѣ болѣе разсмаприваетъ, нежели размышляетъ, болѣе занимается сосавомъ, нежели раздробленїемъ предметовъ, шопѣ безъ сомнѣнїя не проникаетъ во внутреннѣ

ность въ сокровенныя качества вещей; за то поражающее чувство будетъ ему извѣстно въ подробности, и онъ представитъ его во всѣхъ отношеніяхъ и дѣйствіяхъ. Таковы стихотворныя произведенія древнихъ. Перемены годовыхъ временъ, восхожденіе и заходненіе небесныхъ свѣтилъ, свирѣпость бурнаго моря, ужасъ сраженія, бѣдствіе, причиняемое болѣзнями и моромъ — вотъ предметы, изображаемые ими съ удивительнымъ совершенствомъ. И къ человеку приближены они были гораздо болѣе какъ образомъ жизни, такъ и отношеніями общешипія, которое не было ограничено пѣснями предѣлами сословія и степеней гражданскихъ: слѣдовательно они имѣли и болѣе возможности изображать не только общее всему человечеству — спраши, чувства и дѣйствія ихъ — но такъ же и то, что принадлежало къ классамъ отдѣльнымъ, которыхъ всѣ отношенія были знакомы имъ по собственному разсуживанію, а потому и представляемы ими съ тою вѣрностію и выразительностію, которыя составляютъ особенный характеръ ихъ поэзіи. Наконецъ древніе стихотворствовали всегда по нѣкоторому особенному *любужденію*. Религія, народныя игры и праздники воспламеняли вдохновеніе стихотворца, и въ нихъ обрѣталъ онъ предметы для пѣсней. Рапсодія Гомеровы не бы-

ли читаемы, но ихъ слушали на пиршествахъ и соборищахъ поржеспвенныхъ. Альцей своею лирою столь же служилъ опечеспву какъ и оружіемъ. Гимны Пиндаровы гремѣли въ Олимпіи, въ Дельфахъ, на играхъ Испмійскихъ и Немейскихъ; а Есхиль и послѣдователи его посвятили музу свою пому божеспву, во славу копорого опправляемы были Діонисіи и Ленеи.

Спрашиваемъ: таковы ли опношенія поесповъ новыхъ? Мы начинаемъ обыкновенно съ чпенія древнихъ; ими наспавленные, подвигнушые, вдохновенные, мы слѣдуемъ подобоспраспно своимъ образцамъ и прилбпляемъ къ нимъ съ ученическою покорноспію. Формы, найденныя нами въ произведеніяхъ древнихъ, сохранили мы и въ своихъ; и способы выраженія, и шонъ, и механизмъ спиховъ, все заимспвовано нами опъ Грековъ и Римлянъ. Куда бы ни обратили мы глаза, вездъ представляющія намъ предметы чуждые, которые необходимо должны мы присвоить — или герои и боги, намъ неспринадлежащіе, или несвойспвенные намъ обычаи, или природа намъ незнакомая. Спихопворцы наши — не выключая и шѣхъ, копорые опличаются характеромъ собспвеннымъ — болѣе или мене, въ шомъ или другомъ, показывающъ, что они обязаны въкопорою частію образованія своего или Римлянамъ, или Грекамъ.

И не одна упрата оригинальности была послѣдствіемъ ешаго образованія. Ученосль нашихъ поетовъ, и знаніе о вещахъ, почерпаемое не изъ собственнаго расмаприванія оныхъ, но по большей часпи изъ книгъ и посредствомъ изустнаго преданія, имѣеиъ особенное вліяніе на ихъ стихотворство и даеиъ ему направленіе совсѣмъ иное. Привыкнувъ заранѣе собственную спытность, собственное наблюденіе природы и челоѵка смѣшиваиъ съ опытноспію и наблюденіями чуждыми, они всегда въ опасноспи изображаиъ ихъ и непроспо и невѣрно; спараясь присвоииъ нѣкоторыя заимствованныя у другихъ идеи, они не рѣдко упускаюиъ изъ виду естественное и близкое, и гоняиъся за опдаленнымъ или сокрытымъ. Привыкнувъ заранѣе раздробляиъ предметы и пронцаиъ въ ихъ внушренность, они уменьшили въ себѣ способность приниматиъ впечатлѣнія виѣшнія, и всѣ изображенія ихъ, имѣя съ одной спороны преимущесство основательноспи, богатства и полноспы, съ другой не имѣюиъ ни чувспенной живоспи, ни поражающаго сходства. Все ешо происходииъ еше и отъ того, что мы приступаемъ къ работѣ не свободно, а болѣе руководспвуемые поссторонними видами и нуждою, и стихотворныя наши произведеиія вообще для читаиъеля, а не для слушаиъеля. Мы не хошимъ дѣйсшвоватиъ

на одно воображеніе, но въ то же время хспимъ занимашь и разсудокъ; мы рѣдко предлагаемъ мысль въ ея естественной простотѣ; мы украшаемъ ее и часно портимъ, желая обновить или сдѣлать блестящею; мы не стараемся избѣгать мистической темноты выраженія; мы часто ищемъ ее съ намбреніемъ, дабы и самыя выраженія сдѣлались чрезъ то привлекательнѣе; наконецъ мы болѣе работаемъ надъ мыслями, нежели надъ чувствами; спремимся болѣе къ привлекательному, нежели къ истинному; болѣе раздробляемъ частное, нежели заботимся о соспавѣ цѣлаго; болѣе изображаемъ внутреннее и духовное, нежели тѣлесное и видимое: и послѣ ешаго не покажешся удивительнымъ, что многія изъ новѣйшихъ драматическихъ сочиненій могутъ быть приятны въ одномъ только избранномъ обществѣ, а не на театрѣ, и что всѣ почти наши оды должны быть не пѣны передъ народомъ, а читаны въ кабинетѣ, на досугѣ и съ размышленіемъ.

Наконецъ пренья почка зрѣнія, съ которой намъ должно разсматривать древнихъ и новыхъ — *различіе въ дѣйствіи, тѣми и другими на насъ производимомъ.* „Первые — говорятъ Шиллеръ — прогають насъ простою, ввр-

нымъ изображеніемъ чувственнаго, живымъ представленіемъ воображенію нашему предметовъ; послѣдніе прогаюшъ насъ идеями.“ — Напура владычествуетъ Греческимъ стихопворствомъ, и вѣрное подражаніе существовавшему есць для него совершенство поэзіи. Въ картинахъ своихъ Грекъ изображаетъ не себя, не то что самъ онъ при разсматриваніи предмета чувствовалъ, замѣнилъ, мыслилъ; но вся его цѣль: заимствованное имъ изъ природы передать читателю своему или слушателю просно, непринужденно, и точно такимъ, каково оно было заимствовано — а сія свобода, живость и сила въ изображеніи и самое изображаемое дѣлаютъ привлекательнѣйшимъ. И впечатлѣніе, которое оспаетъ въ насъ послѣ какой-нибудь Греческой поэмы, имѣетъ характеръ особенный: съ ясною душою переходимъ мы изъ стихопворнаго міра въ жизни существенной и снова объемлемъ ее съ любовію. Имѣя даръ совершенно переселяясь въ предметъ свой и совершенно имъ наполняясь воображеніе наше, поэты сѣп, шакъ сказать, принуждаютъ насъ забываться, и мы на время пересщаемъ заботиться и о себѣ и о томъ, что насъ окружаетъ.

Напрошивъ воспішанникъ новыхъ временъ, для котораго поэзіи есць возвыше-

нїе существеннаго къ идеальному, или простое изображеніе идеальнаго, поипому уже замѣтно опдалается опѣ своихъ предшественниковъ, что онъ занимаетъ меня болѣе собою, нежели своимъ предметомъ. Спихопворецъ новѣйшій всегда изображаетъ предметы въ опношеніи къ самому себѣ: онъ не наполненъ имъ, не предаетъ себя ему совершенно; онъ пользуется имъ, дабы изобразить въ немъ себя, дабы чипашелю посредствомъ предмета своего предложить *собственные* наблюденія, мысли и чувства. Древній спихопворецъ невидимо владычествуетъ своимъ предметомъ и рѣдко показывается изъ шого облака, въ которомъ опѣ насъ шайпся; новый напрошивъ всегда въ виду, или весьма часто о себѣ напоминаетъ; за то и дѣйствуетъ онъ на насъ совсѣмъ иначе. Цѣль его занимаетъ наше размышленіе, и онъ занимаетъ насъ вообще гораздо болѣе, нежели спихопворецъ древній; за то обыкновенно оставляетъ насъ недовольными положеніемъ нашимъ; мы слѣдуемъ за нимъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ и возвращаемся нѣсколько упомянутыми изъ шой духовной обипели, въ которую завлечены были его воображеніемъ. А такое расположеніе не производитъ душевной ясности.

Опредѣливши главныя шочки зрѣнія, изъ которыхъ размашриваемы были въ на-

ше время древнѣе и новые стихопворцы, мы предлагаемъ себѣ два вопроса. Первый: имѣюшѣ ли древнѣе и новые что нибудь между собою общее, и въ чемъ именно состоитъ это общее? Второй: можно ли по чему нибудь основательно опредѣлить опличительное достоинство тѣхъ и другихъ?

Разсматриваніе внѣшней природы, живое изображеніе чувственнаго, всегдашнее усиленіе вниманія на предметъ изображаемый — таковы главные черты, составляющія характеръ древнихъ; глубокое прониканіе во внутренняго чловѣка, изображеніе мысленнаго, соединеніе обстоятельствъ постороннихъ съ предметомъ изображаемымъ — таковъ опличительный характеръ поетовъ новыхъ.

Стихопворецъ, принадлежащій къ такому народу, который образуетъ себя самъ, а не отъ другихъ заимствуетъ образованіе, находитъ лучшій предметъ для Музы своей въ жизни существенной; и въ окружающей его природѣ. Для чего искашь ему *внутри* себя того, что онъ *внѣ* себя находитъ, и для чего спремиться въ міръ *идеальный*, когда никто еще не прикасался къ *физическому*? И на самыя понжія отношенія и на самыя опдаленныя дѣйствія послѣдняго не нужно ему обра-

щашь вниманія; ибо еще и самое обыкновенное, не будучи украшено ни словомъ, ни разбромъ, для слушаемыхъ его совершенно ново. Все дѣло художника состоитъ единственно въ томъ, чтобы *смотреть* на предметы, взору его подлежащія, изображать ихъ съ возможною живостію; тогда творческое дарованіе его покажется чудеснымъ, а вдохновенныя пѣсни его будутъ имѣть силу очарованія. И въ самомъ дѣлѣ, чего недостаетъ ему, дабы съ одной стороны понравиться своимъ современникамъ, а съ другой заслужить и одобреніе вѣковъ грядущихъ? Для первыхъ пѣсни его будутъ пріятны по своей ясности, соотвѣтствующей намѣренію наставлять и дѣйствовать на чувства; послѣдніе будутъ плѣняться его неискусственной простотою, которая всегда съ ясностію неразлучна. Первые будутъ приведены въ восхищеніе и чувствами и картинами, для нихъ еще новыми и съ счастливою живостію изображенными; послѣдніе будутъ поражены силою и вѣрностію оригинальнаго изображенія. Наконецъ для первыхъ пріятна будетъ обширность и полнота картины, объемлющей малѣйшія обстоятельства и части; а послѣдніе будутъ превозносить въ стихотворцѣ способность переселяясь въ предметъ, владѣть имъ и никогда не отклонять отъ него вниманія.

Такова должна бысть поезія у народа, независящаго отъ другихъ своимъ образованіемъ, и находящагося еще въ младенческомъ возрастѣ чувственности, когда и потребности и занятія привязываютъ его къ одной наатурѣ, отдаляя отъ умствования философіи, когда стихотворцы не составляютъ особеннаго класса людей праздныхъ, а напротивъ принадлежатъ къ самымъ полезнымъ, имѣя священную должность наставниковъ и важное званіе провозгласителей славы народной, и наконецъ когда поезія есть голосъ и даръ природы. Но стихотворецъ повиненъ совсѣмъ другому направленію, когда науки и знанія уже разпространились, когда вниманіе отъ внѣшняго обратилось на внутреннее, когда увеличилась сумма наблюденій и опытовъ умственныхъ, и когда наконецъ всѣ предметы, поражающіе одни только чувства, исчерпаны уже стихотворцами — въ семъ періодѣ поезія пишется мыслями, которыми дашъ и цвѣтъ и образъ. Она заимствуетъ изъ міра духовнаго тѣ предметы, которые для человека необразованнаго или совсѣмъ не привлекательны, или кажутся просто вещественными, а для образованнаго напротивъ имѣютъ особенную прелесть; она устремляетъ взоръ свой на высшее опредѣленіе человека, которому подчиняетъ низшее,

земное; увеселяя воображеніе картинами, она занимается въ особенноти разсудокъ и сердце; а чрезъ то и самыя картины ея дѣлаются прелестнѣе; представляя въ изображаемыхъ ею спрасяхъ причины дѣйствій, она въ то же время раздробляетъ и самыя спрасы, а проникая во глубину души, обнаруживаетъ всѣ ея тайны; наконецъ, изображая предметы чувственныя, она не довольствуется тѣмъ, что съ перваго взгляда на ихъ поверхности представляется; она замѣчаетъ и самыя легкія черты и самыя нѣжныя ихъ опшнкі. Соединимъ въ немногихъ словахъ все сказанное выше: въ поезіи древнихъ предметъ владычествуетъ стихопворецъ; въ поезіи новыхъ мѣсто предмета по большей части заступаютъ самъ стихопворецъ. Первая занимается болѣе природою вещественною, послѣдняя болѣе духовною; первая не ищетъ въ постороннемъ ничего такого, что бы могло предметъ ея сдѣлать привлекательнымъ, но все находитъ въ самомъ предметъ; послѣдняя присоединяетъ къ нему и постороннее — чувство, идею; первая; наконецъ, представляетъ намъ предметъ свой такимъ, каковъ онъ есть; а послѣдняя представляетъ намъ по большей части одни размышленія о предметъ и дѣйствіяхъ, имъ производимыхъ.

Второй вопрос: по симъ различіямъ, которыя нами замѣчены между стихопворцами древними и новѣйшими, можно ли опредѣлить и достоинства и преимущества тѣхъ и другихъ?

Но предлагающіе ещѣ вопросъ могутъ имѣть передъ глазами различныя точки зрѣнія. Или они желаютъ знать, равняемся ли мы съ древними въ техническомъ совершенствѣ произведеній стихопворныхъ? или, можемъ ли съ ними сравниться оригинальностію? или наконецъ, въ выборѣ и обработываніи стихопворнаго предмета не склоняемся ли мы съ насмѣхающаго пуши, переселяясь въ мысленный мѣръ и занимая ошъ посторонняго прелестъ для нашихъ предметовъ?

Неоспоримо, что между всѣми совершенствами стихопворными совершенства техническія суть такія, къ которымъ и скорѣе и легче можно достигнуть, ибо они, шая сказаны, приобретаемыя. Разсма- шривая съ етой спороны стихопворенія древнихъ, находимъ, что между Греками совершенство по слогу и расположенію принадлежитъ прагедіямъ Софокловымъ (ибо Иліаду въ наше время не лзя уже принимать за цѣлое), а между Римлянами *Енеидъ*, *Георгикамъ* и одамъ *Горація* —

вброятно, что вмѣстѣ съ Гораціемъ могли бы мы наименовать Альция и Сафу, а вмѣстѣ съ Софокломъ Менандра; но ихъ стихопворенія для насъ не существуютъ. Между новѣйшими просвѣщенными народами нѣтъ ни одного, который бы не имѣлъ эпической поемы — но безпристрастіе заставляетъ насъ признаться, что Енеида при всѣхъ недостаткахъ, замѣченныхъ въ ея планѣ, превосходитъ всѣ другія стихопворенія въ епомѣ родѣ гармонією и пѣснымъ соединеніемъ отдѣльныхъ частей. Наименуемъ важнѣйшія: *Аріостовъ Роландъ*, *Освобожденный Иерусалимъ*, *Полерянный рай*, *Мессіада* — поемы сіи могутъ быть въ нѣкоторыхъ частяхъ превосходить Енеиду; но всѣ онѣ уступаютъ ей въ цѣломъ. Георгіи ближе къ совершенству, нежели Енеида, и ни одна изъ новѣйшихъ дидактическихъ поемъ не можетъ по формѣ своей съ ними сравниться. Если же не сравнивать роды и говорить объ одномъ совершенствѣ общемъ; то нѣтъ сомнѣнія, что и новѣйшіе въ нѣкоторыхъ стихопвореніяхъ своихъ соединяютъ совершенство техническое съ геніемъ стихопворнымъ; на примѣръ, въ повѣствовательной поэзіи Буаловъ *Налей*, Виландова *Музаріонъ* и большая часть Лафонтеневыхъ басенъ, а въ драматической Расинова *Авдлія*, Лессинговъ *Наванъ* и Гетева *Ифиге-*

нѣя, могутъ равняться съ превосходнѣйшими произведеніями Грековъ и Римлянъ. Еще менѣе должны мы опасаться сравненія нашихъ лириковъ съ древними. — „Голые планы нѣкоторыхъ Рамлеровыхъ одъ (говоритъ Гопшингеръ, совсѣмъ непристрасный къ новымъ) заключающъ уже въ себѣ гораздо болѣе истиннаго стихотворнаго генія, нежели многія громкія лирическія пѣсни. Расположеніе большей части лириковъ нашихъ есть проза; но въ Рамлерѣ первая мысль нерѣдко есть уже поезія. Въ первыхъ блистающъ нѣкоторыя отдѣльныя красоты: сначала онѣ ослѣпляютъ, но мы охлаждаемся отъ разсмащиванія: таково дѣйствіе красоты неодушевленной. Рамлеръ изливаетъ невидимую прелесть на цѣлое, которое подобно красотѣ восхищительнаго, полного жизни лица, никогда не упомляетъ, напрочивъ при каждомъ новомъ разсмащиваніи кажется намъ прелестнѣе. И самыя отдѣльныя красоты его, пѣсно соединяющіяся съ общимъ планомъ, имѣютъ глубокой смыслъ, одушевляютъ цѣлое, и дѣйствуя на воображеніе, припятно занимающъ разсудокъ.“ — Похвала, справедливая со всѣхъ сторонъ; и мы не думаемъ, чтобы самъ Горацій, образецъ лириковъ, заслуживалъ большую. Вѣроятно, что вмѣстѣ съ Рамлеромъ не лзя будетъ наименовать намъ и трехъ лириковъ новаго времени,

копорымъ сѣя Гоппингерова похвала была бы прилична; шакже справедливо и то, что въ новой словесности весьма немного найдемъ такихъ произведеній, копорыя удовлетворили бы спругую крипику какъ формою, такъ и расположеніемъ частей! Но и между произведеніями древнихъ, не большая ли часть удивляють насъ какъ памятники высокаго духа, а не какъ образцы совершеннаго вкуса; на примѣрѣ и самъ Еврипидъ, если говоришь о совершенствахъ техническихъ, не долженъ ли быть исключенъ изъ числа спихотворцевъ образцовыхъ?

Со спороны оригинальности преимущество древнихъ передъ новыми оцущительнѣе. Обладаніе сокровищами словесности досталось намъ по наслѣдству. Пошли ли бы мы насюящимъ пушемъ своимъ, такъ ли бы работали свои предметы, какъ нынѣ, и наконецъ обрѣли ли бы упопреляемые нами формы, когда бы ни Греки, ни Римляне до насъ не существовали — въ епомъ можно по крайней мѣрѣ сомнѣваться. Конечно великіе подвиги героевъ, разительныя перемѣны судьбы, счастливая или несчастная любовь, пожертвованія великодушныя, опеченство, друзья, родшвенныя узы во всякое время, во всякомъ климатѣ дѣйствовали на человѣческое сердце, и не одни Греки описывали въ спихахъ происшествія,

заключали дѣйствія въ разговорѣ, и выражали въ пѣсняхъ лирическихъ сильныя чувства: Оссѣанъ, Давыдъ, Калидасъ, писали поемы, драмы и оды, и не были ими руководствуемы. Но такъ же неоспоримо и то, что нашею образованностию мы много обязаны древнимъ, что мы заимствовали отъ нихъ всѣ свои формы, и что самый механизмъ стиховъ ихъ у индопоровъ изъ новыхъ народовъ, на примѣрѣ у Нѣмцовъ, введенъ въ употребленіе. Куда ни обратимъ глаза, вездѣ новая поэзія представляешь намъ воспоминанія о религіи, нравахъ и образѣ жизни древнихъ; наши эпическія поемы, драмы и оды расположены по ихъ планамъ, и всѣ наши изображенія ознаменованы ихъ печатью. Кто же осмѣлился утверждать, что все это было бы почти такимъ и тогда, когда бы древніе не послужили для насъ образцами? И не приличнѣе ли намъ будетъ уступить имъ право оригинальности — пожертвованіе, въ прочемъ ни мало для насъ не унизительное?

И въ самой вещи, что мы теряемъ? Не уже ли слава оригинальности поэтической должна быть необходимо соединена со внѣшней формою, съ сохраненіемъ древней мѣлодіи, кою, надобно замѣтить, не всѣ новые стихотворцы пользовались, и съ механизмомъ стиховъ, который не всѣ во-

обще упопреляютъ? и ниже ли геній Шекспировъ единственно опъ того, что древніе научили его искусству располагать и связывать свои драмы? Тѣнь, выводимая имъ на сцену въ Гамлетѣ, уже ли не будетъ его собственностію только потому, что древній Есхиль, котораго онъ вѣроятно не читалъ и въ переводѣ, показалъ Даріеву тѣнь на Аѳинскомъ театрѣ? И менѣ ли былъ бы отличенъ опъ всѣхъ другихъ стихотворцевъ Россіанъ, когда бы въ меланхолическихъ пѣсняхъ своихъ упопрелялъ онъ Греческую мѣру? Оригинальность генія стихотворнаго заключающъ въ томъ, какъ смотришь онъ на природу, какъ превращаетъ въ эстетическую идею получаемое имъ впечатлѣніе, и наконецъ какими способами впечатлѣніе сіе сообщаетъ — и такое качество не можетъ быть никогда заимственнымъ; оно зависить нѣкопорымъ образомъ опъ обстоятельствъ случайныхъ, но никогда не бываетъ на нихъ основано. Быстрога, съ какою разцвѣла поэзія Грековъ, и ихъ успѣхи во многихъ родахъ стихотворства, заславляющъ философа думать — и мнѣніе его подтверждаетъ исторія — что обстоятельство необыкновенно счастливыя способствовали имъ коротко познакомиться съ природою и живо принимать ея впечатлѣнія, и впечатлѣнія сіи выражать съ соотвѣш-

спвующею имъ силою. Но если сїи обспояшельства помогли имъ овладѣшь безчисленнымъ множествомъ спихотворныхъ красотъ природы; то слѣдуетъ ли изъ сего, чтобы природа, споль изобильная красочами, для насъ испощилась? Умъ чловѣческой созданъ споль чудесно, что природа безпреспанно изображается въ зеркалѣ его новою — замѣшимъ здѣсь также и то, что образы и явленія природы не одни и шѣ же въ различныхъ климапахъ, и что сѣ измѣненіемъ обспояшельствѣ общежитія измѣняются для поэта и самыя предметы. Какое богатство новыхъ описаній, сравненій, картинъ и мыслей въ Клопштокѣ и Мильшонѣ! А Геснеръ и Фоссъ не болѣе ли прелестней открыли въ природѣ, нежели Теокрытъ и Виргилій? Какое разнообразіе характеровъ въ нашихъ драматическихъ спихотворцахъ, и сколько прекрасныхъ положеній извлекли наши поэты изъ той романической любви, которая родилась во времена рыцарства, и отъ нихъ доспалась намъ въ наслѣдство! И вообще не болѣе ли древнихъ внуспренней чловѣкъ намъ извѣспенъ? Сколь же много обязаны мы етому знанію! Сокровища, которыми оно обогатило насъ, были невѣдомы ни Грекамъ, ни Римлянамъ: они показали бы имъ новооткрытыми, когда

бы сѣи народы вдругъ послѣ насъ могли явиться.

Но можешъ бышь мы имъ уступаемъ пошому именно, что болѣе нежели должно опдаляемъ отъ чувственнаго міра, и ищимся переселишь себя въ мысленный, въ кошоромъ окружающъ насъ идеалы; бышь можешъ, что наша поезія особенно пошому должна уступать въ превосходствѣ древней, что она слишкомъ глубоко проникаешъ въ отношенія природы и жизни, и слишкомъ близка къ обшпеламъ духовнаго, невидимаго, неподлежащаго чувствамъ; наконецъ изъ сего можешъ бышь происнекаетъ и то, что она, въ сравненіи съ поезією древнихъ, слишкомъ мало опредѣленныхъ образовъ предспавляетъ воображенію — недоспапокъ, кошорый спараетъ замѣнитъ заимственою, но красотѣ совершенно чуждою приманкою мысли и чувства.

Въ возраженіе на все ешо можно сказать, что и древніе не совсѣмъ чисты въ изображеніяхъ своихъ отъ примѣси пошпороннаго. Рѣчи, кошорыя Еврипидъ влагаешъ въ уста нѣкошорымъ изъ своихъ героевъ, часшо ни мало не соотвѣтспивуютъ ихъ положенію: ешо увѣряешъ насъ, что спикосворецъ хотѣлъ дѣйствовашъ на слушающаго своего и шакими способами, кошп-

рые совершенно чужды его предмету. Тотъ же недоспаховъ замѣчаемъ мы въ одахъ и въ посланіяхъ Горация. Слѣдовательно черта, которую провели нѣкоторые между древними и новыми, едва ли можетъ быть причисляема довольно опредѣленною. Но мы спрашивали: можно ли изъ тѣхъ различій, которые замѣтны между способами древнихъ и новыхъ поетовъ, опредѣлить рѣшительно, которыми изъ нихъ принадлежитъ превосходство? Скажемъ въ немногихъ словахъ: и тѣ и другіе имѣютъ недоспахи и совершенства своего вѣка. Древніе стихотворцы изображаютъ сильно и рѣзко, имѣютъ привлекательную простоту, и представляющъ воображенію формы опредѣленныя; но онѣ холодны для чувства и не удовлетворительны для разсудка. Новые свободнѣе въ формахъ своихъ, роскошнѣе въ смѣси красокъ, и не съ довольною опредѣленностію изображаютъ предметы; за то они чувствуютъ глубже и заставляютъ болѣе дѣйствовать разсудокъ. Весьма было бы прудно въ произведеніяхъ древности опредѣлить красоту стихотворную отъ той случайной прелести, которую онѣ имѣютъ для насъ, какъ памятники вѣковъ минувшихъ; и столь же было бы прудно въ произведеніяхъ новаго времени опредѣлить красоту, происходящую изъ самаго предмета, отъ той посторонней

прелести, которую стихотворецъ изъ самаго себя извлекаетъ. Кто восхищался простотою и вѣрностію изображеній Гомера; пошъ безъ сомнѣнія не скоро повѣритъ, чтобы сїи качества недалеко были отъ сухости; а почиатели Мессіады едва ли согласаясь, что идеальныя красныя Клопшпока не совсѣмъ замѣняютъ пошъ недостатковъ опредѣленности, который замѣненъ въ его стихотворныхъ картинахъ.

Ж.

III. С М Ъ С Ъ.

Отрывокъ изъ Свѣтскаго Калихизиса.

Вопросъ. Что есть дружба?

Отвѣтъ. Дружба есть слово, состоящее изъ шести буквъ или изъ двухъ слоговъ.

В. Къ чему служитъ дружба, состоя изъ шести буквъ или изъ двухъ слоговъ?

О. Въ стихахъ она служитъ богатою рифмою къ слову служба; въ прозѣ иногда употребляется она весьма удачно въ письмахъ, которыя очень красиво оканчиваются увѣреніемъ въ дружбѣ.

В. Нѣтъ ли еще другаго опредѣленія для слова дружба ?

О. Иравоучители называютъ ее чувствомъ благосклонности между честными людьми, основаннымъ на взаимныхъ отношеніяхъ, на уваженіи и проч. Но сіе опредѣленіе, по мнѣнію опытныхъ людей, годится для проспячковъ и для учениковъ рипорика.

В. Дружбою возлагается ли какая-либо обязанность на тѣхъ людей, которые на словахъ и на письмѣ часто объ ней упоминаютъ ?

О. Совсѣмъ никакой; она даже не препятствуетъ смертельно ненавидѣть друзей и при удобномъ случаѣ дѣлать имъ всякія пакости.

В. Вообще какихъ людей можно называть друзьями ?

О. Другомъ называть можешь, и очень къ спашу, человекъ, котораго ты разорилъ, выигравши у него все имѣніе; того, котораго ты ссудилъ деньгами за тридцать процентовъ; а особливо того, чью супругу удалось тебѣ совратить съ пуши добродѣтели.

В. Нѣтъ ли еще такихъ, коимъ было бы равнымъ образомъ прилично названіе друга ?

О. Порядочной человекъ, ежели не хочетъ скрывать доброты своего сердца, обязанъ всѣхъ дворовыхъ людей своихъ называть друзьями, хотя бы не давалъ имъ ни жалованья, ни мѣсячины.

В. Что надобно думать о двухъ женщинахъ, взаимно одна другую увѣряющихъ въ искренней дружбѣ ?

О. Надобно думать, что онѣ потчасъ послѣ искреннихъ увѣреній въ дружбѣ готовы одна другой вдѣпиться въ волосы; епо

сказано о пѣхъ женщинахъ, которыя не говорятъ по французски, и неимѣють понятія ни о спазмахъ, ни о мигреняхъ, ни о модныхъ лавкахъ; чтожь касается до благовоспитанныхъ дамъ, то онѣ только ругаютъ заочно коронныхъ своихъ приятельницъ, и рассказываютъ объ нихъ забавные анекдоты собственнаго своего изобрѣшенія.

В. Какъ называются пѣ существа, которыхъ обязанъ любить истинный послѣдователь Французскихъ философовъ осмнадцатаго вѣка?

О. Истинный послѣдователь Французскихъ философовъ осмнадцатаго столѣтїа долженъ исключительно любить всѣхъ Дикихъ, Негровъ, Альбиносовъ, Папагоновъ.

В. Гдѣ особенно прославляется святая дружба?

О. На Театрахъ, въ трагедїяхъ и въ операхъ. Тамъ описываютъ и воспѣваютъ ее прекрасными стихами; тамъ Орестъ и Пиладъ часто спорятъ, кому изъ нихъ умереть должно.

В. Бываютъ ли въ нынѣшнее время примѣры такой дружды, какая была между Орестомъ и Пиладомъ?

О. Орестъ и Пиладъ въ наше время прослыли бы глупцами. И на театрѣ они кажутся сносными единственно по хорошимъ рифмамъ и по гармонїи.

В. Что есть чувствительность?

О. Прежде чувствительность была способность или произвольное расположеніе души къ жалости и состраданію, нѣкоторая удобность къ воспрїятію разныхъ впечатлѣній. . . .

В. Чѣмъ отличаетъ нынѣшняя чувствительность отъ прежней?

О. Въ наше время чувствительность доведена до послѣдняго совершенства; она сдѣлалась искусствомъ, посредствомъ коего женщины умѣютъ казаться пригоуже и любезнѣе.

В. Въ чемъ состоитъ сіе искусство?

О. Оно состоитъ въ умѣньи прилично разнѣжиться при постороннихъ людяхъ, когда ктонибудь рассказываетъ о несчастномъ приключеніи; въ извѣявленіи жалости къ бѣднымъ, распянувшись на покойныхъ креслахъ; въ умилительныхъ восклицаніяхъ о судьбѣ страждущаго человѣчества, сидя за жирнымъ обѣдомъ.

В. Назовите мнѣ тѣ существа, о коихъ обыкновеніе велишь заботиться со всею нѣжностію?

О. Собачки, кошки и канарейки.

В. Что нужно для того, дабы чувствительность сдѣлалась полною и совершенною?

О. Чувствительность бываетъ совершенною, когда съ нею соединена частичка меланхоліи.

В. Что есть меланхолія?

О. Меланхолія есть печаль новаго изобрѣшенія, неизвѣстная людямъ занятымъ должностію или какимъ-либо полезнымъ упражненіемъ.

В. Гдѣ наиболее порожествуютъ чувствительность и меланхолія?

О. Въ нѣкоторыхъ сказочкахъ, спихахъ и путешествіяхъ.

В. Что есть истина?

О. Старая богиня, съ древнихъ лѣтъ сидящая на днѣ колодезя, откуда озаряетъ она людей своимъ свѣтомъ.

В. Люди, озаряемые истиною, всегда ли хорошо видятъ?

О. Нѣтъ; и для того, подобно слѣпцамъ, они всегда принуждены бывающъ искать дороги ощупью.

В. Какіе люди выдающъ себя за ревностныхъ почиташелей истины?

О. Тѣ, которые далѣе другихъ отъ нее уклонились, и которые погразили въ предразсудкахъ. Ф.

Воспочныя мысли.

Заботливые люди раздѣляются на два класса: одни ищущъ, неумѣя найти; другіе находятъ, неумѣя наслаждаться.

*

Тайна моя рабыня; освобождаясь, она сдѣлалась бы моею госпожею.

*

И самыя малыя дѣла бывающъ сперва трудными, а потомъ уже легкими.

*

Терпѣніе есть ключъ отъ всѣхъ дверей и лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней.

*

Жеманная женщина подобна пѣни, которая вездѣ съ тобою: бѣжишь за нею, она уходитъ впередъ; бѣжишь отъ нее, она слѣдуетъ за тобою.

П о с л о в и ц ь.

И т а л і я н с к і я.

Тебѣ очень хорошо; знай, что можешь
быть еще лучше: тебѣ очень худо; знай,
что можешь быть еще хуже.

Въ телегѣ самое худое колесо то, кошо-
рое болѣе производитъ скрипу и спугу.

Злой человекѣ походитѣ на уголь: ежели
не обожжешъ себя, такѣ очернишъ.

Серебряный молотѣ сокрушаетѣ желѣз-
ныя двери.

Кшо хочешъ нажиться въ одинѣ годѣ;
тошъ спановишся доспойнымѣ висѣлицы че-
резѣ полгода.

И с л а н с к і я.

Вошъ наилучшая молишва: Боже, сохра-
ни меня отѣ меня самаго!

Когда несчастіе спишъ, не буди его.

Будь нѣмѣ, когда ты далѣ; говори, ко-
гда получилѣ.

Сокройся на часѣ отѣ человекѣ сердша-
го, и убѣгай всегда пришворнаго.

Три *много* и три *мало* пагубны для человека: много говоришь и мало знаешь; много издерживаешь и мало имѣешь; много думаешь о себѣ и мало значишь.

Англійскія.

Богъ не построилъ для насъ моста, однакожъ далъ намъ руки.

*

Ежели любишь жизнь, то неперяй напрасно времени; ибо жизнь и время есть одно и то же.

*

Покупая излишнее, скоро спанешь продавать необходимое.

Московскія записки.

Театръ. Нынѣшній мѣсяцъ былъ очень обиленъ хорошими представленіями. Перо нашего наблюдателя утомилось бы, описывая подробно всѣ новыя трагедіи, комедіи и балеты, данныя въ столь короткое время. О нѣкоторыхъ спектакляхъ онъ сообщилъ намъ свои замѣчанія, кои здѣсь и помѣщаются съ наблюдениемъ обыкновеннаго хронологическаго порядка.

Января 12, для бенефиса г-жи Колосовой, комедія *Урокъ дочкамъ* соч. г-на Крылова, комедія *Женихи* соч. г-на Иванова, каждая въ одномъ актѣ, и *Рауль Синяя борода* балетъ въ 3 актахъ. — Строгіе нравоучители нево-

оружались бы противъ зрѣлицъ, еслибъ зрѣлица всегда были примѣромъ благонравія и бичемъ пороковъ, дурныхъ привычекъ, странностей и предрасудковъ. Комедія *Урокъ дочкамъ* написана съ добрымъ намѣреніемъ осмѣять сумазбродное приспращіе къ болшанью на Французскомъ языкѣ, и показашъ, что вмѣстѣ съ симъ приспращіемъ вкореняется вредная привязанность къ иностраннымъ бездѣлкамъ, ошвращеніе отъ полезныхъ занятій и предосудительное уваженіе къ обманщикамъ и побродягамъ; между тѣмъ какъ вся выгода отъ сего болшанья состоитъ едва ли не въ томъ только, что благородныхъ дѣвицъ Русскихъ, воспитанныхъ мадами Григри, иногда въ модныхъ лавкахъ почитаютъ за природныхъ Франуженокъ, какъ по и случилось съ Феклою Ивановною и Лукерьею Ивановною, героинями комедіи. Плущу Сенькѣ стоило только назваться Французомъ, чтобы удостоиться отличной ихъ благосклонности! Все это на сценѣ очень смѣшно, а еще болѣе въ обществѣ. Но осмѣяніе одно тутъ едва ли поможетъ. Чего надѣялся, когда ни *Фоузъ-Визинъ* ни *Княжнинъ* до конца неистребили пагубной голломаніи! Это гидра, у которой безпрестанно вырастаютъ новыя головы! — Въ другой комедіи чепыре жениха намѣрены жениться на богатой *Оленькѣ*; но имъ сказываютъ, что невѣста проиграла шажбу и лишилась всего своего имѣнія — и господу женихи *Цѣплялкинъ*, совѣтникъ, какихъ однако же теперь невидно, *Живодезовъ* англманъ, которой привезеннымъ въ бушылкахъ Англійскимъ воздухомъ удобрилъ Русской воздухъ и немногими чешвериками Англійской земли удобрилъ Русскую землю, и *Горлопа-*

новъ, псовой охотникъ, которой безпрестанно бредитъ объ русакахъ и задушевныхъ своихъ собакахъ, въ пужь минушу опкланялись; а повѣса *Быстрая*, гусарской офицеръ, любящій Оленьку не для шрехъ тысячь душъ ея, съ радостью соглашается жениться на ней и безъ имѣнія. Въ обѣихъ комедіяхъ представляла г-жа Колосова: въ первой *Дюкерью*, а во второй *Быстрая* гусарскаго офицера, и мы видѣли, что она могла бы сдѣлаться отличною актрисою, ежели бы не была превосходною танцовщицею. — Скажемъ напередъ что-нибудь о Французской Седеновой оперѣ *Рауль Синья борода*, изъ которой г. Валбергъ взялъ содержаніе для балета. По всему видно, что Седень недумалъ объ угожденіи прекрасному полу, выводя на сцену Изору, молодую красавицу, которая для головного убора и другихъ блестящихъ бездѣлокъ измѣняетъ нѣжному своему Вержи, и отдаетъ руку пожилому но богатому Раулю. Ешотъ Рауль умертвилъ уже шрехъ супругъ своихъ. Ему какъ-то предсказана была гибель отъ любопытства жены; для того онъ испытывалъ женъ своихъ, и въ наказаніе лишалъ ихъ жизни, надѣясь тѣмъ сохранить свою собственную. Изора, побуждаемая любопытствомъ, отпираетъ заповѣдную дверь кабинета и узнаетъ страшную тайну. Участіе зрителья направляется на Изору, между тѣмъ какъ зрителью извѣстно, что Изора въ шреница, и не умѣетъ удерживать ребяческихъ своихъ желаній. Вержи, другое главное лицо, неумнѣ Изоры. Ошказавшись отъ своей любовницы, онъ приходитъ къ ней въ замокъ перодѣтый въ женское платье; приходитъ тогда, какъ Изора вышла уже за Рауля, и для того чтобы непримичнымъ появленіемъ сво-

имъ еще болѣе ослабишь жалость зрителя о судьбѣ Изоры, дѣлая ее нарушительницею супружеской вѣрности. Въ Парижѣ съ самаго начала оуждали содержаніе сей оперы и только собирались смотрѣть игру г-жи Дюгазонъ, какой-то славной актрисы: такъ и у насъ Рауля никогда не наскутилъ бы зрителямъ, еслибъ только всякой разъ представляли въ семъ балетѣ г. Лефеврѣ Синюю бороду и г-жа Колосова Изору. Но г. Лефеврѣ давно уже оставилъ сцену, и въ нынѣшній разъ игралъ не по обязанности, а единственно изъ угожденія. Онъ заслуженный артистъ, рѣдкимъ талантомъ своимъ очень долго восхищавшій Петербургскую публику. Въ величественной осанкѣ его, въ важной поступи, въ удивительной игрѣ мускуловъ и шлодвиженій мы видѣли доказательство, что истинный талантъ иногда переживаетъ возрастъ и нестарѣется съ шломи. Ужасное положеніе Изоры представлено было г-жею Колосовою весьма разителью. Роль ея трудна; за то и болѣе славы искусству, когда преодолеваясь имъ великія трудности. Въ разсужденіи самаго балета замѣшимъ недосадки, копорыхъ сочинителю избѣжать было невозможно: Изора въ безпамятствѣ отъ ужаса выбѣгаетъ изъ заповѣднаго кабинета; но какъ узнаешь зритель, что она тамъ видѣла *жертвы тѣла трехъ женъ Рауля*? какими знаками увѣдомляешь онъ, что Османъ, пресарѣвый домоправитель Рауля, обѣщается перебросить письмо черезъ валъ посредствомъ самострѣла къ стоящему тамъ пажу, о копоромъ зритель ничего вѣдать не можетъ, не читавши программы? Извѣстно, что балетъ неимѣетъ тѣхъ пособій, копорыя

принадлежатъ драмбъ: и попому по для нб-
мой игры надобно выбиратьъ такія произше-
ствія, коихъ всб обспоятельствва могутъ
быть выражены посредствомъ видимыхъ зна-
ковъ и шблдвиженій.

*Января 16. Ипермнестра, новая тра-
гедія въ 5 актахъ, и драма Наслѣдство.*
Содержаніе *Ипермнестры* взято изъ басно-
словной Греческой Исторіи. Данай, Царь Ар-
госскій, прошивъ воли долженъ былъ пять-
десятъ дочерей своихъ выдать за своихъ
же племянниковъ, сыновей Египша, Царя
Египетскаго. Данаю предсказано оракуломъ,
что онъ убитъ будетъ своими зящьями; и
для того онъ приказалъ дочерямъ умершвишь
супруговъ ихъ въ первую ночь брака. Поупру
всб дочери явились къ ошцу своему съ голо-
вами несчастныхъ супруговъ, кромбъ только
одной *Ипермнестры*, которая пощадила
своего Линцея, и доставила ему способъ
укрыться. Послб онъ помирился съ Данаемъ,
а нбкошорые писатели говорятъ, что Линцей
лишилъ его престола. Всякой видишь, что
шакая ужасная, отвращительная исторія не
годится для театра. Сколько ни снарались
разные стихотворцы сдблать изъ нее сно-
сную прагедію, но всб пруды ихъ были щеще-
ны. Наконецъ Метаспазію удалось накинущъ
покрывало на убіеніе дбшей Египшовыхъ и
предспавишь только запруднительное по-
ложеніе юной *Ипермнестры*, въ сердцб коея
чувство нбжной любви супружеской борешся
съ должностію покорной дочери. Наша пра-
гедія переведена г-мъ Бисковатовымъ съ Фран-
цузскаго языка, на кошоромъ сочинилъ ее
Лемьеръ, шворецъ еще другой извбспной пра-

тедїи же *Вдова Малабарская*, умершій 1793 года въ Парижѣ. Лемьеръ любилъ мнѣня новыхъ философовъ, и почелъ неизлишнимъ приправить ими свою трагедію. Онъ представилъ Даная вольнодумцомъ. Набожной Данай, вѣрующій въ слова оракула, могъ бы рѣшиться на убійство Линцея для сохраненія собственной своей жизни, и тѣмъ никакъ не нарушилось бы правдоподобіе; но Данай презираетъ слова оракула, и пользуется ими единственно для погубленія дѣшей Египта, своихъ непріятелей; чрезъ то характеръ его становится нестерпимымъ на сценѣ, ибо зритель видитъ въ Данай кровожадное чудовище. Набожность украшаетъ женщину, покорность волѣ боговъ неразлучна съ крохотливостию нрава ея, и служитъ подпорою слабости ея пола. Но Лемьеръ, увлеченный духомъ своего времени, заславляетъ юную Ипермнестру велерѣчиво доказывать ничтожность злобствующихъ предзнаменованій, оцѣ копорыхъ ея вниманіе и безъ того могло бы отвлечено быти единственно желаніемъ и надеждою сочетаться съ любезнымъ Линцеемъ. Четвертой и пятой акты слишкомъ распянушы и служатъ какъ будто прибавленіемъ къ главному дѣйствію. У Метаспазія ходъ правильнѣе и окончаніе несравненно прогашельнѣе: Ипермнестра, забывая обиду свою, беретъ сторону отца, когда видитъ его въ опасности и когда Линцей съ мятежниками вторгается въ чертоги; Данай, смягченный покорностию дочери, мирится съ Линцеемъ, когда могъ бы наказати его. Лемьерову трагедію можно смотрѣти единственно для Ипермнестры; прочія лица очень мало важны.

Января 12. При случаѣ и нѣтъ бы-
 ваетъ лучше да, комедія въ двухъ актахъ,
 и Новая Героиня, или Женщина - козакъ,
 балетъ въ трехъ актахъ. Основаніе Комедіи
 взято изъ сказки г-на Карабанова *Нѣтъ* и
 прикрашено выписками изъ Оперы *Збитень-*
щикъ. Балетъ, какъ видно, счinenъ изъ ис-
 шиннаго или вымышленнаго произшествія,
 будто бы случившагося въ Пруссіи во время
 послѣдняго шамъ пребыванія войскъ Россій-
 скихъ. Ольга Г..., невѣсна козацкаго офи-
 цера Василя Храбрена, разлученная съ нимъ
 войною, переодѣвается въ козацкое платье,
 лешитъ въ армію къ нареченному своему су-
 пругу, и шамъ находитъ его; но прежде зна-
 комится она съ семействомъ заживочнаго
 мызника Гупмана, обороняетъ домъ его отъ
 разбойниковъ и проч. *Новая Героиня* сія
 очень походитъ на многихъ старыхъ, коихъ
 знаменитыя дѣянія подробно и достоверно
 описаны въ разныхъ романахъ. Главное досто-
 инство балета состоитъ въ новости его и
 въ шандахъ, коими пакъ приятно забавля-
 ютъ насъ Петербургскіе гости.

Января 19. *Девора, новая трагедія*
 въ 5 актахъ, въ стихахъ, съ хорами. Въ
 четвертой главѣ книги Судей Израилевыхъ
 кратко описано, какимъ образомъ Варакъ и
 Деввора избавили соплеменниковъ своихъ отъ
 Ханаанскаго ига. Пророчица Деввора, супруга
 Лафидоева, именемъ Божиимъ повелѣла Ва-
 раку собрать десять тысячъ мужей и идти
 съ ними къ горѣ Фавору, обѣщая ему побѣду
 надъ Сисарою, полководцемъ Іавина, Царя Ха-
 наанскаго. Варакъ соглашался исполнить волю
 пророчицы иначе, какъ чшобъ и она шла

кропивъ непріяшеля. „Иду съ тобою, сказала ему Деввора: но знай, что слава побѣды принадлежать будетъ не тебѣ; *пожеже въ руку женску предасть Господь Сисару.*“ Надѣ Ханаанами одержана совершенная побѣда; и самъ полководецъ, искавшій спасенія въ бѣгствѣ, убитъ Іаиллю, женью Хавера, у кошорой онъ чаялъ найши безопасное пристанище. Такимъ образомъ Варакъ и Деввора освободили Израильянъ послѣ двадцатилѣтняго ихъ порабощенія. Очевидно, съ какими шрудностями долженъ былъ бороться сочинитель, составляя планъ для трагедіи изъ такого произшесствія, кошорое не заключаетъ въ себѣ ничего прагического. Надлежало выдумать все главное дѣйствіе и воспользоваться одними только собственными именами. Судись о новой трагедіи, не имѣя передъ глазами книги, очень шрудно: легко можно себя и чипашеля ввести въ заблужденіе. И шакъ воздержимся, и скажемъ только, что во время предшавленія не лзя было не замѣшитъ множества превосходныхъ стиховъ и невосхищаться краснорѣчіемъ, почерпнушымъ изъ библейскаго языка.

Января 23, для бенефиса г-на Валберха, *Инеса де Кастро*, прагической балетъ въ 5 актахъ, и при немъ другой балетъ *Канрскій базаръ* и комедія *Урокъ мужьямъ*. Несчастная исторія *Инесы* доставила содержаніе Камоенсу для прекраснаго эпизода въ *Лузіадѣ*, а Ламопу для трагедіи, кошорую г. Валбергъ весьма удачно превратилъ въ пантомиму. Алфонсъ IV, Король Поршугальскій, вознамѣрился женить сына своего Донъ Педро на падчерицѣ своей Констансѣ, ничего не

зная о томъ, что Принцъ давно уже тайно былъ обвинчанъ съ Инесою де Каспро, фрейлиною Королевы Изабеллы, женщины злобной и мспительной. Принцу угрожающъ ужасными послѣдствіями, ежели онъ откажется отъ предлагаемаго брака. Тайна обнаруживается; несчастную Инесу заключающъ въ пещицу, и ей угрожаетъ смерть неизбѣжная. Донъ Педро забываетъ долгъ сына, присягу подданнаго и явно возмашъ противу Алфонса. Разгнѣванный Король опредѣляетъ смерть Дону Педро и уже приказываетъ вести его на казнь; какъ вдругъ Инеса падаетъ къ ногамъ государя съ двумя младенцами, невинными залогамъ шайнаго супружества ея съ Принцомъ. Голосъ природы вопіетъ въ сердца родителѣя; Алфонсъ прощаетъ сына своего и утверждаетъ бракъ его съ Инесою. Злобная Изабелла, почитая себя и дочь свою обиженными сею неудачею, притворно мирится съ Принцемъ и его супругою, которые въ самое время празднества и веселія умираютъ въ чрезвычайныхъ мукахъ — Изабелла оправила ихъ ядомъ. Пышность представленія придаетъ много красоты зрѣлищу; но главное достоинство его состоитъ въ прогательномъ содержаніи балета, въ свободномъ расположеніи частей и въ искусной игрѣ г-жи Колосовой. Настоящая Инеса не болѣе распрогала бы зрительей; многіе плакали отъ жалости.

Января 25. Говолія, новая прагедія въ 5 актахъ, съ хорами, въ стихахъ, изъ твореній *Расиня*. Расинъ сочинилъ для воспитанницъ Семъ-Сирскаго инспитута двѣ прагедіи: *Есфирь* и *Говолію*; обѣ взяты изъ Еврейской исторіи. Госпожѣ Меншенонъ было неприятно,

что молодыя дѣвицы представляютъ разныя трагедіи, какъ по *Цинну*, а особливо *Андрожилу*, гдѣ любовь слишкомъ живо изображается; и поному препоручила она Расину написать что-нибудь болѣе приличное возрасту и полу юныхъ воспитанницъ. Трагедія *Есфирь*, представленная дѣвицами въ присутствіи всего Двора, была совершенно одобрена. Но госпожѣ Меншенонъ излишнимъ казалось театральное великолѣпіе, къ которому нехотѣла она причащать юныхъ дѣвицъ, воспитываемыхъ въ правилахъ смиренія Христіанскаго и строгой нравственности. *Говолія* два раза представлена была въ Версалии передъ Королемъ и госпожею Меншенонъ просто въ комнатахъ безъ всякихъ театральныхъ украшеній, и даже въ обыкновенномъ платьѣ, которое воспитанницы носили въ инстинутѣ. Послѣ того сія трагедія оставалась забытою при дворѣ и почти неизвѣстною для публики; достоинство ея начали узнавать, лѣтъ двадцать спустя послѣ смерти Расина; за то нынѣ почищается она самою лучшею изъ всѣхъ Французскихъ трагедій. Стихотворецъ умѣлъ продолжить дѣйствіе до самой развязки безъ любви и безъ эпизодовъ. Содержаніе *Говоліи* взято изъ четвершой Книги Царствъ. Главное дѣло состоитъ въ томъ, что малолѣтній Іоасъ узнается и возводится на престолъ Іудейскій. Напомнимъ нѣкоторыя обстоятельство, предшествовавшія сему важному событію. Іорамъ Царь Іудейскій женился на Говоліи, дочери Ахава и Іезавели, царствовавшихъ во Израили, ненавистниковъ благочестія. Говолія вовлекла супруга своего въ идолопоклонство и даже построила въ Іерусалимѣ храмъ Ваалу, богу языческому. По смерти Іорама сынъ его Охозія, въ беззаконіи

подобный матери своей Гоэолии, царствовалъ только одинъ годъ, и былъ убитъ по повелѣнію Гоэолина брата Иуи Царя Израильскаго, котораго Богъ содѣлалъ орудіемъ праведной своей мести, и которой истребилъ все потомство нечестиваго Ахава. Гоэолиа съ своей стороны вознамѣрившись истребить родъ Давида, умертвила всѣхъ дѣшей Охозіи, своихъ внуковъ, кромѣ только Іоаса, котораго Іозавеевъ, жена первосвященника Іодая, успѣла избавить отъ смерти, и съ кормилицею его опадать подъ наблюденіе своему супругу. Юный Іоасъ воспитывался и жилъ во храмѣ шесть лѣтъ до самаго того дня, въ которой возведенъ на престолъ Іудейскій.

Января 28. Cendrillon, новая волшебная опера въ трехъ актахъ. Надобно сказать что-нибудь о сей опасной соперницѣ *Джънровской Русалки*, хотя здѣшніе Французскіе спектакли и не принадлежатъ собственно къ плану нашего Вѣстника. Можно ли умолчать о той славной оперѣ, которая въ Парижѣ съ Февраля мѣсяца прошлаго года имѣла болѣе семидесяти представлений; которая произвела множество подражательныхъ оперъ, и которая самую Моду приковала къ порожественной своей колесницѣ! ибо кому не извѣстно, что вышли въ свѣтъ башмаки à la Cendrillon, головные уборы à la Cendrillon, капоты à la Cendrillon, духи, припиранья и румяна à la Cendrillon, и даже завелись магазины à la Cendrillon! Порывшись въ своемъ архивѣ, и приискавши во Французскихъ журналахъ классическія мѣста о *Сандриллонѣ*, мы въ состояніи чисташелямъ своимъ сообщить нужнѣйшія свѣдѣнія о семъ достопамятномъ про-

изведеніи ума человѣческаго, Содержаніе взя-
шо изъ Перольшовой сказки, весьма извѣстной
во Франціи. У Барона Монтефіасконе есть двѣ
дочери, глупыя и гордыя, но любимыя оп-
цемъ своимъ чрезвычайно; у него же есть и
падчерица, дѣвушка весьма добрая, но прези-
раемая сестрами и ненавидимая вощимомъ.
Она живетъ въ домѣ какъ работница, слу-
житъ обѣимъ сестрамъ, стряпаешь у ками-
на, и безпрестанно сидитъ подлѣ огня, отъ
чего и названіе свое получила (*). Одинъ ве-
лемуудрый аспрологъ беретъ ее подъ свое по-
кровишельство, и посредствомъ волшебной
силы доставляетъ ей способъ выдти за мужъ
за Государя, кошорой искалъ себѣ невѣсты
по сердцу. Пышность зрѣлища въ одеждахъ
и декораціяхъ, прекрасная музыка, а осо-
бливо искусная игра актрисъ, лучшихъ пѣ-
вицъ на театрѣ *Комической оперы*, сдѣлали
оперу сію любимую въ Парижѣ. Здѣсь она была
дана также со всевозможнымъ великолѣпиемъ;
не смотря на то публика наша въ епохъ
разъ приняла ее равнодушно, и рукоплесканій
почти вовсе неслышно было, когда опусти-
лась занавѣсь.

Приятнымъ для себя долгомъ почитаемъ
обратить вниманіе ученыхъ нашихъ соотече-
ственниковъ на книгу господина О. Профес-
сора Буле: *Versuch einer kritischen Literatur der
Russischen Geschichte*, т. е. *Опытъ критиче-
ской Литтературы Россійской исторіи*.
Ни у одного народа, пишешь господинъ Соци-
нишель въ предисловіи, матеріалы для исторіи
его сполько не многоразличны и сполько

(*) Отъ слова *sendre* *зола*.

не разбросаны по разнымъ направлениамъ, какъ у Россійскаго; а особливо когда, безъ чего и обойтись невозможно, разсматривать происшествія шѣхъ племенъ, кои въ глубокой древности обитали въ странахъ, нынѣ состоящихъ подъ господствомъ Россіи. Кромѣ Греческихъ, Римскихъ и своихъ опечесшвенныхъ дѣписателей, Россійскій историкъ и изслѣдователь древностей обязанъ почерпнуть свѣдѣнія у Китайскихъ, Татарскихъ, Персидскихъ, Армянскихъ и Аравійскихъ, у Византійскихъ, Венгерскихъ, Лашинскихъ, Славянскихъ, Французскихъ, Скандинавскихъ, Нѣмецкихъ и Лешскихъ дѣписателей средняго вѣка; а для новѣйшихъ временъ онъ долженъ читать свои и чужестранныя путешествія, записки, разсужденія и собственно исторіи. Всѣ сіи источники и принадлежности означены авторомъ, приведены въ порядокъ, и гдѣ нужно объяснены критическими замѣчаніями. Въ первой Части заключается *Литтература всеобщей свѣрной исторіи, способствующая изученію исторіи Россійской*. Вторая Часть будетъ содержать въ себѣ *Литтературу Россійской исторіи до начала XVII вѣка*, а третья до *Абоискаго мира*. Книга сія посвящена Ея Императорскому Высочеству, Государынѣ Великой Княгинѣ ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ, соизволившей трудъ сочинителя еще въ рукописи удостоить Высочайшаго Своего вниманія. Желающіе имѣть Первую Часть, напечатанную въ типографіи Всеволожскаго, получить могутъ въ Университетской книжной лавкѣ, за 6 рубл. 10 коп. въ бумажномъ переплетѣ. Иногородные прилагаютъ въсовыхъ за три фунта.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Одинъ живущій въ Дрезденѣ художникъ выписалъ себѣ черезъ почту нѣкоторое количество *гремячаго* серебра, коего дѣйствія еще ужаснѣе нежели гремячаго золота. Приставы, собирающіе пошлину, захотѣли освидѣтельствовать ящичекъ. Хозяинъ всячески уговаривалъ ихъ не подвергаться столь очевидной опасности; но они смѣялись надъ его усердіемъ, и открыли ящичекъ. Въ ту минуту раздался страшный выстрѣлъ, какъ будто изъ пушки. У человѣка державшаго ящичекъ оторвало руки; а прочіе неустояли на ногахъ и получили раны.

*

Въ Богеміи недалеко отъ Праги случилось произшествіе несчастное и довольно странное. Нѣкоторой офицеръ, страстной любитель охоты, иногда хаживалъ стрѣляя въ одну прекрасную рощу. Лѣсничей напоминалъ ему, что въ этой рощѣ стрѣлять невелѣно; однакожъ офицеръ не слушался. Однажды послалъ онъ слугу своего за дичью; сынъ лѣсничаго, увидѣвши его, кричалъ, чтобы не ходилъ въ рощу: слуга заряжаетъ ружье, приближается и хочетъ выстрѣлить въ парня; но порохъ не вспыхнулъ, и парень пришедши отъ того въ ярость, убиваетъ слугу дубиною. Офицеръ, узнавши о произшествіи, беретъ ружье, бѣжитъ къ лѣсничему, находитъ сына его и убиваетъ однимъ выстрѣломъ. Отецъ въ бѣшенствѣ хватается за висѣвшій на стѣнѣ пистолетъ и въ ту же минуту повергаетъ офицера. Лѣсничій преданъ суду. Любопытные дожидаются приговора, желая знать, чѣмъ окончится сіе дѣло.

*

Въ новомъ цензурномъ уставѣ, изданномъ въ Вѣнѣ отъ Австрійскаго правительсва, предписывается цензорамъ строгаго наблюдать различіе между пѣмъ книгами и рукописями, въ которыхъ содержатся науки и высокая словесность, и между шестрадками и небольшими сочиненіями, заключающими въ себѣ единственно плоды воображенія: первыя не должны быть запрещаемы безъ причинъ самыхъ важныхъ. „Цензоры (такъ сказано далѣе въ уставѣ) обязаны со всевозможною строгостію разсматривать печатаемые шестрадки и книжки, сочиняемые для забавы, а особливо наблюдать, чтобы не выходили въ свѣтъ сочиненія, противныя вѣрѣ, благодѣлю и должностямъ гражданскимъ. Всего же болѣе обязаны они смотрѣть за романами, одобрять къ напечатанію только хорошіе, и останавливать вредныя для разума и сердца. Сочиненія пищическія равнымъ образомъ подвергаются строгаго разсмотрѣнію. Чтожъ касается до тѣхъ, въ которыхъ дѣло идетъ объ управленіи благого государства, или нѣкоторыхъ частей его; въ которыхъ показываются злоупотребленія и способы исправить ихъ; въ которыхъ предлагаются средства къ усовершенію; въ которыхъ разсматриваются минувшія произшествія: то безъ самыхъ побудительнѣйшихъ причинъ задерживать ихъ никакъ не должно, хотя бы правила и виды сочинителя несходны были съ правилами и видами правительсва. Требуется только, чтобы въ такихъ сочиненіяхъ наблюдаема была надлежащая скромность, и чтобы авторы воздерживались отъ всякихъ личностей, “ и проч.

IV. ПОЛИТИКА.

О Вагабисахъ.

Вагабисы, или *Вехабиты*, становящаяся значительною нацією на востокѣ. Нѣсколько лѣтъ они успрашали Аравиянѣ, Турковѣ и Персовѣ; а теперь по сосѣдству съ Персидскимъ заливомъ начинаютъ быть опасными и для Европейцовъ, именно же для Англичанѣ. Любопытно знать нѣкоторыя подробнѣйшія свѣдѣнія о семъ странномъ народѣ. Во Французскомъ Монитерѣ 1804 года помѣщено было первое историческое о немъ извѣстіе, напечатанное потомъ въ разныхъ Нѣмецкихъ журналахъ (*). Сочинитель, долго жившій въ Алеппо, имѣлъ случай собрать важнѣйшія свѣдѣнія о Вагабисахъ, а особливо чрезъ посредство одного маронита Діега Франга, очень хорошо знающаго восточные языки. Сверхъ того имѣлъ онъ непрерывную переписку съ Сиріею, Египтомъ, Дамаскомъ и Багдадомъ. Еще помогалъ ему нѣкто Ремондъ, офицеръ, служившій тогда при Пашѣ Алеппскомъ. Запасшись наилучшими матеріями, ше-

(*) Спашья о *Вагабисахъ* помѣщена была и въ Вѣстникѣ Европы, въ первыхъ книжкахъ 1805 года. *Изд.*

перъ напечаталъ онъ въ Парижѣ особо *Исторію Вагабисовъ отъ начала ихъ до конца 1800 года*. Изъ сей книги сообщается читателямъ извлеченіе.

Происхожденіе Вагабисовъ.

Іеменъ, южная часть Аравійскаго полуострова, съ древнѣйшихъ временъ обитаема была Бедуинами, и кочующими Аравитянами. Изъ сей страны вышли многолюдныя племена, господствующія нынѣ въ части Азіи и въ обширныхъ пустыняхъ сѣверной Африки. Она была опечесствомъ Магомета и другихъ славныхъ мужей, которые прославили имя и государство Аравитянъ.

Въ Іеменѣ возникла секта Вагабисовъ. Сіи нынѣ спрашныя Аравитяне существуютъ не болѣе полувѣка. Столь быстро усилившееся могущество ихъ служило залогомъ будущаго ихъ величія.

Невѣжество и безпечность Османовъ дѣлаютъ весьма сомнительными всѣ ихъ показанія. На востокѣ шому только вѣрнѣ можно, что видишь своими глазами. При шомъ же Вагабисы долго жили въ срединѣ Аравіи, отъ пречихъ странъ Азіи отдѣленной пустынями, которыя однимъ только имъ были знакомы. Ранняя исторія сихъ новыхъ людей помрачается дальностію и времени и мѣста. Препятства сіи и для Европейцовъ затруднительны, а на востокѣ они непреодолимы.

Начало Вагабисовъ безъ сомнѣнія относится ко временамъ новѣйшимъ; но трудно

съ точностію опредѣлить сію эпоху, а еще труднѣе дойти до причинъ, отъ которыхъ возникло ихъ начало. Народъ Аравійскій состоишь изъ множества племенъ различныхъ, которыя безпрестанно ссорятся и дерутся. Сраженія ихъ часто начинаются безъ всякой причины и обыкновенно оканчиваются безъ всякихъ послѣдствій. Симъ сраженіямъ Вагабисы отъ части одолжены своимъ началомъ; но болѣе надлежитъ оное приписывать вѣрѣ.

Первобытная вѣра Магометова искажена отъ многихъ, большею частію странныхъ толкователей Корана, надъ которыми въ разныхъ мѣстахъ воздвигнуты гробницы, прославленныя неплыми чудесами. Суевѣріе опредѣлило имъ мѣсто между людьми и единымъ Богомъ, котораго Магометъ проповѣдывалъ, и шѣмъ закрыло образъ единого Бога предъ очами нынѣшнихъ его почитателей.

Основанный на сей вѣрѣ деспотическій образъ правленія производить весьма пагубныя дѣйствія въ земляхъ, въ которыя вторглись Вагабисы. Исповѣданіе ихъ вѣры общало полезную реформу богопочитанія. Народъ, почти всегда недовольный настоящимъ своимъ состояніемъ, думалъ, что Вагабисы прекращаютъ его бѣдствія, и вмѣсто того испыталъ еще большія. Вагабисы ненавидятъ удовольствій роскоши. Торговля и ремесла для нихъ нестерпимы. Они почитаютъ язычество злодѣяніемъ, и наказываютъ оное смертію. Мусульмане по ихъ мнѣнію суть язычники, пошому что Богу даютъ товарища. Симъ духомъ гоненія отличаются вообще всѣ ихъ военныя дѣйствія.

Вагабисы почитаютъ основателемъ секты своей нѣкопорого шейка *Мугамеда*, сына *Абдель-Вагабова*, внука *Солиманова*, лѣтъ за пятьдесятъ передъ симъ жившаго. Преданія гласятъ, что Солиманъ былъ бѣдной Арабъ изъ племени Негеди, тогда малозначительнаго. Ему однажды приснилось ночью, будто изъ тѣла его выходилъ пламя, которое распространяясь, пожирало на пупи своемъ шапры и въ городахъ жилища. Солиманъ, пробужденный симъ сновидѣніемъ, просилъ шейковъ своего племени исполковать оное; и ему объявлено было счастливое предзнаменованіе: шейки сказали, что сынъ его будетъ основателемъ новой секты, обратитъ къ ней пустынныхъ Аравіянъ, и покоритъ города и села. Сонъ исполнился, однакожь не на сынъ его Абдель-Вагабъ, а на внукъ шейкѣ Мугамедъ.

Ешотъ Мугамедъ началъ тѣмъ, что старался ввести въ употребленіе вѣрной переводъ Корана. Книга сія сама собою, только съ содержащимся въ ней ученіемъ, непричастная мнѣніямъ позднѣйшихъ истолкователей, такая какою она преподана отъ Бога Магомешу, въ первобытной простотѣ своей, служила основаніемъ исправляемой вѣры. Слѣдовательно Мугамедъ не заводилъ никакой новой секты. Онъ запретилъ воздавать почтеніе людямъ, неисключая даже Магомеша, и проповѣдывалъ, что Турковъ, Евреевъ и Христіянъ должно губить безъ милосердія, первыхъ за пророка ихъ, вторыхъ за Моисея, а послѣднихъ за Иисуса.

Мугамедъ нашелъ въ племени своемъ послѣдователей, однакожь не споль многихъ,

чтобы съ ними сдѣлаться могъ спрашнымъ ; а для распространенія такой гонительной секты потребна была немалая сила. Мугамедъ зналъ это ; онъ выѣхалъ изъ Іемена, отправился въ Сирію, пустился къ берегамъ Евфрата ; тамъ старался онъ склонять на свою сторону пашей и вельможъ , копорые помогли бы ему оружіемъ и деньгами. Но въ Меккѣ и въ Дамаскѣ ему отказано ; изъ Багдада и Бассоры его выгнали ; и Мугамедъ возвратился въ Аравію , гдѣ благосклонно принятъ былъ Ибнъ-Сеудомъ ; Княземъ Дренгескимъ и Лагзаскимъ , живущимъ на сѣверо-западномъ берегу Персидскаго залива.

Бедуины , какъ извѣстно , состоятъ изъ многихъ племенъ , по видимому соединенныхъ сходствомъ обычаевъ , а въ самомъ дѣлѣ раздѣленныхъ тѣми же обычаями ; ибо у нихъ недозволяется одному племени съ другимъ вступать въ родство посредствомъ брачныхъ союзовъ. Обычай сей есть началомъ ихъ независимости ; онъ препятствуетъ размноженію племени , но за то уже члены каждаго племени крѣпко соединены между собою узами крови. Каждое племя есть великое семейство , управляемое избраннымъ шейкомъ ; но шейкъ не имѣетъ другой власти кромѣ той , копорая поручается ему отъ соплеменниковъ.

Нѣкоторыя племена съ непамятныхъ временъ живутъ между собою въ добромъ согласіи и союзѣ , а другія напротивъ того безпрестанно ссорятся. Племена союзныя составляютъ почти особливой народъ , и въ числѣ таковыхъ находится Негеди , преимуществен-

но извѣстной по лошадямъ своимъ, которыя почитаются прекраснѣйшими на цѣломъ во-
спокѣ. Къ небольшому племени сего Негеди
принадлежалъ Солиманъ, дѣдъ шейка Мугамеда.
Сперва бѣдное и униженное оно вступило въ
тѣсной союзъ съ другими малыми племенами,
и черезъ двадцать лѣтъ сдѣлалось такъ силь-
нымъ, что покорило весь Арабестанъ, Дре-
негъ и Лагзу, и привело въ ужасъ всѣхъ со-
сѣдей. Народъ избралъ въ Князья себѣ Муга-
меда Ибнъ-Сеуда, у котораго шейкъ Муга-
медъ искалъ помощи, и нашелъ ее.

Обстоятельства были ему весьма благо-
приятны. Ибнъ-Сеудъ, управляя народомъ по-
бѣдоноснымъ, послѣ прежнихъ успѣховъ захо-
тилъ пожинаать новые. Ученіе преобразителя
вѣры послужило для него предлогомъ къ напа-
денію на племена Аравійскія. Онъ надѣялся на
своихъ воиновъ и принялъ предлагаемую вѣру.
Многіе изъ числа подданныхъ его, единопле-
менники и приверженцы шейка Мугамеда, чрез-
вычайно обрадовались сему обращенію. При-
мѣръ ихъ и государя увлекъ за собою прочихъ,
и черезъ вѣсколько времени преобразитель
имѣлъ удовольствіе видѣть весь народъ при-
нявшимъ новое ученіе.

Въ сіе то время учрежденъ порядкъ но-
ваго богослуженія. Преобразители Исламизма
приняли названіе *Вагабисовъ*, отъ *Абдель-*
Вагаба, которой былъ отецъ основателя.
Мугамедъ получилъ шипто первосвященника,
или высокаго шейка, а Ибнъ-Сеудъ объявилъ
себя военачальникомъ Вагабисовъ. Такимъ об-
разомъ власти духовная и свѣтская доста-
лись въ разныя руки, и раздѣлъ сей остался

ненарушимымъ дѣльми Ибнѣ-Сеуда и шеика Мугамеда.

Дреиегѣ сдѣлался столицею новаго государства. Городъ сей, лежащій въ разстояніи двенадцати дней къ югозападу отъ Бассоры, отдѣляется отъ нее пустынею. Дома въ немъ каменные; напротивъ того въ Лагзѣ и въ Іеменскихъ деревняхъ жилища построены изъ пальмоваго лѣса и покрыты листьями погожѣ дерева. Въ Дреиегѣ Ибнѣ-Сеудѣ началъ планы завоёваній своихъ производить въ дѣйство, и ничего неупустилъ для успѣха въ своихъ намѣреніяхъ. Воины его, уже приобыкшіе къ трудностямъ, ежедневно упражнялись. Въмѣсто лошадей завелъ онъ въ армію своей дромадерѣвъ. Каждой дромадерѣ везетъ на себѣ двухъ воиновъ. Чѣмобъ имѣть при себѣ сѣбѣстныхъ припасовъ на двадцать дней, порціи убавлены, а люди и скопина заблаговременно приобучены довольствоваться меньшимъ количествомъ пищи. Такимъ образомъ многолюдное войско безъ труда переходило пустыни, и нападаетъ на неприятеля, которой ничего не знаетъ и не опасается столь быстрого, нечаяннаго появленія.

Смерть настигла Ибнѣ-Сеуда на поприщѣ побѣдъ его въ то время, когда онъ покоришь многія племена Аравійскія. *Абдѣ-Елазисъ* былъ его преемникомъ, и довершилъ его начинанія. Онъ обыкновенно нападалъ на Аравійскія независимыя племена отдѣльно на каждое, и войско его было многочисленнѣе каждаго племени. Ватабисы появлялись быстро, гдѣ ихъ вовсе не ожидали. Къ старѣйшинамъ племени приходилъ посоль *Абдѣ-Елазиса*,

въ одной рукѣ съ Кораномъ, въ другой съ мечемъ; онъ приносилъ съ собою отъ государя своего письмо, въ которомъ корешко и гордо предлагаемы были условія сдачи. Вотъ обыкновенная форма :

„Абдъ - Елазисъ привѣстствуетъ Аравиянъ такого - то племени. Вашъ долгъ есть вѣровать въ книгу, отъ меня къ вамъ посылаемую. Не будьте язычниками, подобно Туркамъ, которые Богу даютъ шоварища. Вѣруйте, будете пощажены; въ противномъ случаѣ объявляю вамъ войну смертоносную.“

Сии угрозы, подкрѣпляемыя сильнымъ войскомъ, повсюду имѣли свое дѣйствіе; всѣ племена покорились одно послѣ другаго. Бедуины приняли законъ новаго преобразителя и вся обширная пустыня, лежащая между Чернымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, простирающаяся отъ счастливой Аравіи даже до Алеппо и Дамаска на 300 Нѣмецкихъ миль отъ сѣвера къ югу и на 200 миль отъ востока къ западу, въ короткое время стала населенною одними только Вагабисами.

Завоеванія были весьма прибыточны для Абдъ-Елазиса. Ежели какое-либо племя осмѣливалось сопротивляться, то всѣ мушны подвергались смертной казни, и имущество ихъ доставалось побѣдителю. Если же племя принимало добровольно законъ предлагаемый, то Абдъ - Елазисъ, по силѣ Алкорана, присваивалъ себѣ десятую часть отъ всего имѣнія новыхъ своихъ подданныхъ. Поборъ сей относился не только до денегъ, домашнихъ приборовъ и скотины, но даже до людей :

изъ десяти человекъ одного бралъ Абдъ-Елазисъ въ свое войско и опредѣлялъ ему жалованье. Такимъ образомъ и въ скоромъ времени онъ увидѣлъ себя начальникомъ стопысячнаго ополченія и обладашелемъ несметныхъ сокровищъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.)

Обозрѣніе заграничныхъ произшествій.

Провинціи вновь присоединенныя къ Имперіи Французской сославляють будущъ 32ю военную дивизію, коея главнымъ городомъ назначенъ Гамбургъ. Отъ департаментовъ Римскаго и Тразименскаго положено имѣть въ Парижѣ 15 сенаторовъ, да отъ вновь присоединенныхъ, лежащихъ за Шельдою 10; все же число сенаторовъ должно простираеться до 140.

*

По причинѣ беспрестанно возвышающейся дороговизны въ Вѣнѣ, Императоръ увеличилъ сумму, отпускаемую на годовое содержаніе брашьева своихъ, Ерцгерцоговъ Австрійскихъ. Въ половинѣ Декабря курсъ банковыхъ ассигнацій колебался между 730 и 800: надѣялись, что онъ еще поправится; но спустя нѣсколько дней ассигнаціи опять упали до 1100 и ниже.

*

По выслушаніи донесенія Комитета, ко-
ему поручено было взять отъ докторовъ по-
казанія о состояніи здоровья Короля Англій-

скаго, въ нижнемъ парламентѣ опредѣлено предославить на время исполнительную власть другой особѣ и назначить Регентомъ Принца Валлійскаго. Въ слѣдствіе чего былъ препровожденъ къ нему планъ регенствва съ нѣкоторыми ограниченіями въ исполнительной королевской власти; но Принцъ обратно отослалъ планъ сей, и всѣ Герцоги, члены Королевскаго дома, объявили, что шаковыя ограниченія признають они нарушеніемъ правъ своей фамиліи.

Въ южной Америкѣ продолжаются мятежи и усиливаются ежедневно. Разныя области принадлежавшія Испаніи объявили себя свободными. Между городами Буеносъ-Айресомъ, Кордовою и Монше-Видео, изъ коихъ въ каждомъ учреждено особое независимое правительствво, господствуютъ несогласія, и оны воюють одинъ противъ другаго. Извѣстный Донъ Санъ Яго Линьеръ, сынъ его и другіе чиновники содѣлались жертвою сихъ смятеній: они разспрѣяны. Въ западной Флоридѣ произошли такія же перемѣны, какія въ Хили и въ Квишо: всѣ округи оной объявлены независимыми.

(Изъ Гамб. Корресп.)

1 Февраля.

У в ъ д о м л е н і е.

Спашскій Совѣтникъ Иванъ Пепровичъ Сенковскій, получивъ чрезъ посредство одного своего приятеля 200 рублей будшо бы въ уплату долга, при запискѣ, присланной отъ неизвѣстной особы, означившей свое имя буквою О, почишаещъ обязанностию довести до свѣдѣнія оной особы, что упомянутыя деньги приемлетъ онъ какъ благодареніе, отъ котораго при нынѣшнихъ своихъ весьма затруднительныхъ обстоятельствевахъ отказаться не можетъ, и о которомъ объявляетъ публикѣ для засвидѣтельствованія безпредѣльной своей благодарности сострадательному незнакомцу.

Отъ неизвѣстной благотворительной особы прислано къ Издателю В. Е. 125 рублей при запискѣ, съ препорученіемъ употребить ихъ въ пользу нуждающихся и съ обѣщаніемъ въ Іюль мѣсяцъ доставить такую же сумму. „Испытавшій самъ горестъ — сказано между прочимъ въ запискѣ — болѣе умѣетъ чувствовать, нежели шотъ кто вовсе незнакомъ съ нею.“ Издатель имѣетъ честь уведомить благотворительную особу, что деньги 125 рублей отданы Ивану Пепровичу Сенковскому, и увѣритъ, что сіе употребленіе щедрости ея совершенно соотвѣтствуетъ чловѣколюбивому ея предположенію. К.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 4. ФЕВРАЛЬ 1811.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Отрывокъ изъ лоученія Мосгейма.

Нѣмецкое церковное краснорѣчіе современно Россійскому. *Іоганнъ Лоренцъ Мосгеймъ*, умершій 1755 года въ званіи Канцлера Гейштингенскаго Университета, шѣмъ былъ для Нѣмецкаго духовнаго вишійства, чѣмъ *Феофанъ Прокоповичъ* для Россійскаго, *Бурдалу* для Французскаго, *Тиллопсонъ* для Англійскаго. Природная способность соединялась въ немъ съ обширными познаніями, и слѣдствіемъ того были основательность, сильные доводы, благородная простота и убѣдительное нравоученіе. Въ изясненіяхъ его на слова Священнаго Писанія невидно принужденныхъ натяжекъ; въ нихъ господствующъ связь и естественный поряд-

докъ; выводимыя изъ шекспа нраво-
учительныя слѣдствія всегда прога-
шельны, всегда убѣдительны. Мосгеймъ
по большей части говорилъ, какъ вдо-
хновенный, всегда съ одинакимъ жа-
ромъ, а не рѣдко даже и съ сильною
выразительностію поэта. Его красно-
рѣчіе, говоритъ Ешенбургъ, есть
чадо опытнаго благочесія и просвѣ-
щеннаго разума. Чипая въ подлин-
никъ проповѣди сего вишіи, не должно
забывать, что проза и вкусъ передъ
симъ лѣтъ за семьдесятъ еще младен-
чествовали въ Германіи, и что языкъ
Нѣмецкій былъ еще не столь какъ ны-
нѣ обогащенъ и обрабопанъ. Мосгеймъ
примѣромъ своимъ очень содѣйствовалъ
усовершенствованію языка и вкуса
и распространенію въ Германіи чув-
ствительности ко всему изящному и
благородному; содѣйствовалъ шѣмъ сред-
ствомъ, которое гораздо надежнѣе всѣхъ
прочихъ. Слѣдующій опрызокъ взявъ
изъ поученія *Какъ должно размыш-
лять о смерти*; оно произнесено
1729 года въ Брауншвейгѣ.

Охотно признаюсь, что склоняю васъ
къ такому дѣлу, которое по свойству сво-
ему и пиягоспно и неприятно. Двѣ причи-
ны не дозволяютъ намъ употребить во-

ображеніе наше такимъ образомъ, какъ мы обыкновенно упошребляемъ оное: вопервыхъ самая жизнь наша, наполненная разными упражненіями, препяшсшвами, заботами и перемѣнами, копорыя весьма удобно испребляють впечатлѣнїя, отсутствующими предметами въ насъ произведенныя. Отъ новаго впечатлѣнїя ослабляется старое. Образъ подлежащей вещи изглаживаеиъ образъ вещи удаленной отъ нашихъ взоровъ. Отъ того происходиъ, что мысль, кошорю по ушпру вся душа наша была наполнена, къ вечеру совсѣмъ изчезаетъ. Въ продолженіе цѣлаго дня мы видимъ столько много вещей, что первое впечатлѣнїе необходимо должно уступитъ мѣсто послѣдующимъ, и наконецъ изгладитъя совершенно. Другая причина заключаеиъ въ самомъ предметѣ, о копоромъ помышлять долженспвуемъ. Онъ печаленъ, слушаишели, прошивенъ естеспвеннымъ склонноспямъ нашимъ, несовмѣстенъ съ желанїями. Кто изъ насъ ошоно знакомишся съ такою вещью, кошорая ужасаиъся заспавляетъ? Кто изъ насъ ошоно предаеиъ такимъ мыслямъ, кошорыя безпокояиъ душу, мучаиъ ее и шерзаюиъ? Еслибъ я теперъ сказаъ вамъ: предспавъше въ умъ своемъ богатое наслѣдспво, кошорое получише въ скоромъ времени; предспавъше себѣ удовольспвіе, кошорымъ на-

слаждаешься будешь, занимаясь пѣми или другими забавами; какъ можно живѣе вообразите себѣ множество раболѣпныхъ поспителей, которыхъ найдете у себя въ прихожей, когда получите желаемое достоинство. О какъ быспро, какъ сильно все сіе изобразилось бы въ умѣ вашемъ! какъ мало труда стоило бы мнѣ разгорячить и самыхъ холодныхъ изъ моихъ слушателей! Я могъ бы надѣяться желаемого успѣха, впрочемъ неимѣя нужды ни въ отличной мудрости, ни въ особенномъ дарѣ краснорѣчія. Но мое намѣреніе совсѣмъ другое. Вообразите себѣ, слушатели, что пѣлесной вашъ составъ не можетъ долго быть въ такомъ состояніи, въ какомъ теперь находится. Представьте себѣ одръ, на которомъ будете безоправдно поминаться. Привыкайте заблаговременно смотрѣть на покровъ, подъ которымъ будете лежать бездушное ваше тѣло. Заглядывайте въ могилу, въ которую опустятся ваши кости. Небрыгши всѣ силы разума, помышляйте прилѣжно о смерти, о вѣчности, о судѣ Божіемъ. Кого усладятъ сіи слова? кто охотно спанетъ внимать такимъ увѣщаніямъ? Но шягоспныль онѣ для хрисіянна, желающаго ходить по пути благоразумія? Кто хочетъ достигнуть опечесва, шего останавятъ ли неприятности, когда онѣ суть единственнае средство къ вѣрно-

му достиженію? Спайрайтесь преодолѣть сіи неудобства; спайрайтесь обстоятельствомъ и слѣдствія кончины своей имѣть всегда передъ глазами.

Надежнѣйшаго въ семъ дѣлѣ пособія ожидать надлежитъ отъ Бога, по волѣ своей управляющаго нашимъ сердцемъ. Моисей не просилъ бы его о низпосланіи возможности размышлять о смерти, когда бы ощущалъ въ себѣ доспапчочныя вѣщю силы. Однакомъ, слушашели, и отъ насъ зависитъ спспѣшествовать, чпобы благость не щещенно дѣйствовала надъ нами. Обстоятельствомъ и слѣдствія нашей смерти супъ не такіе предметы, копорые не могли бы вмѣщаться въ предѣлахъ разума, и до копорыхъ мы не могли бы достигнуть посредствомъ размышленія. Они супъ не такія вещи, о копорыхъ узнаемъ не иначе какъ посредствомъ подобій и переносныхъ выраженій, и копорыхъ достигнуть намъ не возможно въ нынѣшнемъ нашемъ состояніи. Знаю, что о невѣдомыхъ предметахъ спрудно составить себѣ ясное понятіе, и что они едва ли могутъ сдѣлать въ душѣ нашей сильное, разительное впечатлѣніе. Но обстоятельства нашей смерти не таковы; всегда можно видѣть ихъ, можно слышать ихъ, и даже можно ихъ чувствовать. Они представляются взорамъ нашимъ въ ежедневныхъ

примбрахъ , и событіе ихъ можемъ видѣть надъ подобными намъ людьми , прежде нежели на себѣ испытаемъ оное . Они всегда около и подлѣ насъ случающіяся ; слѣдственно всѣмъ необходимо должны быть свѣдомы , всѣмъ говорю , кромѣ только тѣхъ , кои сами хотяшъ забыть о нихъ и уничтожить ихъ въ душѣ своей . Желаящій навсегда въ памяти своей удержатъ и живо напечатлѣвъ сію картину имѣетъ къ тому самой удобной способъ : пускай часто посѣщаетъ тѣ мѣста , гдѣ въ примбрахъ надъ другими сбывающихся можешъ чинить свою будущую исторію . Правда что прочіе окружающіе насъ предметы уменьшаютъ силу впечатлѣнія ; но вы старайтесь вознаграждать поперю чрезъ повтореніе . Послѣдуйте моему совѣту . Вы сами примѣните , что воспоминаніе о смерти тогда будетъ въ васъ дѣйствовать гораздо сильнѣе , нежели нынѣ . Посѣщайте прилѣжно людей , на смертномъ одрѣ лежащихъ . Замѣчайте поступки ихъ , слова и движенія . Наблюдайте безпокойство по умирающаго , по предсоящихъ одру ближнихъ его . Но одни только наблюденія ваши будутъ недостаточны . Все замѣчаемое вами примѣняйте къ самимъ себѣ , и говорите въ сердцѣ своемъ : „И для меня „день смертный наступитъ ; и я , незнаю „когда , но непременно буду тѣмъ , чѣмъ „спалъ сей несчастный ; и со мною то же

„случишься, когда наступитъ время разлу-
 „ни съ жизнью. Можешь быть кончина моя
 „будешь еще горестнѣе и плачевнѣе; можешь
 „быть мною еще большая скорбь овладѣешь;
 „можешь быть во мнѣ еще менѣе разсудка
 „оспанелся; можешь быть моя болѣзнь су-
 „дешь гораздо тяжестнѣе, и въ спирадані-
 „яхъ моихъ еще менѣе получу пособія.“
 Не лѣнишься быть часто между тѣми,
 которые по кончинѣ больного пригото-
 вляють бездушнѣе шрунъ его къ погребенію.
 Взвизывая на сѣи бѣдныя оспашки человека,
 которой въ жизни своей часто безъ нужды
 пошлѣлъ надъ великими и обширными пред-
 приятіями; взвизывая на сѣю груду персти,
 которая мало по малу поселаетъ отъвраще-
 ніе въ оспавшихся; взвизывая на спаранія,
 съ какими живые поспѣшаютъ очистишь
 домъ свой отъ сего противнаго шрупа,
 вспомните, что нѣкогда и съ вами что же
 послѣдуетъ. Положите самихъ себя, или
 лучше сказать, положите свое шбло, ко-
 торое вы столь тщательнѣе бережете и
 украшаете, на мѣсто лежащаго передъ ва-
 ми бездушнаго шрупа; вообразите себѣ,
 что самихъ васъ потчасъ понесутъ къ
 могилѣ; заспавьте себя думашъ, что шбс-
 ной домъ, принесенной для покойника, для
 васъ приготоуленъ; по крайней мѣрѣ уберете
 себя при семъ позорищѣ, что и для вашего
 гроба доски уже готовы. Приходите почаще

пуда, гдѣ сложены въ одномъ грѣбномъ мѣстѣ кости шѣхъ людей, которые, живучи на семъ свѣтѣ, весьма различествовали между собою и возрастомъ, и званіемъ, и способностями, и достоинствомъ. Тамъ наблюдайте, какъ по смерти сдѣлались равными всѣ тѣ, кои въ здѣшней жизни ревностно желали и старались быть отличными. Помышляйте, что все видимое вами оспанется послѣ васъ въ мѣрѣ, столь спростно вами любимомъ. Являйтесь часто въ шѣхъ собраніяхъ, гдѣ по смерти сильныхъ, великихъ и знаменитыхъ бесѣдуютъ о качествахъ и поведеніи умершаго. Изъ того, что услышите въ сихъ собраніяхъ, учитесь познавать ничтожность заботъ и попеченій, коими обременяютъ себя люди, во всю жизнь свою ни о чемъ болѣе какъ о суетныхъ почестяхъ немысляющіе. Какъ часто будете вы слышать презрительные отзывы и хуленіе о шѣхъ, кои почитали себя чуждыми порицанія! какъ часто будете слышать, что люди, кои думали о себѣ, будио спяжали неоспоримыя права на отличное уваженіе, навлекли на себя стыдъ и безчестіе! какъ часто будете слышать, что называютъ честолюбивыми глупцами шѣхъ, передъ коими въ жизни рабѣбно поклонялись; что осуждаютъ на вѣчное забвеніе шѣхъ, которые въ мѣрѣ семъ хотѣли быть бессмертными; что радуются о смерти

тѣхъ , копорые въ жизни чаяли по себѣ слезъ и рыданій ; что вовсе не уважающъ распоряженій , сдѣланныхъ тѣми , копорые почиали себя вѣчными законодателями ! Вотъ воздаянїе тѣмъ , копорые душою преданы мїру , и все труды свои и заботы посвящающъ или себѣ или другимъ людямъ ! Вотъ корыть , получаемая нами въ семъ свѣтѣ за то , что мы ни тѣла , ни души нещадимъ для приобретенія имени героя , мудреца , ученаго мужа ! Если сердце ваше наполнится сими чувствїями , то постарайтесь удержатъ ихъ при себѣ какъ возможно долбе . Многе оцупивши въ себѣ мысли суровыя и непрїятныя , потчасѣ поспѣшающъ въ общество безпечныхъ весельчакѣвъ , чтобы разсѣять грусть и развеселиться . Не подражайте симъ людямъ ; а иначе никогда неиспытаете полезнаго размышленія о смерти . Если хотите короче узнать самихъ себя , удалитесь на короткое время отъ свѣтскаго шуму , и въ шизоми уединенія разсудите о томъ , что произвело въ васъ такое сильное впечатлѣнїе . Пребудьте , говорю , на малое время въ уединенїи , и вмѣстѣ съ Моисеемъ молиште Господа Бога , да научитъ васъ размышлять о смерти . Сїе благочестивое , безмолвное созерцанїе укрѣпитъ васъ , и подастъ способы сохранитъ память о кончинѣ и тогда , когда упражненія , съ должно-

спію неразлучныя , когда разные житейскіе случаи , когда обхожденіе съ людьми не благопріятствовало бы оной. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Двенадцать слящихъ дѣвъ.

Руская Баллада.

Ал. Ан. Прат . . . вой.

Желала ты моихъ стиховъ —
Вотъ длинная Баллада!
Пусть слава для другихъ пѣвцовъ;
Твой взоръ моя награда.
Но чѣмъ же кончу я куплетъ?
Еще одно желанье:
Цвѣши , мой несравненный цвѣшъ,
Сердецъ очарованье!
Печаль по слуху только знай!
Будь радостію свѣша!
Моихъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта

Надъ пѣнистымъ днѣпромъ - рѣкой,
Надъ спрашною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной.
Окрестъ его дремучій боръ;
Ушесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;

Подернутъ мглою сводъ небесъ ;
Въ ущельяхъ въперъ свещейъ ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ ;
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

✱

Сидитъ съ поникнутой главой
И думаешь онъ думу :
„Печальный, горькій жребій мой !
„Клянусь судьбу угрюму !
„Дала мнѣ крестъ тяжелей несъ !
„Всѣмъ людямъ жизнь опрада :
„Тѣмъ злашю, шѣмъ покой и чешъ ;
„А мнѣ — сума награда !
„Нѣтъ крова защитишь главу
„Отъ бури, непогоды !
„Успаль я ! въ помощь васъ зову,
„Днѣпровски быспры воды !“

✱

Готовъ онъ прынуть съ крушизны ;
И вдругъ — предъ нимъ явленье !
Изъ темной бора глубины
Выходитъ привидѣнье :
Спарикъ съ щетинистой брадой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнушый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когшми, рогами.
Идетъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобою . . .
И шотъ какъ вкопанный стоитъ,
Зря диво предъ собою.

✱

— Куда ? невѣдомый спросилъ. —
„Въ волнахъ скончатъ мученья !“
— По чшожь, безсмысленный ! забылъ
Во мнѣ искашь спасенья ? —

„Но кто ты? вскрикнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя.“

— Заступникъ, другъ, спаситель швой!
Ты видишь Асмодея! —

„Творецъ небесный!“ — Удержись!

Въ молишвѣ нѣшѣ опрады!

Забудь о Богѣ — мнѣ молись!

Мои вѣрнѣй награды!

*

Прими отъ дружбы, Громобой,
Полезное ученье:

Поспигнушъ ты судьбы рукой
И жизнь тебѣ мученье!

Но всѣмъ бѣдамъ найми конецъ
Я способы имѣю:

Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ,
Прибѣгни къ Асмодею.

Могу тебѣ я силу дать,
И честь и много злаща,

И грудью буду я спояшь
За друга и за брата!

*

Клянусь! (свидѣтель адскій богъ,
Что кляшвы не нарушу!)

А ты, мой другъ, за шо въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу! —

Невольно вздрогнулъ Громобой,
По членамъ хладъ спремился;

Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣшѣ силъ перекресмишься!

— Почтожъ задумался, глупецъ? —

„Спрашусь мученій ада!“

— Но раноль, поздноль . . . наконецъ
Все адъ швоя награда!

◆

• Тебѣ на свѣтѣ жить — бѣда!
Покинушь свѣтѣ — другая!
Останься здѣсь — поди шуда —
Вездѣ погибель злая!
Ханьжи - причудники пвердяшъ:
Лукавый бѣсѣ опасенъ!
Не вѣрь имъ — бредни! веселъ адъ!
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ!
Мы жизнь приапную ведемъ!
Нашъ адъ не хуже рая!
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая!

Тебѣ я шеремъ пышный дамъ
И шьму людей на службу!
Къ боярамъ, вишнямъ, князьямъ
Тебя введу я въ дружбу!
Досель красавицъ ты пугалъ —
Придушь къ тебѣ шолпою!
И словомъ — вздумалъ, загадалъ,
И все передъ побою!
И вошь въ задапокъ кошелѣкъ;
Въ немъ вѣчно будешь злашо!
Но десяшь лѣшъ — не болъ — срокъ
Тебѣ такъ жишь богашо!

Когдажъ послѣдній день отъ глазъ
Исчезнетъ за горою,
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за побою! . . . —
Спалъ думу думашъ Громобой;
Подумалъ — согласился,
И обольстителю душой
За злашо поклонился.

Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье ;
Лукавый принялъ — и пропалъ,
Сказавши : до свиданья!

И вышелъ въ люди Громобой —
Откуда что взялося !
И счастье на него рѣкой
Съ богатствомъ полилося !
Какъ княжескій разубранъ домъ !
Подвалы полны злапа !
Съ заморскимъ выходы виномъ !
И рѣдкостей палата !
Пирь — хощь постѣ, хощь мясобѣ ;
Музыка роговая !
Для всѣхъ — чужихъ, своихъ — обѣдъ
И чаша круговая !

Возможно все въ его очахъ !
Всему онъ повелитель :
И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ !
И хищникъ и грабитель !
Двенадцать дѣвъ похищилъ онъ
Изъ опческой ихъ сѣни ;
Презрѣлъ невинныхъ жалкій спонъ
И родственниковъ пени.
И въ годъ двенадцать дочерей
Имѣлъ отъ обольщенныхъ ;
И былъ онъ чуждъ своимъ дѣшей
И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ щиромъ
Былъ Ангелъ, ихъ хранитель !
Онъ далъ имъ приспань — Божий домъ,
Смирения обитель ;

Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
Сокрыль ихъ съ маперями,
Да славяшъ вышняго Царя
Невинныхъ устъ мольбами!
И горьней благодати сѣнь
Была надъ ихъ главою!
Какъ вешній ароматный день
Цвѣли онѣ красую!

*

Отъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
До юности злая
Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
Однѣ дѣла благія.
Покинувъ ложе съ юнымъ днемъ,
Стекалися во храмъ;
На крилосѣ, предъ олшаремъ,
Кадильницѣ въ еиміамъ;
Въ священный литургии часъ
Ихъ слышалось пѣнье —
И сладкій непорочныхъ гласъ
Внимало Провидѣнье!

*

И слезы нѣжныхъ маперей
Съ молишвой ихъ сливались,
Когда во храмъ близъ мощей
Онѣ разпростирались.
О! дай имъ кровь, Небесный Царь!
(То было ихъ моленье)
Да будешь Твой свяшый олшарь
Незлюбныхъ душъ спасенье!
Покинулъ ихъ родной опецъ,
Давъ бѣднымъ жизнь посылу;
Но призри Ты сиротъ, Творецъ,
И грѣшника помилуй!

*

Но вошѣ . . . насталѣ десяшый годѣ!

Уже онѣ на исходѣ!

И грѣшникѣ горьки слезы льетѣ:

Всему онѣ чуждѣ въ природѣ!

Опять украшены весной

Луга, пригорки, доли;

И пахарѣ веселѣ надѣ сохой,

И счастья полны сѣлы!

Не зришѣ лишь онѣ злашой весны:

Его померкли взоры;

Вѣ шуманѣ для нихѣ погребены

Луга, долины, горы.

Денницаль красная взойдетѣ —

„Прости, гласишѣ, денница!“ — —

Вѣ дубравѣль пшичка пропоетѣ —

„Прости, весны пѣвица! —

„Прости и мирные лѣса,

„И нивы золошья,

„И неба свѣшмая краса,

„И радости земныя!“

И вспомнилѣ онѣ забышыхѣ чадѣ,

Кѣ себѣ ихѣ призываетѣ:

И мнишѣ: онѣ Творца смягчаешѣ!

Невиннымѣ Богѣ внимаешѣ! —

И вошѣ насталѣ послѣдний день . . .

Ужѣ солнце за горою!

И спелетѣся вечерня лѣнь

Прозрачной пеленою.

Ужѣ сумракѣ . . . смерклось . . . вошѣ луна

Блеснула изѣ за пучи;

Легла на горы тишина;

Ушихѣ и лѣсѣ дремучий;

Рѣка сражнялась въ берегахъ;
Зажглись свѣтила ночи;
И сонъ глубокой на поляхъ;
И близокъ часъ полночи!

И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищешь Громобой
Опъ ада обороны!
И юныхъ чадъ къ себѣ призывалъ;
Сердца ихъ близки раю.
„Увы! молишься! — вопялъ —
„Молишься! погибаю!“
Младенца вянущей Небу спонъ!
Невинныя молились;
Но вдругъ . . . на нихъ находишь сонъ! . . .
Замолкли . . . уснули!

И все въ ужасной тишинѣ —
Окрестность какъ могила!
Вотъ . . . каркнулъ воронъ на стѣнѣ!
Вотъ . . . спая псовъ завывала!
И вдругъ . . . протяжно полночь бьетъ!
Нашли на небо шучи —
Рѣка надулась — боръ реветъ —
И мчится прахъ лепущий!
Увы! . . . послѣдній спрашный бой
Опгрянулъ за горами . . .
Гулъ тише — смолкъ — и Громобой
Зреть бѣса предъ очами!

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день опъ глазъ
Изчезнулъ за горою!
Ты слышалъ, билъ полночный часъ!
Пришелъ я за шобою! —

„О дай, молю! хоть малый срокъ!
Терзаюсь! адъ ужасенъ!“
— Свершилось! неизбѣженъ рокъ,
И поздный вопль напрасенъ! —
„Минушу!“ — Слышишь! цѣль звучишь! —
„О страшный часъ! помилуй!“
— И гробъ готовъ, и саванъ сшишь,
И роющъ ужь могилу!

Заупра день взойдетъ во мглѣ,
Подымушся сненанья!
Увидяшъ прупъ швой на столѣ
Недвижный, безъ дыханья!
Кадилъ и свѣчъ въ дыму густомъ,
При шихомъ ликовъ пѣнь,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
На вѣки въ заоченье;
И спрашно заспунъ заспучишь
Надъ кровлей гробовою,
И шихо клиръ провозгласишь:
Усопшій, миръ съ побою!

И миръ не будетъ швой удѣлъ;
Ты адово спяжанье!
Но время! . . . идушь! . . . часъ приспѣлъ!
Внимай ихъ завыванье!
Спеклись! призывный слышу кличь!
Ихъ челюсти зіяюшь!
Смола клокочешъ; свищенъ бичъ;
Оковы разжигаютъ! —
„Спасишель Царь! вонми слезамъ!“
— Ошринушо моленье! —
„Увы! позволь хоть сиропамъ
„Мнѣ дашь благословенье!“

Младенцевъ снящихъ видитъ бѣсѣ :
Сверкнули спрашно очи !
— Лишишь ихъ царствія небесѣ :
Предашь геенской ночи !
Вотъ слава ! мнѣ воспещеть адъ
И съ гордымъ шапаною ! —
И усмиривъ грозящій взглядъ,
Вѣщаль онъ Громобою :
— Я внялъ швоей печали гласѣ :
Есть средство избавленья ;
Покоренъ будь — иль въ адъ сей часъ
На скорьби и мученья !

✽

Предай мнѣ души дочерей !
За временну свободу
Я дамъ, по милосши своей,
На каждую по году. —
„Злодѣй ! губишь невинныхъ чадъ !“
— Ты медлишь ! приступите !
Низриньте грѣшника во адъ ;
На части развлеките ! —
И вдругъ ошвсюду крикъ и стонъ !
Земля запрепешала
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ
И шьма бѣсовъ предшала :

✽

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ !
Бѣгущъ, гремящъ цѣпями,
И спали грѣшника кругомъ
Съ разверзными кохшями !
И ницъ повергся Громобой
Безчувшвенъ, полумершвенъ ;
И вопишь : „страшный врагъ, пошшой !
„Посшой ! гошшовы жершвы !“

И скрылись всѣ. Онѣ будишь чадѣ. . . .
Онѣ пишешь ихѣ рукою. . .
О страхѣ! свершилось! плещешь адѣ
И съ гордымѣ сатанною! . . . — —

*

Ты казнь отсрочилѣ, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;
Но жить, погибнувши душой,
Коль спрашная опрада!
Влачи унылы дни, злодѣй,
Вѣ болѣзни ожиданья!
Веселья нѣтъ душѣ твоей,
И нѣтъ ей упованья!
Увы! и красный Божій мѣръ
И жизнь ему постылы!
Онѣ вѣ людствѣ дикѣ, вѣ семействѣ сирѣ;
Онѣ вѣ живѣ снѣдѣ могилы,

*

Напрасно вѣешь вѣперокѣ
Сѣ душистыя долины;
И свѣтъ луны сребришь пошокѣ
Сквозь темны липѣ вершины;
И ласпочка зари восходѣ
Вспрѣчаетѣ щебетаньемѣ;
И роца вѣ пѣнь свою зовешѣ
Листочковѣ препешаньемѣ;
И шумѣ бѣгущихѣ сѣ поля стадѣ
Сѣ паспушьими рогами
Вечерній мракѣ живошворяшѣ,
Теряясь за холмами!

*

Его доселѣ свѣшлый домѣ
Уж сумрака обижель.
Угрюмѣ; сѣ нахмуреннымѣ лицомѣ
Цировѣ веселыхѣ зришель,

Не пьетъ онъ пѣннаго вина
Изъ чаши круговыя! . . .
И страшенъ день, и ночь страшна;
И пѣни гробовыя
Онъ всюду слышитъ грозный вой;
И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой,
И сонъ забыли очи.

И пѣмы лѣсовъ спрашится онъ:
Тамъ бродитъ привидѣнье;
То чудится полночной звонъ,
То черныхъ ликовъ пѣнье!
Спрашитъ его и бури свистъ
И грозныхъ пучь молчанье,
И съ шорохомъ падающій листь,
И роци содроганье!
Прокашится по небу громъ —
Влѣдѣетъ, дыбомъ волосъ:
То мститель посланъ Божествомъ,
То казни страшный голосъ!

И видъ прелестный юныхъ чадъ
Ему не наслажденье;
Ихъ милый, чувства полный взглядъ,
Спокойствіе, смиренье,
Краса - веселіе очей,
И гласа нѣжны звуки,
И сладость ласковыхъ рѣчей
Его сугубяетъ муки.
Какъ роза - благовонный цвѣтъъ
Подъ сѣнію надежной,
Онъ цвѣтуетъ! Имъ скорьби нѣтъъ,
Ихъ сердце безмятежно.

А онъ? ... Преступникъ! ... онъ, въ тоскѣ
На нихъ подвемля очи,
Отверзшу видишь въ далекѣ
Пучину адской ночи.
Онъ плачешь — онъ судьбу клянешь;
„О милья шворенья!
Какой васъ люпой жребій ждешь,
И гдѣ искашь спасенья!
Напрасно вамъ дана краса!
Напрасно взору милы!
Закрышь вамъ путь на небеса,
Цвѣтете для могилы!

Увы! пора любви придетъ:
Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ украситъ Божій свѣтъ,
Вамъ милого покажетъ;
И взоръ наполнился тоской,
И шхимъ грудь желаньемъ,
И распаленныя душой,
Влекумы ожиданьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ лугъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы пѣнь,
И пшичка голосистѣй!

И дни блаженства не придутъ!
Спрашишь милой вѣснѣчи!
Для васъ не брачныя зажгутъ,
Но погребальны свѣчи!
Не въ Божій, гимновъ полный храмъ
Пойдете съ женихами . . .
Ужасный гробъ гошовашь намъ!
Прокляшы небесами!

И нашъ удѣлъ щоска и спонъ
Въ обипеляхъ геены!
О грозный жребія законъ!
О жертвы драгоцѣны!“ . . .

*

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
Въ душевномъ сокрушенъ,
И мнишъ: „самъ Богъ вѣщаетъ намъ;
„Въ раскаяннн спасенье!
„Возносятся предъ вышнн пронъ
„Преспуниковъ спенанья!“ . . .
И домъ свой обращаетъ онъ
Въ обипель покаянн:
Да спранникъ въ немъ найдетъ покой,
Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снѣдъ, больной
Спасенье онъ недуга!

*

Съ утра до ночи у воротъ
Служишель на спорожъ;
Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зовѣтъ;
„Есть хлѣбъ - соль, мягко ложе!“
И вошъ уже изъ всѣхъ краевъ,
Влекаемые молвою,
Идутъ толпы сиротъ и вдовъ
И нищихъ къ Громобою.
И всѣхъ приемлетъ Громобой;
Всѣмъ данъ его гошова;
Онъ щедрой злато льетъ рукой
Онъ имени Христова.

*

И Божій онъ воздвигнулъ Домъ;
Подобье свѣшла Рая,
Обипель иноковъ при немъ
Является свяшая.

И въ той обители свяшой,
 Отъ братіи смиренной
 Увѣчный, дряхлый и больной
 И скорбью убіенной
 Приемлющъ именемъ Творца
 Опраду, изцѣленье :
 Да воскрешаемы сердца
 Узнающъ Провидѣнье.

И славный мастеръ призванъ былъ
 Изъ города чужова ;
 Онъ въ храмъ ликъ изобразилъ
 Угодника Святова.
 На той Иконѣ Громобой
 Былъ видимъ съ дочерями,
 И на молящихся Свяшой
 Взиралъ любви очами.
 И день и ночь огонь пылалъ
 Предъ Образомъ въ лампадѣ ;
 Въ златомъ вѣнцѣ алмазъ сиялъ
 И перлы на окладѣ.

И въ часъ — когда рѣдѣетъ шѣнь,
 Еще дубрава дремлетъ,
 И воцаряющийся день
 Полъ-неба лишь объемлетъ ;
 И въ часъ вечерней пищицы,
 Когда вездѣ молчанье,
 И свѣчи, въ храмъ возжены,
 Лющъ тихое сіянье —
 Въ слезахъ раскаянья, съ молябой,
 Предъ Образомъ смиренно
 Разпроспирался Громобой,
 Веригой ошягченной.

Но быстро, быстро съ горъ пекушъ
Въ долину вешни воды —
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы.
Ужь время съ годомъ десять лѣтъ
Невидимо умчало;
Послѣдняго двухъ претей нѣтъ —
И будто небывало;
И нѣкій неотступный гласъ
Вѣщаетъ Громобою:
„Всеми конецъ! пвой близокъ часъ!
Погибель надъ тобою!“

И вотъ — недугъ низринулъ злой
Его на одръ мученья!
Расперзанъ лютою рукой,
Не чая изцѣленья,
Всечасно предъ собой онъ зрѣтъ
Отверсну дверь моллы;
И у возглавія сидѣтъ
Надъ нимъ призракъ унылый;
И нѣтъ ужь силъ ходишь во храмъ
Къ Иконѣ чудотворной —
Лишь взоръ онъ мечетъ къ небесамъ
Молящій, но покорный.

Увы! ужь и послѣдній день
Край неба озлащаетъ —
Сквозь темную дубравы сѣнь
Влистанье проникаетъ!
Все шихо, весело, свѣтло;
Все нѣгой сладкой дышетъ;
Рѣка прозрачна какъ стекло;
Едва, едва колышетъ

Листами легкой вперокъ ;
 Въ поляхъ благоуханье ;
 Къ цвѣтку прилинулъ мошылѣкъ
 И пѣшъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей встрѣчаетъ день
 Со спомомъ и слезами !
 „О ! рано , ны , ночная тѣнь ,
 Разспалась съ небесами !
 Стекинешь , дѣши ! одръ опца
 Съ молитвой окружите !
 И предъ судилище Творца
 Спенанія пошлите !
 Ужасенъ намъ сей ночи мракъ !
 Зывайте : Искупитель !
 Смягчи грозный гнѣва зракъ ;
 Не будь намъ строгий мспитель !“

И страднаго одра кругомъ —
 Гдѣ блѣденъ , изможденный ,
 Съ обезображеннымъ челомъ ,
 Всѣ кости обнаженны ,
 Брада до чреслъ , власы горой ,
 Взоръ дикій , впалы очи ,
 Вопилъ отъ муки Громобой
 Съ утра до поздней ночи —
 Шеклися дѣвы ; ясный взоръ
 На небо устремили
 И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
 Сердца совокунили.

О видъ , угодный небесамъ !
 Такъ Ангелы спасенья ,
 Вонмя раскаянья слезамъ ,
 Съ улыбкой примиренья ,

Въ очахъ отрада и покой,
 Отъ горяго чершого
 Низходящъ съ милоспью свяшой,
 Предшественники Бога,
 Къ одру болѣзни, въ смерный часъ. . . .
 И се, помимъ спраданьемъ,
 Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ;
 „Опыди съ упованьемъ!“

И дѣвы, чистыя душой,
 Подвемля къ небу руки,
 Смирённой мыслили мольбой
 Ошца спокойшь муки;
 Но ужасъ близкаго конца
 Надъ нимъ уже носился!
 Языкъ коснѣющій Творца
 Еще молишь спремился;
 Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
 Сіянія денницы;
 Но взоръ недвижный угасалъ,
 Смыкалися зѣницы!

„О дѣши! дѣши! гаснетъ день!“
 — Нѣтъ, упрю! лишь проснулась
 Заря на холмѣ; чорна пѣнь
 По долу прощянулась;
 И нивы пусты; въ высотѣ
 Лишь жаворонокъ вьещя! —
 „Увы! заупра въ красотѣ
 Опяшь сей день проснется!
 Но мы! . . . ужь скрылись отъ земли;
 Уже насъ гробъ сибдаетъ;
 И мѣсто, гдѣ по днесъ цвѣли,
 Насъ болѣ не признаетъ!“

Несчастливыя! дерзнулъ на васъ
Изречь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье!
Но не сопутствуйте опцу
Съ проклятиемъ въ могилу!
Молитесь! воззовемъ къ Творцу:
Разгнѣванный! помилуй!“
И дѣвы, страшныхъ сихъ рѣчей
Не всю объемя силу,
Съ невинной ясностью очей
Воскликнули: помилуй!

„О дѣши! дѣши! ночь близка!“
— Лишь полдень наступаетъ;
Пашухъ у водъ для холодка
Со стадомъ отдыхаетъ;
Молчатъ поля, въ долинѣ сонъ;
Пылаетъ небо знойно! —
„Мнѣ чудится надгробный стонъ!“
— Все тихо и спокойно!
Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
Подъемясь съ поля, дуетъ;
Лишь горлица въ глуши лѣсной
Повременно воркуетъ! —

„О дѣти! свѣтлый день угасъ!“
— Ужь солнце за горою;
Ужь по закашу разлилась
Багряною спруею
Заря, со пламенныхъ небесъ
Спокойный вечеръ сходитъ;
На заревъ чернѣетъ лѣсъ,
Въ долинѣ сумракъ бродитъ! —

„О вечеръ сумрачный, постой!
Помедли, день прелестной!
Помедли, взоръ не узришь мой
Тебя ужъ въ поднебесной!“ . . .

*

„О дѣши! дѣши! ночь близка!“
— Заря ужъ догорѣла;
Въ туманъ одѣлася рѣка;
Окрестность поблѣднѣла;
И на распушии пылящъ
Спада, спѣша къ селеню! —
„Спасите! полночь бѣшъ!“ — Звонятъ
Въ обители къ моленю!
Опцы поющъ хвалебный гласъ!
Огнями храмъ блистаетъ! —
„При нихъ и грѣшникъ, въ спрашный часъ,
Къ Тебѣ, Творецъ, зываетъ!“ . . .

*

„Не шмихсяль, дѣши, неба сводъ?
Не мчашсяль черны шучи?
Не вздуль ли вихоръ бурныхъ водъ?
Не вьетсяль прахъ летучій?“
— Все шихо! служба отошла;
Обитель засыпаетъ;
Луна полнеба прошекла!
И божій храмъ сіяетъ
Одинъ съ холма въ окрестной мглѣ;
Лука, поля безмолвны;
Огни пошухнули въ селѣ;
И роци спятъ и волны! — —

*

И всюду шишина была!
И вся природа, мнилось,
Предуштрашенная, ждала,
Чтобъ чудо совершилось! . . .

И вдругъ . . . какъ будто вѣщеракъ
Повѣялъ онъ востока;
Чуть пронулъ дремлющій листокъ,
Чуть пронулъ зыбь попока . . .
И нѣкій гласъ промчался съ нимъ . . .
Какъ будто надъ звѣздами
Коснулся арфы Серафимъ
Ееирными перстами.

*

И тихо, тихо Божій храмъ
Отверзся — неизвѣстной
Явился старецъ двѣмъ очамъ! . . .
И ликъ красы небесной
И кропосъ благоспныхъ очей
Рождали упованье.
Одѣявъ ризою лучей,
Окрестъ главы сіянье,
Онъ не касался до земли
Въ воздушномъ приближенъ. . . .
Предъ нимъ незримыя пекли
Надежда и Спасенье!

*

Сердца ихъ ужасъ обудялъ:
„Кто сей, во славу зримый?“
Но . . . близъ одра уже споялъ
Пришлецъ неизвѣстный!
И къ двамъ прикоснулся онъ
Воскрилемъ одежды:
И шихъ во мгновение сонъ
На ихъ простерся вѣжди!
На искаженный старца ликъ
Онъ кинулъ взглядъ укора:
И препенъ въ грѣшника проникъ
Онъ пламеннаго взора!

*

„О, кто ты, грозный сын небес?
Твой взоръ мнѣ наказанье!“ . . .

Но спрашный спрогосью очесъ
Пришлецъ хранишь молчанье . . .

„О дай, молю, швой слышашъ гласъ!
Одно надежды слово!

Грядешъ неопразимый часъ!
Собышше гошво!“

— Вы ликъ во храмъ чтили мой!
И въ томъ изображеньѣ
Моя десница надъ тобой
Простерта во спасенье! —

*

„Ахъ! чтожъ Могушій повелѣлъ?“
— Надѣйся и спрашися! —

„Увы! какой насъ ждешъ удѣлъ?
Что жребій ихъ?“ — Молися! —

И руки положивъ крестомъ
На грудь изнеможенну
Предъ неиспытаннымъ Творцомъ

Молишву сокрушенну
Умолкшій проліялъ въ слезахъ;

И шяжко грудь дышала,
И въ призывающихъ очахъ

Вся скорбь души сіяла!

*

Вдругъ началъ шьмишься неба сводъ —
Мрачнѣ и мрачнѣ —

За тучей грозною ревѣшь
Другая въ слѣдъ грознѣе,

И спрашно сшиблись надъ главой,
И небо заclubилось!

И вдругъ . . . повсюду съ черной мглой
Молчанье воцарилось. . .

И близокъ часъ полночи былъ . . .
И ризою святою
Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ,
Опшпунника десною.

*

И устремленны на воспокъ
Горѣли старца очи! . . .
И вдругъ , сквозь сонъ и мракъ глубокъ ,
Въ пучинѣ черной ночи ,
Завылъ протяжно вѣщій бой —
Окрестность съ нимъ завывала !
Вдругъ — спрашной молнія спруей
Сводъ неба раздвоила ;
По шумамъ вихорь пробѣжалъ ,
И съ сильнымъ грома прескомъ ,
Ревущей бурѣ , бѣсѣ предшаль ,
Одѣянъ адскимъ блескомъ.

*

И змии въ пламенныхъ власахъ —
Клубясь , шипяшъ и свещупъ ;
И радость злобная въ очахъ —
Кругомъ , сверкая , рыщупъ ;
И тяжкой цѣпью онъ гремѣлъ —
Увlechъ добычу льспился ;
Но старца грознаго узрѣлъ —
Упихнулъ и смирился ;
И вмигъ гордыни блескъ угасъ ,
И смущенъ , вопрошаетъ :
— Что , мощный врагъ ! себя въ сей часъ
Къ симъ падшимъ призываетъ ? —

*

„Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой!“
— Они мое спяжанье ! —
„Передъ небеснымъ Судіей
Всесильно покаянъ!“

— И часъ суда Его пришекъ!
Ихъ жребій совершися! —
„Еще ко Благости не рекъ
Онъ въ гнѣвѣ: удалися!“
— Онъ правъ — и я владыка имъ! —
„Онъ благъ — я ихъ хранишель!“
— Изчезни! адъ неопразимъ! —
„Ошвѣпшсвуй, Искупитель!“

*

И громъ съ востока полетѣлъ!
И бездну шучь прикрапы
Разсѣкъ браздами ярыхъ спрѣлъ
Перунъ огнекрылашый!
И небо съ края въ край зажглось,
И задрожало въ страхѣ;
И преснула земная ось. . . .
И спонущій во прахѣ
Творца грядуща слышитъ бѣсъ;
И молишся хранишель. . . .
И грянулъ изъ среды небесъ
Глаголомъ Вседержитель:

*

„Гяду судить! и вѣчный судъ
„Несетъ моя десница!
„Мнѣ казнь и благость предшекутъ! . . .
„Во прахѣ, чадоубійца!“
О всемогущество словесъ!
Уже опшпунникъ шлѣнье!
Пощухъ послѣдній свѣтъ очесъ;
Въ косяхъ оцѣпенѣнье;
И ликъ кончиной искаженъ;
И сердце охладѣло;
И отъ сомкнувшихся ушенъ
Дыханье оплетѣло!

„И праху обладашель адѣ,
„И гробу опроверженѣ,
„Доколь на погубленныхъ чадѣ
„Не сидеть искупленѣ!
„И чадамъ непробудный сонѣ!
„И шопѣ, кто чистѣ душою,
„Кто, ихѣ не зрѣвши, распаленѣ
„Одной изѣ нихѣ красую,
„Придетѣ, житейское презрѣвъ,
„Вѣ забвенну ихѣ обитель:
„Есть обреченный спящихѣ дѣвъ
„Отѣ неба испушишѣ!“

*

„И будущѣ спать — и къ нимѣ вѣка
„Вѣ полетѣ не коснушѣ;
„И пройдетѣ плѣбнѣя рука
„Ихѣ мимо — и проснушѣ
„Сѣ неизмѣнившейся красой
„Для жизни обновленной;
„И водворю тогда покой
„Вѣ могилѣ искупленной,
„И мирѣ вѣ опроверженныхъ костяхѣ!
„И претворенный вѣ радость,
„Познавѣ Мой Промыслѣ вѣ небесахѣ,
„Речетѣ: Господѣ есть благоспѣ!“ . . .

*

Ужѣ вѣспникѣ упря вѣ высотѣ,
И слышенѣ громкѣй пѣшелѣ,
И день вѣ воздушной красотѣ
Лешинѣ, какѣ радость свѣшелѣ. — —
Узрѣли дѣвъ, объятыхѣ сномѣ,
И старца шрупѣ узрѣли —
И мершвый спрашенѣ былѣ лицомѣ:
Глаза, не зря, смотрѣли;

Какъ будно спраждуць , прижималъ
Онъ къ хладнымъ персямъ руки ,
И на устахъ его ропсалъ,
Казалось, голосъ муки.

*

И спящихъ ликъ покоенъ былъ :
Невидимо крилами
Ихъ тихій Ангелъ облачилъ ;
И райскими мечшами
Чудесный былъ исполненъ сонъ ;
И сладкимъ ихъ дыханьемъ
Окрестъ былъ воздухъ разтворёнъ
Какъ розъ благоуханьемъ ;
И разцвѣтали ихъ уста
Улыбкою прелесшной ,
И ихъ являлась красота
Въ спокойствіи небесной.

*

Но вошъ — ужъ гробъ одѣтъ парчой ,
Отверзлася могила ,
И слышенъ колокола вой
И пеплюшя кадила ;
Идушъ и старъ и младъ во храмъ ;
Подъемлешя рыданье ;
Даюшъ безчувственымъ устамъ
Послѣднее лобзанье ;
И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ ;
И взяшъ ужъ гробъ землёю ;
И ликъ воспѣлъ : усопшій братъ ,
На вѣки миръ съ тобою !

*

И вошъ — и старъ и младъ пошли
Обратно въ домъ печали ;
Но вдругъ — предъ ними изъ земли
Вкругъ дома грозно встали

Гранишны стѣны — верхъ зубчатъ,
Бока одѣшы лѣсомъ —
И сгрянувшись зашворы врашъ,
Задвинулись ушесомъ.
И всляшъ погналъ пришельцевъ спрахъ!
Бѣгушъ, неозираясь.
„Небесный гнѣвъ на сѣхъ стѣнахъ!“
Вѣщаюшъ, содрогаясь. — —

*

И спала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей запусѣнья:
Поля покрылъ дремучій боръ;
Разсыпались селенья;
И человѣчій гласъ умолкъ —
Лишь филинъ на ушесъ,
И въ ночь осеню гладный волкъ
Тамъ воушъ въ черномъ лѣсѣ;
Лишь дико межъ сѣдыхъ береговъ,
Спираема корнями
Изрыпыхъ бурю дубовъ,
Рѣка клубишъ волнами!

*

Гдѣ зрѣлись прежде Божій храмъ
И иноковъ обитель,
Тамъ грозно свещетъ по стѣнамъ
Змѣя, развалинъ жительство;
И гимнъ по сводамъ не гремитъ —
Лишь, вѣющій порою,
Пусшыннй вѣшеръ шевелитъ
Въ развалинахъ правою;
Лишь, ошпоргаяся отъ стѣнъ,
Капяшся камни съ шумомъ,
И гулъ, на время пробужденъ,
Шумишъ въ лѣсу угрюмомъ.

*

И на шуманиспомѣ холмѣ
Могильный зришься камень :
Надъ нимъ всегда въ полночной тѣмнѣ
Сіяешь блѣдный пламень.
И крестъ поверженный обвѣшь
Листами повилики ;
На немъ угрюмый вранъ сидишь ,
Могилы спорожь дикій.
И все , какъ мертвое , окрестъ :
Ни листъ нешевелился ,
Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ ,
Ни птица не промчится.

*

Но полночь лишь сойдешь съ небесъ —
Вранъ черный вспрепенется ,
Зашепчетъ пробужденный лѣсъ ,
Могилы потрясется !
И видишься бродяца тѣнь
Тогда въ пустынь ночи :
Какъ блѣдный на шуманъ день
Ея сияють очи ;
То взоръ возводишь къ небесамъ ;
То съ видомъ шажкомъ муки
Къ непроницаемымъ стѣнамъ ,
Моля , подвемлешь руки.

*

И въ нѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
Молчаніе могилы ;
Окрестъ ихъ , мглою покровенъ ,
Сдѣбешь лѣсъ унылый :
Тамъ вѣтеръ не шумишь въ листьяхъ ;
Не слышно водъ журчанья ;
Ни благовонія въ цвѣтахъ ,
Ни въ правкѣ нѣшъ дыханья.

И дѣвы спятъ — ихъ сонъ глубокъ ;
И жребій искупленья ,
Безвѣстно , близокъ , иль далѣкъ ,
И нѣтъ имъ пробужденья .

*

Но въ часъ — когда поля заснутъ ,
И мглой земля одѣша ,
(Между поржественныхъ минутъ
Полночи и разсвѣша) —
Одна изъ спящихъ воспаетъ ,
И — странникъ одинокой —
Свой срочный начинаешъ ходъ
Кругомъ стѣны высокой ;
И смотришь вдаль — и ждешъ съ поскокой
„ Приди , приди , спасишь ! “
Но даль покрыша черной мглой —
Нейдешъ , нейдешъ спасишь .

*

Когдажъ исполнишя луна —
Чреда приходитъ смѣны ;
Въ урочный часъ пробуждена ,
Одна идетъ на стѣны ,
Другая къ ней со стѣнъ идетъ ;
Встрѣчается и руку ,
Вздохнувъ , прищелицѣ даетъ
На долгую разлуку ;
Попомъ къ почюющимъ сеспрамъ ,
Задумчива , ошходитъ ;
А ша печально по стѣнамъ
Одна до смѣны бродитъ .

*

И скороль ? долголь ? . . . какъ узнашь !
Гдѣ вѣспникъ изкупленья ?
Гдѣ шопъ , кщо власненъ побѣждаетъ
Всѣ ковы обольщенья ,

Къ прелестной прилепленъ мечтѣ?
Кто могъ бы — чистѣ душою,
Небесной вѣренъ красотѣ,
Непобѣдимъ земною —
Все предстоящее презрѣшь,
И, вѣрой ополченной,
Надежды полонъ въ даль лепѣшь
Къ наградѣ сокровенной?

В. Ж.

С Т И Х И

къ портрету Николая Николаевича Ваньшишъ - Каменскаго.

Онъ многи бытія въ забвеньи погребенны
Для пользы Росскихъ Музъ изъ мрачности из-
влекъ.
Любя Ошечество, за долгъ онъ чпшѣ свя-
щенный
Для общества прожить, не для себя свой вѣкѣ.

Г. Городчанниковъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго Государства.

862 Годъ есть та почка времени, съ копорой испорики полагають начало Русскаго Государства, т. е. когда Руссы соединились со Славянами въ одно полипическое шбло. Далѣ сего времени писашели Исторіи нашей не возводяшъ — нѣкопорые въ помѣ мѣвнїи, что „сверѣ до половины IX столѣтїя предшавлялѣ одну „пустыню, въ копорой жшпели, раздѣленныя на малыя орды, предводительствуемыя старѣйшинами, или кациками, не имѣли полипического постановленїя, сношенїя съ иноплеменными, искусствѣ“ и проч. (1); другїе писашели (2) хотя полипического бытїя Славянѣ до Рюрика не опшвергають, однакожъ говоряшъ, что „дѣянїя Славянѣ и Руссовѣ не принадлежатѣ къ нашей Исторїи, ибо сїи народы пре-

(1) Шлец. въ Несп. Русск. Изд. I, Введ. Н^д и Н^е.

(2) Крип. прим. на Ист. К. Щ. I. 125 — 127.

„где соединенія ихъ въ одинъ сонмъ были
 „для насъ чужды, пакъ какъ и они одинъ
 „другому; что Руссы, праопцы наши, про-
 „изошли отъ сочешанія Славянъ и Руссовъ
 „иноплеменныхъ между собою, и что сїе
 „не прежде послѣдовало, какъ по пришествїи
 „Рюрика на княженіе Новгородское. Слѣва-
 „не, продолжающъ писатели, вытѣсня
 „Руссовъ, поселилися на ихъ мѣстахъ и
 „оставшихъ учинили данниками, а послѣ
 „сами данниками Варяговъ учинились. Рю-
 „рикъ съ Руссами пришедъ, подалъ слу-
 „чай къ смѣшенію однихъ съ другими, и
 „по времени къ совершенному слїянїю въ
 „одинъ народъ; слѣдственно Рюриково при-
 „шествіе есть эпоха зачатїя Русскаго на-
 „рода, происшедшаго отъ Славянъ и Рус-
 „совъ; а попому далѣ Рюрика возводишь
 „Исторїю нашу есть не меньше трудно,
 „сколь и бесполезно.“

Что касается до перваго мнѣнїя, не
 взирая на ученость покойнаго г. Шлецера
 и глубокое знаніе его нашей Исторїи, едва
 ли можно на оное согласиться. Правда,
 Варяги дали Государству сему новое образо-
 ваніе, полиписическую прочность, но не
 основали онаго вновь — оно существовало
 за долго до ихъ пришествїя. Славяне еще
 до Рюрика имѣли уже города, шорговлю и
 вѣроятно ремесла и художества; слѣдствен-

но полипическое ихъ бытіе было уже основано. Греческій Императоръ Константинъ Багрянородный (3) говоритъ о торговлѣ Славянъ въ его время (X стол.); но вѣроятно относитъ оную должно еще къ самой колыбели республики Новгородской. Мнѣніе сіе подкрѣпляетъ Байеръ въ выпискахъ своихъ изъ сѣверныхъ писателей (4). Читая доказательствъ Круга (5), не лзя не согласиться, чшобы Россія и въ сіи отдаленныя времена не была на нѣсколько высшей степени просвѣщенія, нежели какъ мы обыкновенно воображаемъ.

„Народъ, говоритъ Кругъ (6), кошо-
 „рый, какъ Славяне, съ Греками въ поль-
 „сѣсныхъ былъ связяхъ; среди государства
 „ихъ поль часто велъ войну и проводилъ
 „шамъ цѣлыя даже зимы; копорый мно-
 „гимъ изъ того, что у себя имѣлъ, былъ
 „имъ обязанъ, чрезъ непрерывныя съ ни-
 „ми сношенія позналъ роскошь и приа-
 „носъ жизни; копорый многія, доселъ
 „ему не извѣсныя, но теперь нужными
 „сдѣлавшіяся вещи, изъ Греціи только

(3) Въ кн. de Adm. Imp. с. 42. р. 112. 113. —
 См. Изв. Виз. исп. III § 16 и въ Вып. Байер.
 у Там. I. гл. 16.

(4) У Там. I. гл. 17.

(5) Исп. роз. о др. Руск. мон. сгр. 21.

(6) Тамъ же § IV, 37.

„могъ и получишь: такой народъ конечно „долженъ былъ спарашься и въ опдаленности продолжашь съ сею землею прежнею сношеніе.“ Прибавимъ къ тому, что такой народъ, выпѣсненннй отъ благословенныхъ береговъ Дуная на край сѣвера, не могъ не основашь на новомъ жилищѣ своемъ нѣкотораго политическаго плѣла, не могъ не имѣть градовъ и искусствъ и обиташь подобно дикимъ въ необработанной пущынѣ. Согласенъ, что *города Славянъ не походили на нынѣшніе города*, что города сїи были не что иное, какъ *огражденныя деревни* (7); но и сїе самое не доказываетъ ли уже нѣкоторой образованности нашихъ праотцевъ? Не уже ли дѣянїя такого народа (и отъ котораго пришомъ въ прямой линїи мы происходимъ) недостойны занимать мѣста въ нашей Исторїи?

Односительно другаго мнѣнїя должно призначься, что Исторїю нашу возвести выше Рюрика конечно трудно, или даже и не возможно; ибо о времени пришеспвїя Славянъ на сѣверъ и о приключенїяхъ послѣдственныхъ пришеспвїю ихъ мы не имѣемъ никакого извѣстїя, кромѣ того что оставилъ намъ о сихъ опдаленныхъ

(7) Шлец. въ Нест. I, введ. Н.Б.

временахъ опривками Іоакимъ; не знаемъ даже *точно*, когда и съ какой спороны пришли Славяне (8); но не лзя сказать, чшобы повѣствованіе о ихъ дѣянїяхъ было для насъ бесполезно.

Исторїя Славянъ жившихъ въ Сирїи и Пафлагонїи, исторїя Славянъ жившихъ на берегахъ Дуная, ихъ войны съ Римлянами, ихъ переселенїя, возвышенїе и упадокъ, равно какъ и исторїя народовъ обитавшихъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ Россїи до прихода Славянъ, къ Исторїи нашей не принадлежатъ; ибо въ проливномъ случаѣ должно будетъ возводить оную до *Адама*; но опъ времени поселенїя Славянъ въ предѣлахъ нами обитаемыхъ, начинается наша Исторїя.

Мы не можемъ начать оной съ сей почки времени, не пошому чшобы Руссїя не имѣла прежде Рюрика полипического бытїя, или чшобы повѣствованїе о дѣянїяхъ Славянъ до насъ не принадлежало; но пошому чшо о тѣхъ временахъ мы не имѣемъ дословѣрныхъ преданїй, кромѣ баснословной Новгородской Лѣтописи и сомнительнаго опривка Іоакимова. Исторїя наша получаетъ нѣкошорую ясность со времени

(8) Прим. на Исп. К. Щ. I, 128.

Рюрика и несомнѣнную вѣроятность со времени Игоря, или лучше сказать со времени Владиміра Великаго, который озаривъ Россію свѣтомъ Христіянскаго ученія, поставилъ оную на чредѣ Державъ просвѣщенныхъ — но сіе еще не даетъ намъ права утверждать, чтобы исторія сихъ забытыхъ вѣковъ къ нашей не принадлежала.

Но почему вообще мы полагаемъ, что нашествіе нѣсколькихъ тысячъ Руссовъ сдѣлало столь великую эпоху въ нашей Исторіи и даже въ многочисленныхъ Славянскихъ племенахъ?

Если бы Руссы были многочисленнѣе Славянъ; если бы они, покоря сіи страны и заставя побѣжденныхъ принять свое имя, заставили бы также принять свой языкъ, свои обычаи и нравы; если бы они, какъ сказать, поглопили въ себѣ покоренные ими народы; тогда бы мы имѣли право сказать, что „Руссы суть наши праотцы, „что отъ нихъ влечемъ мы свою природу, „и что хотя и Славянъ имѣемъ долгъ называть нашими праотцами, но едва ли въ жилахъ нашихъ осталась одна капля крови „Славянской“ (9); но здѣсь все напротивъ!

(9) Болш. въ прим. на Ш. I, 41.

Руссы, какъ побѣдиши, заставили принять свое имя; но будучи малочисленнѣе народовъ, ими покоренныхъ, вмѣстополого, чтобы Славянъ преобразить въ Руссовъ, преобразились сами въ Славянъ и въ печенѣи вѣка исчезли совершенно. Нашествіе Руссовъ былъ малый спремипельный пошкѣ, ввергнувшійся съ круизны въ обширный сонмъ водъ, копорый, по причинамъ совершенно побочнымъ, сообщилъ оному свое имя; но самъ, смѣсивъ испокѣ свой съ сими водами, потерялъ свою силу и не сдѣлавъ никакой ошупипельной перемѣны въ направленіи сего сонма, принужденъ былъ слѣдовать за его печенѣемъ.

„Новые пришлецы исчезли въ полѣ Славянъ, превосходившихъ ихъ числомъ и въропно образованіемъ (10).“ Самый даже языкъ Руссовъ, копорый ни сколько не смѣшался со Славянскимъ (ибо Консп. Багрянород. по прошествіи почти ста лѣтъ послѣ сего смѣшенія еще опдѣляетъ оный отъ Славянскаго), исчезъ совершенно. Гдѣ ошашки сего языка? Русскій языкъ, нынѣ нами упошребляемый, имѣетъ ли хоша малѣйшее сходство съ древнимъ языкомъ Руссовъ? Не чисный ли корень имѣетъ

(10). Объяснит. примѣч. къ Исх. карш. Шлец. сына, шепр. II. стр. 29.

языкъ нашъ въ Славянскомъ ? Книги, на семъ послѣднемъ языкѣ писанныя въ XI и XII вѣкахъ, не можемъ ли мы понимать почти безъ всякой трудности? Какой Русской, даже не ученый, потребуетъ перевода Славянскаго нарѣчія, кромѣ нѣкоторыхъ выражений, измѣнившихся съ теченіемъ времени, или забытыхъ? Самая *лѣснь Игорю*, писанная древнѣйшимъ Славянскимъ языкомъ (кромѣ нѣкоторыхъ особенныхъ мѣствъ и *архаизмовъ*), не довольно ли разумительна для каждаго Русскаго? И если существуетъ какое различіе между Славянскимъ и нынѣшнимъ Русскимъ языкомъ, то не сему смѣщенію Славянъ и Руссовъ должно приписать оное; но причинамъ совершенно побочнымъ: времени, которое измѣняетъ всѣ языки, просвѣщенію, близкому сообщенію съ Греками, чрезъ нѣскольکو вѣковъ непрерывно продолжавшемуся, частымъ набѣгамъ дикихъ Половцевъ и Печенѣговъ и въ особенности Мунгаламъ, отъ которыхъ въ двухъсотъ лѣтъ ихъ владычества, мы заимствовали множество словъ и по нынѣ въ языкѣ нашемъ сохранившихся.

Мы имѣемъ только одинъ памятникъ древняго Русскаго языка, который еще болѣе служилъ доказательствомъ предположенію, что смѣщеніе Славянъ и Руссовъ

не произвело ни новаго народа, ни новаго языка.

Константинъ Багрянородный оставилъ намъ названія Днѣпровскихъ пороговъ по Русски и по Славянски (11). Положимъ, что названія сїи имъ перепорчены, также какъ и названія городовъ, имъ же намъ оставленныя (12); однакожь, не смотря на то, названія Славянскія еще и теперь могутъ имѣть нѣкоторое на нашемъ языкѣ значеніе, между тѣмъ какъ названія Русскія вовсе для насъ чужды.

Ульворси, Геландра, Варуфорось, Леанли, Спрувунь, что значатъ на нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ? Однажь еще языкъ тѣхъ, отъ которыхъ, говорятъ, мы происходимъ! Но кому же теперь онъ понятенъ? Кто скажетъ, чтобы еще бы

(11) Въ кн. de Adm. Imp. с. 9. р. 59 — 61. См. Изв. Виз. Ист. III. § 13. въ вып. Байер. у Там. I. гл. 16. и у Шлец. сын. шепр. I. стр. 51. — Русскія названія Тунманъ въ кн. своей Von den Oest. Europ. Völk. изъяснилъ изъ Скандинавскаго языка. См. Шлец. въ Несш. I, 325 и слѣд.

(12) На прим. Смоленскъ называется онъ *Милниска*, Лисхвенъ *Теліуца*, Вяпичевъ *Вититзево* и пр. См. обьясн. прим. Шлец. шепр. I. стр. 50. Изв. Виз. Ист. III. § 13. и въ вып. Байер. у Там. I, гл. 16.

до по Руски? Кто спанетъ утверждатьъ, чтобы отъ сего языка происходилъ нашъ, полико сильный и сладнозвучный языкъ?

Но названія шѣхъ же пороговъ по Славянски: *Островнилтрагъ, Нейсылъ, Вульнилтрагъ, Налрези*, удобно понятны для каждаго Русскаго, не смотря на расстройствѣ VIII вѣковъ, опредѣляющее насъ отъ временъ Константина Багрянороднаго!

Ясное доказательство, что нашия Руссовъ не только не произвело новаго народа, но даже и въ языкъ покоренныхъ ими племенъ не сдѣлало никакой существенной перемены!

Но почему же народъ, который столько мало имѣлъ влiянiя на образованiе племенъ имъ покоренныхъ, заставилъ принять свое имя? и почему ими сего народа, который въ теченiи вѣка самъ исчезъ и преобразился въ побѣжденныхъ, у сихъ послѣднихъ сохранилось?

Елико произошло отъ причинъ политическихъ. Неспорно повѣствуетъ, что спрана сiя до прихода Руссовъ не имѣла никакого общаго названiя. По словамъ его, Славяне при переселенiи своемъ съ береговъ Дуная разошлись по разнымъ странамъ и назвались разными именами. Частъ ихъ, удалившаяся въ предѣлы нынѣ нами оби-

шаемые; поселилась на Днѣпрѣ и назвалась Полянми, другіе поселились въ лѣсахъ и назвались Древлннами, сѣвшіе на рѣкѣ Полощѣ назвались Полочанами и ш. д. тѣ же, кои удалились болѣе въ глубину Сѣвера и поселились при озерѣ Ильменѣ, назвались собственнымъ именемъ Славене. Сїи, по мнѣнію Круга (13), были богатѣйшіе, и для того-то, можешъ бышь, споль далеко зашли на Сѣверѣ, что боялись лишиться достоянія, цѣною крови приобрѣшеннаго. По крайней мѣрѣ сїи были образованнѣе изъ всѣхъ, ибо мы видимъ, что они имѣли города и торговлю. Но всѣ сїи племена, принявшія споль различныя названія, не дали никакого особеннаго тѣмъ спранамъ, кои населили. Рюрикъ и Олегъ совокупивъ подъ свою державу различныя Славянскія и Сармашскія племена, населявшія всю сїю обширную спрану, не имѣвшую до шоль никакого общаго названія, нарекли Русью. Руссы не Славянѣ назвали Русью (ибо различіе между сими двумя народами еще долго послѣ того продолжалось), но шоль спрану назвали Русью. Смѣшавшись со Славенами, Руссы въ печенїи вѣра исчезли совершенно; но имя Руссіи сохранилось, потому что первые великіе Князья были Руссы, что въ правленіе Рюрика, Олега,

(13). Исп. розыск. о др. Рус. Мон. § 11. стр. 25.

Игоря и даже Свяшослава всѣ важнѣйшія должности въ Государствѣ поручены были Руссамъ; не смотря однакожъ на все усиліе правительсва преобразить Славенъ въ Руссовъ, превосходство первыхъ преодолѣло. Сами сіи владѣтели не только говорили языкомъ побѣжденныхъ ими народовъ, но даже попомки ихъ, оставя Норманскія свои имена, приняли Славянскія и даже кумиры Владиміромъ до воспріятія христіанства воздвигнушыя наименованы по Славянски.

Я не опровергаю, чтобы Руссы не сопричислялись къ нашимъ праотцамъ; они должны бытъ причтены къ нимъ; но Славене суть наши истинные праотцы, отъ коихъ мы заимствовали все и даже самый языкъ (14). Но что же мы знаемъ объ нихъ? Мы даже и исторіи сего славнаго народа не сопричисляемъ къ своей, и далѣе Рюрика не хотимъ (хотя бы съ нѣкоторою вѣроятностію и могли) возвести нашу Исторію.

Я не намѣренъ защищать лѣтопись Іоакима. Чистая доказательства Тапищева,

(14) Мнѣніе сіе подкрѣпляетъ Лом., „Въ со-
„спавленіи Россійскаго языка, говоритъ
„онъ, преимущесиво Славенъ весьма яв-
„спвуетъ; ибо языкъ нашъ, отъ Славен-
„скаго произшедшій, не много отъ онаго
„отмѣнился.“ Др. Рос. Ист. Ч, I. гл. I
стр. 82.

Болшина и Елагина, и опроверженія Миллера, Шлецера и Кн. Щербатова и наипаче примѣчанія на отвѣтъ Болшина (Спб. 1790 624 стр. in 4 to), въ которыхъ сильнѣйшія доказапельства приведены въ опроверженіе, склоняюсь болѣе вѣрить, что выдаваемая намъ выписка изъ лѣтописи Іоакима подвержена сомнѣнію (15); однакожъ видя развалины Славянска, не нахожу причины сомнѣваться въ его существованіи,

(15) Споръ о лѣтописи Іоак. продолжался нѣсколько лѣтъ. Тац. нашелъ сей списокъ довольно спраннымъ образомъ, чего онъ и самъ не скрываетъ. Искавъ полнѣйшихъ рукописей вездѣ, гдѣ только предполагалъ ихъ найти, опнесся онъ къ свойственнику своему Мельхиседеку Борсчеву, бывшему Архимандритомъ Бизюкова монастыря, прося его, буде имѣетъ какія древнія лѣтописи, къ нему доставить. Мельхиседекъ отвѣчалъ, что у него никакихъ лѣтописей нѣтъ; но что у монаха того монастыря Веніамина, который прилѣжитъ къ собранію историческихъ сочиненій, есть одна древняя лѣтопись, изъ коей выпросивъ у Веніамина нѣсколько тетрадей, прислалъ къ нему.

Тац. нашелъ, что „письмо въ сихъ тетрадяхъ было новое, но худое; складъ „старый, смѣшанный съ новымъ, но самый „простой и нарѣчіе Новгородское.“ (Тац. I, 31.) Полагая, что тетради сіи нарочно для него были списаны, Тац. просилъ Мель-

имѣя несомнѣнныя свидѣтельства, пережившія лѣтописи и преданія, и удосповѣряющія въ вѣроятности сказанія о владычествѣ Славенѣ на сѣверѣ; не могу согласишься, чтобы повѣствованіе сѣверныхъ писа-

хиседека прислать къ нему подлинную рукопись, дабы удосповѣриться въ ея древности; но въ отвѣтъ получилъ, что Мельхиседекъ умеръ . . . лѣтописи въ пожизкахъ его не нашлось . . . монаха Веніамина; по изслѣдованію, также не оказалось Вошъ какъ сомнительно явился сей опрывокъ! Однакожъ почтеніе и благодарность, которыми всѣ любители опечесчвленной исторіи обязаны покойному Василью Никитичу, отклоняющъ отъ него всякое подозрѣніе.

Причины, которыя заставили Там. Болш. и Елаг. признавъ Іоак. опрывокъ, суть въ кратцѣ слѣдующія: 1е. Что сей опрывокъ имѣетъ нѣже самые знаки принадлежности Іоак., по которымъ и лѣтопись Нестора признается за Несторову. 2е. Что повѣствованіе о пришествіи Славенѣ въ Новгородскіе предѣлы вѣроятнѣе Несторова. Іоак. полагаетъ оное въ половинѣ V вѣка, а Несторъ до Р. X., что не можетъ быть согласно съ извѣстными бытіями и переселеніями племенъ Славенскихъ. 3е. Что призваніе Рюрика, по причинѣ его родства съ Господомъ, вѣроятнѣе нежели сказаніе Нестора; ибо у Іоак. и родъ Рюрика и поводъ къ избранію его извѣстны, а у Нестора и что и другое остается въ тем-

шелей и Новгородскаго лѣпописца было совершенно вымышленное; не могу вѣришь, чтобы оно не имѣло основаніемъ какихъ нибудь лѣпописей, или записокъ, или по крайней мѣрѣ успешныхъ преданій, хотя въ

ношѣ. 4е. Что о женишѣбѣ Игоря болѣе ясности и вѣроятія. Несторъ полагаетъ Ольгу изъ Пскова, котораго тогда еще не было, а Іоак. изъ Изборска и отъ рода Гостомыслова. 5е. Что бракъ Владимира съ Рогнедою и рожденіе Ярослава яснѣе и съ лѣтами Владимира согласнѣе. 6е. Что крещеніе Владимира отъ Болгаръ вѣроятнѣе, и наконецъ 7е и важнѣйшее, что многія обстоятельство, положенныя въ Прологахъ и Польскихъ Исторіяхъ ни въ одномъ спискѣ Неспоровой лѣпописи не находятся; а какъ Польскіе историки сами признаются, что пользовались лѣпописями Русскими, и какъ сіи обстоятельство въ опривкѣ Іоак. находятся, то должно заключить, что лѣпоп. Іоак. имѣла была извѣстна. Такъ на прим. о проекрапной побѣдѣ Владимира надъ Мечиславомъ Несп. не упоминаетъ, а Польская Ист., хотя сіе и не къ славіи ихъ опеченства служивъ; повѣствуетъ согласно съ Іоак. — Там. I, гл. 4., опв. Болп. на пис. К. Щ. § III.

Шлец. и Кн. Щерб. (ибо полагаю, что Примѣч. на опв. Болп. писаны самимъ К. Щ., какъ то по слогу и по горячности защищенія видно) отвергаютъ лѣпоп. Іоак. потому 1е, что списокъ сей найденъ у частнаго человека, слѣдственно въ невѣрномъ

пѣсняхъ и народныхъ сказкахъ сохранявшихся. Во времена Нестора можетъ быть сіи преданія уже испребились, или записки, по рѣдкости своей, до него не дошли, и вотъ причина недоспапчочнаго свѣдѣнія его о Новгородской древности!

мѣстѣ. 2е. Что во многомъ противорѣчитъ Нестору, яко вѣрнѣйшему писателю. 3е. Что наружною видимостію не сходствуетъ съ шѣми временами, въ которыхъ писанъ. 4е. Что современнымъ писателямъ не былъ извѣстенъ. — Расположая далѣе сіи четыре положенія, продолжаетъ соч. Примѣчаній: А) Опъ чего лѣтопись, сочиненная Епископомъ, имѣвшимъ болѣе средствъ распространить оную, никому не была извѣстна, а лѣтопись простаго монаха сдѣлалась всеобщою? В) Начало отрывка: *о Князяхъ Рускихъ старобытныхъ Несторъ монахъ не добръ свѣдомъ бѣ, что ся дѣлао у насъ Славенъ въ Новгородѣ, а Святитель Іоакимъ добръ свѣдомый написа* и проч. доказываетъ, что ешо не самая лѣтопись, а только списокъ съ оной и что не самъ Іоак., а никому неизвѣстный человекъ о немъ свидѣтельствуетъ. Г) Поелику слова сіи доказываютъ, что списокъ сей учиненъ по смерти уже Іоак. и Нестора, то кто же сказалъ сему неизвѣстному собиращелю, который изъ сихъ историковъ справедливѣе? Д) Іоак. полагаетъ построение Новгорода Рюрикомъ; не ужели онъ, будучи въ Новгородѣ Епископомъ, не зналъ, когда онъ построенъ? Е) Какъ бы Нестору, жившему въ Кіевѣ, куда множество людей

Баснословіе о Князьяхъ Славянъ и Вандалъ, о двухъ свойспивенникахъ сего послѣдняго Гардорики и Гунигарды очевидно; но по крайней мѣрѣ баснословіе сіе, въ образномъ смыслѣ, дасть намъ свѣдѣніе о переселеніи племенъ Славянскихъ. Положимъ, что преданія о Изборѣ, Владимірѣ, Сполосвятѣ, Едвинѣ и Буривоѣ также баснословны; но баснословіе сіе есть основаніе нашей Исторіи, оно (выражаясь словами Шлецера) составляетъ азбуку въ нашей исторической системѣ (16). Ромуль и Ремъ, Нума и Тарквиній, можетъ быть также баснословны; однакожъ слишкомъ велика была бы жертва исключить ихъ изъ Исторіи Римской! Впрочемъ какого народа начало не баснословно? Сіи первые вѣки исторіи Плутархъ называетъ вѣками мечтательнѣй и чудовищъ!

изъ всей Россіи спекалось на богомолье, не зная о лѣт. Іоак., или объ обстоятельствахъ, о которыхъ онъ повѣствуетъ? Наконецъ всѣ опроверженія заключаетъ въ себѣ, что лѣтопись Іоак. считаетъ не иначе; какъ *отложкомъ той палицы, которую Перунъ, проплывая Волховскою жостъ, бросилъ Новгородцамъ.* Пись. Кн. Щ. стр. 11. и слѣд.; Прим. на опш. Болш. стр. 58 — 85. и Шлец. 68 Нест. введ. 61.

(16) Я не включаю однакожъ въ епо число басеннаго *Князя - перевозчика* Кія со всею его свѣшлѣйшею фамиліею.

Намъ говорятъ, что все повѣствованіе о древнемъ Славянскомъ народѣ, о ихъ Князьяхъ, городахъ и шому подобное, вымыслено послѣ Нестора сѣверными и Польскими писателями. Историческій скептицизмъ находить даже сомнѣніе и въ существованіи Госпомысла, потому что перечиски и нѣкоторыхъ списковъ Несторовой лѣтописи Госпомысла, въ IX вѣку принадлежащаго, упоминаютъ уже при первомъ началѣ Новагорода (17). Миллеръ объявилъ даже догадку свою (18), что Госпомыслъ не есть имя собственное, но что подъ симъ названіемъ означалось шокмо его благорасположеніе къ чужестранцамъ. Онъ читалъ: *Гостомиль*, т. е. любитель чужестранныхъ (19).

(17) Шлец. въ Нестр. I, 149.

(18) Тамъ же, 303.

(19) Дѣйствительно однакожь, если Госпомысла положишь при первомъ началѣ Новагорода, тогда и Вандалъ и Буриной должны будутъ исчезнуть; если же положишь его въ послѣдней половинѣ IX вѣка, то не лзя будетъ съ симъ согласить сказуемую Несторомъ дань Варягамъ, о которой онъ въ первой разѣ упоминаетъ подъ годомъ 859. Развѣ положишь смерть Госпомысла прежде сего года, и что Варяги дань наложили уже послѣ его смерти; или согласишься съ Юак., что изгнаніе Варяговъ послѣдовало въ началѣ Княженія Госпомысла и слѣдственно гораздо прежде 862, и даже прежде 859 года.

Но почему Шлецеръ и Миллеръ сомнѣваются въ существованіи полистического бытія Славянъ до Рюрика? Потому что Несторъ о помѣ не упоминаетъ. Доказательство сильное, однакожъ не такое, противъ котораго нельзя бы было найти возраженія: и е доказано уже, что Преподобный Несторъ писалъ не по усному преданію, но при сочиненіи лѣтописи своей имѣлъ или другія лѣтописи ему предшествовавшія, или по крайней мѣрѣ записки; ибо дѣла, за 250 лѣтъ до него бывшія, наипаче же мирные договоры Олега и Игоря, также за 150 лѣтъ и болѣе до него учиненные, описанные имъ съ такою подробностію, не могли чрезъ столько долгое время сохраниться въ усномъ преданіи. Въ семъ удостовѣренъ насъ другій дѣписатель Симонъ, Епископъ Суздальскій (20). Легко могло статься, что записки о дѣлахъ Славянъ Несторъ не имѣлъ, или до-

(20) Подтверженіемъ сего мнѣнія, кромѣ свидѣтельства Симона, кажется, можетъ служить и слѣдующее: Несторъ, защищая Кіа, что онъ не былъ перевозчикъ, говоритъ: „Ини же невѣдуще глаголаху, яко Кій есть перевозчикъ былъ, у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оныя страны Днѣпра, шѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо былъ перевозчикъ Кій, то не бы ходилъ ко Царю граду. Но сей князаше въ роду своемъ и приходившю ему ко Царю, не свѣмы,

дошла къ нему невѣрная, копорую онъ внесъ въ лѣтопись свою усомнился, и вотъ почему Несторъ, впрочемъ споль полный, въ отношеніи къ древней Новгородской республикѣ недоспапаченъ. 2е. О Госпомыслѣ хопя не во всѣхъ спискахъ, однакожъ упоминается. Теперь прудно уже рѣшишь, Несторъ ли упомянулъ объ немъ шавъ сомнишельно, или несмысленные переписчики перемѣшали обстоятельство. Главное то, что Несторъ не опвергаетъ его существованія, слѣдственно первая ступень сей баснословной лѣтшницы намъ уже извѣшна. 3е. Іоакимъ говоритъ, что Вандалъ по именамъ сыновей своихъ построилъ три города: Изборскъ, Владиміръ и Сполносвятъ (21). Я не утверждаю, что опрывокъ Іокима есть истинный, можетъ быть онъ и ложенъ; но не могу повѣришь, чтобы сказаніе было ложно, ибо свидѣтельства пе-

„но шокмо о семъ вѣмы, яко же сказують, „яко велику честь пріялъ есть отъ Царя.“ Не уже ли чрезъ сполько сомѣлѣвъ все это могло сохраниться въ преданіи, даже и то, что у Кіева былъ перевозъ? И если бы это было только устное преданіе, то почему Несторъ могъ бы одно опвергнушь, а другое пріянь? *Яко же сказують* служилъ сильнымъ доказательствомъ, что Препод. Несторъ руководствовался лѣтописями, или записками.

режившія лѣтописи и преданія убѣждаютъ въ противномъ. Изборскъ существуетъ и по нынѣ, Владиміръ нынѣ сельцо Владимірецъ въ Псковской губерніи. Тапищевъ свидѣтельствуетъ, что въ древнихъ Писцовыхъ книгахъ именовано оно городъ, или пригородъ, и что вокругъ онаго въ его время еще были видны оспашки земляной насыпи (22). На вопросъ Тапищева, почему Нилова пущынь, близъ города Оспашкова находящаяся, называется Сполбенскою, монахъ сказалъ ему, что городъ Оспашковъ въ древности по имени Князя назывался Сполбовъ; а когда Кн. Владиміръ Андреевичъ пожаловалъ оный своему воеводѣ, тогда проименовалъ его Оспашковымъ (23).

Положимъ, что Князь Изборъ вымышленъ по Изборску; но не уже ли и Владимірецъ и Сполбовъ придуманы послѣ? Кто дѣлалъ насыпь при сельцѣ Владимірцѣ? кто придумалъ въ древнихъ Писцовыхъ книгахъ назвать его пригородомъ, имя, которое доказываетъ, что и въ старину сохранялось преданіе, что шупъ былъ некогда городъ?

Истинна ли лѣтопись Іоакима, или подложна; вѣроятны ли повѣствованія св-

(22) Тамъ же. I, прим. 12.

(23) Тамъ же.

верныхъ писателей, или подвержены сомнѣнію; существовали ли Вандаль, Владиміръ и Буривой, или нѣтъ: но существованіе Руссы и Изборска, существованіе обшпели Сполбенской и Владиміръца, ошпашки Славенска и древняго капища въ Холмоградъ бывшаго (24), переживъ лѣпо-

(24) Шведскій историкъ Снорро Стурлезонъ, ум. 1240, полагаетъ Холмоградъ на устьѣ Двины, тамъ гдѣ нынѣ Холмогоры. Тамъ полагаетъ, что Холмоградъ (или Колмоградъ (*)), какъ онъ его называетъ) былъ тамъ, гдѣ нынѣ село Бронницы, при рѣкѣ Мсѣ, на большой Московской дорогѣ. Догадку сію основываетъ онъ на близости сего мѣста отъ Новагорода (35 верстъ) и на томъ, что на вершинѣ холма близъ Бронницъ, гдѣ нынѣ приходская того села церковь, находится водомешный ключъ и ошпашки земляной насыпи. (Тамъ I, прим. 22.) Елаг. опровергая мнѣнія Снорра и Тамъ полагаетъ, что Холмоградское капище было между Новагорода и Сп. Руссы, на рѣкѣ Явоніи, съ западной стороны въ Ловашь близъ устья сей послѣдней впадающей, гдѣ и по нынѣ видны ошпашки монастыря,

(*) Тамъ читаетъ Колмоградъ, производя сіе отъ Сарматскаго *третій* городъ. Положимъ, что Колмо есть слово Сарматское, но градъ есть чистое Славенское. Не уже ли названіе сего города составлено было изъ двухъ споль различныхъ языковъ? Оставя въ покоѣ Сарматскій языкъ, Холмоградъ и на Славенскомъ имѣетъ весьма хорошее значеніе, ш. е. *городъ на холмѣ*, что и съ мѣстнымъ предложеніемъ согласуется.

писи и преданія пѣхъ временъ, служатъ намъ доказательствомъ бышя Славянскаго владычества на свѣрѣ и вѣрояшности повѣствованія объ ономъ!

Но оставимъ баснословныя времена и обратимся къ повѣствованію, которое признается несомнѣннымъ.

Несторъ о началѣ Русскаго Государства повѣствуетъ слѣдующее: Варяги брали дань съ Славянъ, Чуди, Мери и Кривичей. Въ 862 г. народы сіи возспали на Варяговъ, прогнали ихъ за море, опреклись платить дань и начали управляться сами собою. Но у нихъ не было никакихъ законовъ, родъ

въ древности *Демоножъ* называвшагося; а отъ Мшты къ югу нарочитой высоты гора, на которой видны остатки каменной ограды и въ срединѣ спуденецъ съ водометомъ, или ключемъ, близъ котораго каменная равнина. По симъ остаткамъ, а равно и по названію *Демонъ монастырь* (ибо идолы бѣсами, а волхвы демонами, не токмо по суевѣрію народному, но и въ Миней Чехи на многихъ мѣстахъ называющся) полагаешь, что въ глубокой древности на семъ мѣстѣ было капище, или обитель жрецовъ. Съ сей высоты, гов. Елаг., видѣнъ чрезъ Ладожское озеро (вѣрояшно Ильмень) Новгородъ, и хощя сухимъ путемъ отстояшь отъ онаго въ 30 верстахъ, но водою, въ хорошую погоду, можно въ часъ достигнуть. Кн. I. гл. I. въ прим. къ § 6 му.

возспалъ на родъ, несогласіе и раздоръ во дворились между ими и породили междоусобныя брани. Ужасы междоусобія (и совѣшны Гостомысла) побудили ихъ искать въ чужихъ странахъ владѣтелей. Они отправили посольство къ Варяго-Руссамъ и пригласили къ себѣ прехъ брацѣевъ на княженіе: Рюрина, Синеуса и Трувора, которые къ нимъ и пришли съ роды своими, *ловъ съ собою дружину многу* (25). Рюрикъ основалъ пребываніе свое въ старой Ладогѣ, Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Чрезъ два года попомъ Синеусъ и Труворъ умерли. Рюрикъ, оставшись одинъ (и успѣвъ укротить возникшее возмущеніе Славянъ Новгородскихъ), перенесъ столицу свою въ Новгородъ и учинился самодержавнымъ властителемъ всей страны (26).

(25) Въ Радз. и Ипаш. сп. сказано *всю Русь*; но Шлец. Т. I. гл. XX замѣчаетъ, что въ другихъ спискахъ, сказано гораздо основательнѣе *дружину многу*.

(26) По сказанію Іоак. выборъ сей сдѣланъ по совѣшу Гостомысла, который, умирая безъ наслѣдія мужеска пола, присовѣщивалъ избрать послѣ себя на княженіе дѣшею дочери своей Умилы. Положимъ, что все сказаніе Іоак. ложно; однакожъ при первомъ возрѣніи не лзя не согласишся съ мнѣніемъ Болш., что призваніе Рюрика на княженіе, по причинѣ родства его съ Гостомысломъ,

Разсмопримъ сїе сказанїе во всей подробности:

Варяги брали дань съ Славянъ, Чуди, Мери и Кривичей. Сїи народы наконецъ успыдились своего порабощенїя, опреклись плашпшь дань, и даже Варяговъ (вѣроятно *остававшихся* для сбора подапей) прогнали за море. Тогда начали они управляпшься сами собою (ибо до шолъ были подвластны Варягамъ); но сїи народы не умѣли пользовапшься свободою. Внутреннїя раздоры, смяшенїя воспали между ими. Ужасы междоусобїя принудили ихъ опречься своей свободы и искапшь Князей, копорые бы ими управляли.

Произшествїе необычайное, которое не согласуетъ съ національнымъ самолюбїемъ, съ гордоспїю свойспвенною республиканцамъ, съ характеромъ народовъ взрощенныхъ въ дикой свободѣ, и сїю свободу предпочитающихъ всякому благоустройспву! Неспоръ приписываетъ сїю перемѣну самопроизвольному рѣшенїю Славянъ; однакожъ съ трудомъ можно согласпшься, чшобы сїе рѣшенїе ихъ было произвольно,

правдоподобїе и сходнѣе съ обстоятельспвами, нежели сказанїе Неспора; ибо по Юак. и родъ Рюрика и поводъ къ избранїю его извѣстны, а по Неспору и шю и другое *оснается въ темнотѣ*.

самое возмущеніе ихъ пропивъ власпишелей, ими приглашенныхъ, подшверждаетъ сію догадку.

Кого же призвали Славене для учрежденія порядка на ихъ конахъ, для водворенія суда и правды въ ихъ грядняхъ, для укрощенія своевольства необузданнаго народа, мяшущагося на обширныхъ спогнахъ велиаго града? Тѣхъ же самыхъ Варяговъ, тѣхъ же самыхъ ушѣснителей своихъ, которыхъ не задолго предъ шѣмъ изгнали! Непоспимое, несообразное съ еспешвеннымъ ходомъ вещей произшесшвіе!

Пришли при брапа на княженіе, но гдѣ же основали свое пребываніе? Не среди той спраны, для управленія копорой были призваны; не въ великомъ градѣ, гдѣ должны были учредитъ судъ и правду, и ошкуда удобнѣе могли бы управлять всѣми часпями сего довольно обширнаго Государства: но избрали для пребыванія своего города пограничные. Пришли не какъ судьи мира и правды, добровольно приглашенные и огражденные закономъ, но какъ враги огражденные сонмомъ воевъ; ибо какъ понимать иначе слова *лявъ дружину многу*, ежели не шакъ, что они пришли со множествомъ войска? Пребывая на границѣ, могли ли они укрощитъ мяшущіеся сонмы

Славенѣ Новгородскихѣ, сильнѣйшей партіи изъ четырехѣ совокупленныхѣ народовѣ?

„Но Славене, говорящѣ Историки (27), „не впустили Варяговѣ въ средину своей „области, опасаясь, чѣобы они не упо- „пребили во зло своей силы.“ „Самѣ Рю- „рикѣ, говорящѣ другіе (28), изъ пред- „осторожности не хотѣлъ жить въ Новѣ- „городѣ, опасаясь своевольства Славенѣ.“ Обясненія сїи вмѣсто желаемой ясности еще болѣе зашмѣвающѣ истину. Славене сами призвали Рюрика и сами усомнились впустишь его въ Новгородѣ? Рюрикѣ по доброй волѣ пришелѣ на княженіе, и боялся жить въ Новгородѣ? Норманы (если бы они и не знали прежде дороги къ Новгороду) вообще были не шаковы, чѣобы опасаться жить между народомѣ, который и прежде былѣ имѣ покоренѣ!

„Но при брата, говорящѣ (29), при- „званы не княжить, а токмо охраняшь „границы.“ Какѣ? народѣ, который имѣлъ сполько силы, чѣобы свергнушь съ себя

(27) Елаг. кн. II. стр. 150. Болш. въ Прим. на Щ. I, 177. Даже Шлец. ешаго мнѣнія, см. Несп. I, гл. XVIII.

(28) Лом. Ч. II. гл. I.

(29) Шлец. въ Несп. I, 305 и 306, и Болш. въ Прим. на Щ. I, 176.

иго утѣснителей, не имѣлъ столько силы, чтобы охранить себя отъ насильственныхъ вторженій? Народъ, который осмѣлился восстать противъ непобѣдимыхъ Нормановъ, которыхъ имени вся Европа шепетала, сей храбрый народъ долженъ былъ искать наемниковъ для защищенія своихъ границъ? И кого же онъ избралъ для охраненія своей безопасности? Того самаго, чьи цѣпи онъ распорѣ и съ посрамленіемъ съ себя свергнулъ! сему самому врагу своему поручилъ онъ добровольно свою защиту! И отъ кого же защищать вызваны Варяги? Отъ Чуди, Пермьковъ и Варяговъ! Вызвать Варяговъ для защищенія отъ Варяговъ! Надобно признаться, что такое дѣйствіе, удаленное отъ всякаго здраваго разсужденія, превосходитъ даже легковѣріе Древлянъ въ сказкѣ о мщеніи Ольги!

Не уже ли ложный стыдъ заставилъ лѣтописателя скрыть истину, или онъ не зналъ ее? Не уже ли ложный стыдъ заставилъ Историковъ слѣпо сему слѣдовать? Не уже ли постъ же ложный стыдъ заставилъ и насъ, по прошествіи X столѣтій, скрывать истину? Не уже ли слава Опечесова нашего, превознесеннаго предъ всѣми другими державами, можетъ померкнѣть отъ того, если откроемъ сію исти-

ну, если скажемъ, что Государство Русское основано не добровольнымъ приглашеніемъ, но силою оружія Нормановъ (30)?

Славяне свергнули съ себя иго Нормановъ. Сіи послѣдніе, не приобыкшіе къ такимъ поступкамъ, вооружились, собрали большое войско и полетѣли опмсишишь свою обиду. Я воображаю сихъ завоевателей, въ грозномъ величїи, въ бурную, мрачную ночь спрѣмлящихся на легкихъ *набойныхъ лодьяхъ* (31) своихъ по шумнымъ валамъ

(30) Что Рюрикъ силою разрушилъ Новгородское демократическое правленіе, о томъ ясно говоритъ Болш. въ Прим. на Ист. К. Щ. I, 178. Мил. въ Собр. Русск. Ист. . Сприт. Т. I. и Шлец. въ Несп. I, гл. XVIII, утверждающъ сію истину; но что Рюрикъ и въ Ладогу пришелъ не по добровольному приглашенію, кажется, Шлец. (сынъ) первый осмѣлился подать сію мысль въ своихъ Хронологическихъ таблицахъ. См. Нач. Рос. Госуд. шепр. II. табл. 2.

(31) Издатели Правды Руской 1792 и 1799 не знали, что такое *набойная лодья*. Они полагали: „судно съ палубою и съ мачтою, „каковыя съ поварами и съ разными влады- „ми по большимъ рѣкамъ ходятъ.“ Гл. 14. §. i. стр. 77. — Кругъ въ Ист. раз. о древ. Руск. мон. объявилъ весьма остроумную о томъ догадку. По мнѣнію его (въ подтвержденіе коего приводитъ онъ свидѣтельства многихъ современныхъ писателей) *набойная лодья* было плешеное судно, коего борта обивались кожею. §. VIII. 80-109.

Невы, копорой берега, блистающіе нынѣ златомъ, мраморомъ и порфиромъ, покрыты были тогда мрачнымъ лѣсомъ, и взору самаго безпрепешнаго завоевателя представляли одну ужасную пустыню. Какой волхвъ могъ предрѣчь тогда Рюрику, что на самыхъ сихъ водахъ, въ самой сей пустынѣ вознесется нѣкогда градъ, далеко превосходящій предметъ его желаній, столица пол-вселенной, надъ кою водворяшъ владычество его потомки!

Норманы ударили на предѣлы Новгородскіе. Трудно теперь рѣшишь, почему не простирали они далѣе своихъ завоеваній и удовольствовались покореніемъ прехъ порубежныхъ городовъ Сп. Ладоги, Бѣла озера и Изборска? Можетъ быть опасались проникнуть въ средину сей области, хотя раздражаемой внутренними смятеніями, но довольно еще сильной, чтобы имъ пропившись и заспавивъ дорого заплачивать за свою вольность. Укрѣпивъ сїи при города, они спокойно ожидали, доколѣ междоусобія ослабятъ силы Новгородцевъ. Въ сїе по самое время, можетъ быть, Славене Новгородскіе, видя новое нашествіе враговъ при внутреннихъ продолжающихся раздорахъ, присылали къ нимъ пословъ и сдѣлали шотъ договоръ, о которомъ Несторъ повѣствуетъ. По крайней мѣрѣ догадка

сїя будетъ имѣшь болѣе вѣрояшности; ибо въ семъ случаѣ они были уже вынуждены къ сему соглашенію, къ сей *уступкѣ* прехъ пограничныхъ городовъ, или крѣпостей, въ шой надеждѣ, что по укрощеніи междоусобїя они возвращашъ ихъ опять, а вмѣстѣ съ шѣмъ и свою вольность. По етому они были безсильны? Такъ; но если приняшь, что они добровольно пригласили Варяговъ, не задолго предъ шѣмъ изгнанныхъ; то тогда не только они будутъ не мощны, но и малодушны. Порокъ, чуждый характеру Русскихъ!

Наконецъ настало желанное время. Вадимъ храбрый соединилъ единомышленнѣе разперзанные раздоромъ умы, воспламенилъ сердца любовію къ Опечеспву, Новгородцы гошovy уже были грянушь во имя Опечеспва и свободы; но предусмотрительный Рюрикъ при первомъ извѣстїи о сей рѣшимости народа прислалъ съ своими Варягами, разсѣялъ толпы едва собравшихся защитниковъ свободы, предалъ смерти Вадима (32) и его сообщниковъ, и *на семь каменн* создалъ Державу, сей колоссъ, удивляющій и ужасающій вселенную! Смершь

(32) Кн. Хилк. въ Ядрѣ Рос. Исп. и Нехач. въ Нов. Ядр. Р. Исп. говоряшь, что Рюрикъ убилъ собшвенною рукою Вадима; но кпо имъ объ епомъ сказывалъ?

братъевъ споспѣшествовала его намбреніямъ и къ самодержавію, похищенному мудрою рѣшимостію, доставила ему единодержавіе всей полунощной спраны.

Но въ какомъ именно году сіе происходило? Лѣтописи и Испорики несогласны между собою. Многіе списки Неспоровой лѣтописи полагають пришествіе Варяговъ въ 862 г.; Архангелогородскій списокъ въ 863 г.; смерть Синеуса и Тривора, слѣдственно и начало единодержавія Рюрика, всѣ списки означаютъ *по двою же лѣту*. Испорики также не согласны: Тапищевъ, Ломоносовъ, Болшинъ, Кн. Щербатовъ и Левевъ пришествіе Рюрика полагають въ 862 г.; Елагинъ въ 861 г.; а Спришперъ и Шлецеръ (сынъ) въ 863 г.; — смерть Синеуса и Тривора, или начало единодержавія Рюрика, Тапищевъ, Левевъ и Шлецеръ (сынъ) въ 864 г.; Спришперъ въ 865 г.; Елагинъ смерть Синеуса и Тривора въ 864 г., а начало единовластія въ 865 г.; Ломоносовъ лѣтъ не означаетъ; а Кн. Щербатовъ смерть Синеуса и Тривора полагаетъ въ 865 г. (33).

(33) Ист. Там. II, 10-12. — Др. Рос. Ист. Лом. Ч. II. гл. 1. — Прим. Болш. на Ист. К. Ш. I, 27. — Ист. Рос. К. Ш. I, 184, 193, 195. — Hist. de Rus. p. Levesque I, 75, 87, 89. et suiv. — Оп. пов. о Рос. Елаг. К. II. §

Но впрочемъ Шлецеръ справедливо замѣчаетъ (34), что года сему происшествію опредѣлить невозможно; да и все лѣтосчисленіе до Рюриковой смерти, или върояннѣе до В. К. Игоря, который первый сдѣлался извѣстнымъ Византійцамъ, сомнительно. Вѣрно только то, что Варяги пришли около половины IX столѣтія.

Н. Брусиловъ.

12, 17, 20. — Ист. Рос. Гос. Сприш. I. 17, 21, 23. — Нач. Рос. Госуд. Шлец. шепр. II, табл. 2.

Для любопытства читателя прилагаю здѣсь таблицу, изъ которой яснѣе видѣть можно разность въ хронологіи Историковъ.

	Изн. Варяг.	Приш. Рос.	Возм. Новгор.	Смогр. Син. и Трув.	Смог. вд Новгр.
Там.	861	862	—	864	864
Елаг.	—	861	864	864	865
Лом.	—	862	—	—	—
Болш.	—	862	—	—	—
К. Щерб.	—	862	864	865	—
Сприш.	859	863	864	865	865
Зап. к. Р. Ист.	—	862	—	—	—
Лев.	—	862	862	864	864
Шлец. с.	—	863	863	864	864

(34) Несш. I, 315.

III. С М Ъ С Ъ.

Восломинаніе о Каліостро.

По случаю предспавленія новой оперы подъ названіемъ *Каліостро*, въ одномъ Парижскомъ журналѣ приводящъ на память нѣкоторыя поспунки сего славнаго плуша. Онъ умеръ въ Римѣ 1795 года, въ шюрѣмъ свяшой Инквизиціи. Жизнь его и смерть пеперь всѣми забышы. Немногимъ даже извѣстно, что Каліостро за нѣсколько лѣтъ до революціи приѣзжалъ въ Парижъ дурачить тамошнихъ умниковъ и пошупить надъ философами. Въ самомъ дѣлѣ странно, что мудрецы, забошившіеся обѣ исправленіи рода человѣческаго, дозволили обмануть себя проворному фигляру! Вольнодумцы, не вѣря священнымъ истинамъ, вѣрили шаиншвамъ плуша Каліостро! Тогдашнее время было эпохою шарлапанства; ибо люди пакъ называемаго большаго свѣша бродили во мракѣ лѣткомыслія, суевѣрія и невѣжества. Месмеръ вскружилъ геловы своими чудесами; всѣ бѣжали смотрѣшь въ его бадью, и восхищались звуками его гармоникки. Лунашки, духовидцы и пророки были въ чрезвычайной модѣ. Каліостро, котораго называли *великимъ коптомъ*, передъ носомъ Французской академіи опсправлялъ Египетскія шаиншва, и безжалостно дурачилъ цѣхъ, копорымъ Европа удивлялась: одному доспавлялъ

онъ свиданіе съ Цицерономъ, другому съ Клеопатрою; пошъ по его милосши ужиналъ съ Аспазією; иной пользовался бесѣдою и ласками Фрины! До такой степени доходило сумасбродство! Не смотря на то, благодаря философіи, плуша Каліостро не сожгли, а только напослѣдокъ посадили въ Басшилю. Въ Римѣ, гдѣ менѣе философовъ нежели въ Парижѣ, его предали суду Инквизиціи, которая приговорила его ко всегдашнему заключенію.

Каліостро родился въ Палермѣ. Подлинное имя его было Іосифъ Бальсамо. Онъ сперва долго путешествовалъ на востокъ, и не упореблялъ другихъ обмановъ кромѣ врачевныхъ. Но въ сѣверной Германіи нашелъ онъ умы, пригошовленные новою философією, и шамъ распроспранилъ свое ученіе и свои шаинства. Человѣкъ по природѣ своей долженъ чему-нибудь вѣришь; опнявши у него прежніе предразсудки, вы подвергаете его опасности бышь обманушимъ новыми плушнями какого-нибудь шарлапана. Если уже намъ никакъ невозможно обойтись безъ заблужденій; то слѣдуя правиламъ испинной философіи, будемъ по крайней мѣрѣ держаться шѣхъ, кои наименѣе вредны въ общежишіи.

Московскія записки.

Театръ. Января 31. *Електра и Орестъ, новая трагедія въ 5 актахъ, въ стихахъ и съ хорами, соч. г-на Грузинцова.* Содержаніе сей ужасной трагедіи съ перваго взгляду можешъ показашься недоспойнымъ

очищеннаго вкуса просвѣщенныхъ зрителей; но ежели разсудить, что знаменитѣйшіе стихотворцы классической древности, Эсхилъ, Софоклъ и Еврипидъ, обрабатывали его для умныхъ Аѳинянъ; ежели вспомнить, что многіе изъ числа извѣстнѣйшихъ новыхъ практиковъ, Кребильонъ, Вольперъ, Алфіери, воспользовались онымъ, дабы доставить удовольствіе своимъ современникамъ и можетъ быть потомству: то по необходимости признаваться должно, что нѣтъ въ мірѣ такого чудовища, котораго не лзя было бы украсить посредствомъ искусства. Царь Агамемнонъ, верховный вождь всѣхъ Греческихъ ополченій, отправляясь къ берегамъ Трои, долженъ былъ принести на жертву дочь свою Ифигенію: суевѣрные Греки думали, что симъ только однимъ средствомъ преклоняшь боговъ къ низпосланію имъ попутнаго вѣтра. Подъ симъ благовиднымъ предлогомъ, супруга его Клитемнестра возненавидѣла Агамемнона, предавшись хитрому соблазнителью Егиспу, которой помышлялъ о завладѣніи Аргосскимъ престоломъ. Агамемнонъ, послѣ разрушенія Трои возвратившійся въ свое царство, злодѣйски умерщвленъ Клитемнестрою и Егиспомъ. Царевна Електра, немогши спасти родителя, успѣла сокрыть малолѣтнаго брата своего Ореста, для того чтобы нѣкогда отмстить онъ за убійство Агамемнона. Сама она долго терпѣла оскорбленія отъ жестокой матери своей и ея сообщника. На послѣдокъ Орестъ, возмужавшій внѣ опечесства, нечаянно являясь по двадцатилѣтнемъ отсутствіи, и собственною рукою умерщвляетъ Егиспа и Клитемнестру. Помысливъ неможно безъ содроганія: сынъ и дочь убива-

юпѣ мать свою. Ешо уже слишкомъ прагматическое дѣйствіе! Но древніе конечно имѣли на своей спорѣ важныя причины, а особливо Софокль, котораго *Електра* изобилуетъ удивительными красотою. Во первыхъ для оправданія себя онъ могъ бы сказать, что смерть Клиземнестры и Егиспа справедлива, и что сіе ужасное приключеніе не очень пугало Грековъ, будучи имъ весьма извѣстно; далѣе, съ начала трагедіи зришель увѣдомленъ, что Орестъ дѣйствуетъ по рѣшительному велѣнію оракула и подъ защитою самаго Аполлона; наконецъ, въ трагедіи упоминается, что поступокъ сей служилъ какъ бы изъясненіемъ благочестія и покорности волѣ божеской. Въ наше время сіи баснословныя причины не могутъ имѣть особенной важности; но обычаи и мнѣнія подвержены переменамъ. Вѣроятно однакожъ, что и древніе неодобряли восклицанія Софокловой Електры, которая на сценѣ произносила ужасныя слова, въ то время когда братъ ея умерщвляетъ Клиземнестру: *Рази, удвой ударъ, ежели можешь!* Новые сочинители всячески старались приблизить развязку трагедіи къ нынѣшнимъ нравамъ и образу мыслей. Орестъ у нихъ убиваетъ Клиземнестру или нечаянно, или въ безпамятствѣ. Трагедія г-на Грузинцова принята здѣсь благосклонно въ первой и въ другой разъ (у Февраля). Въ особой критической статьѣ предложено будетъ безпристрастное о ней сужденіе.

Февраля 6. Дмитрій Донской, трагедія въ 5 актахъ, въ стихахъ, соч. г-на Озерова. Никогда и никому неприходила мысль спрашивать: откуда взято содержаніе трагедіи Дмитрій? Всѣмъ извѣстно безсмерш-

ное имя Донскаго Героя, всѣмъ извѣстенъ великій подвигъ его на Куликовомъ полѣ, подвѣданный для освобожденія Опечества отъ ига Ташарскаго. Слѣдовательно трагедія взята изъ исторіи? Казалось бы такъ, еслибъ исторія сохранила для насъ память о любви Димитрія и Ксеніи; но Великій Князь Московскій еще на пятнадцатомъ году своего возраста, за долго до сраженія съ Мамаемъ, сочелся со дочерію Князя Суздальскаго и Нижегородскаго, Евдокією Димитріевною, которая пережила своего супруга. И такъ любовь Великаго Князя и Княжны Ксеніи, любовь, на которой основана вся трагедія, есть нечто иное какъ стихотворный вымыселъ, совершенно противоположный историческому свидѣтельству. Сочинители трагедій обыкновенно или сами *изобрѣтаютъ* главное дѣйствіе, придумывая къ нему по своему произволу лица, характеры и всѣ обстоятельство, или же главное дѣйствіе, главные лица и главные характеры *заимствуютъ* изъ исторіи. Въ послѣднемъ случаѣ стихотворецъ по необходимости перемѣняетъ нѣкоторыя обстоятельство главнаго дѣйствія, чтобы дать ему драматической ходъ и правильность; но при всѣмъ томъ онъ никакъ не долженъ перятъ изъ виду историческаго правдоподобія, и какъ вѣрный подражатель природы непременно обязанъ въ спражайшей точности соблюсти нравы и обычаи того времени, къ которому относятся дѣйствующія лица его трагедіи. Съ обычаями времени Димитрія Донскаго едва ли совмѣстны любовныя приключенія, болѣе приличныя рыцарскому духу странъ южныхъ. Обычаи Русскихъ, занятыя у Византійскихъ Грековъ и попомъ у Ташаръ, не дозволяли Князьямъ думать

о любовныхъ извясненіяхъ, ни Княжнамъ заводить соблазнительныя знакомства. Тогдашнія дѣвицы сидѣли до замужства въ уединенныхъ перемахъ своихъ, дожидаясь той минуты, въ которую не собственноручно, но властью родительскою назначить имъ суженаго. Французскіе стихотворцы ввели въ обыкновеніе даже Греческихъ героевъ представлять влюбленными, вопреки образцамъ и правиламъ древнихъ. Что пользы въ прагической любви, когда неведешь она къ жалости и ужасу, къ симъ главнымъ испрашьямъ, которыя возбуждаютъ должна истинная прагедія? Для чего составлять прагедию изъ любовныхъ походовъ, когда они несомнѣсны съ обычаями лицъ историческихъ? Но ропотъ крипичи долженъ умолкнуть передъ краснорѣчивыми, удивительными стихами, находящимися въ прагедіи господина Озерова, а особливо гдѣ бояринъ Московской рассказываетъ объ единоборствѣ Темира съ Пересвѣпомъ и Челубейю съ неизвѣстнымъ воиномъ:

Незаметно сонъ бойцовъ Татарскихъ показался.
Предъ исполинами войскъ нашихъ духъ смѣшался.

Какъ вихри бурные рожденны среди горъ,
Черезъ степь пространную летящъ въ дремучій боръ,

И слабыя древа порывами ломающъ,
И сосны твердыя вверхъ корнемъ испоргающъ:
Такъ два богатыря Темиръ и Челубей,
Спряжась къ намъ въ полки чрезъ тысячи мечей.

Предъ ними спрехъ бѣжитъ, и съ ними смерть летаетъ

И мертвая гряда ихъ бѣга слѣды являетъ.

Таковы были богатыри Ташарскіе; чипашелю предоставляется судить о шѣхъ, копорые ихъ низложили. Искусное перо иногда не описываетъ всѣхъ предметовъ, когда чипашель самъ можетъ догадываться. Ничего нѣтъ въ рѣбе карпины низложенія огромнаго Челубея; кисть живописца неизобразила бы ее съ большею точностію :

Ташаринъ наконецъ бросаетъ щитъ тяжелый; И опшупивъ назадъ и въ двѣ руки принявъ Булашный длинный *мечъ*, *мечушаетъ*, что на-
павъ

Съ разбѣга скорого, безъ хитрости воинской Онъ раздвоитъ врага подъ силой исполинской. Спремился къ воину; сей зрѣшь грозу, и ждешъ; Ударъ уже надъ нимъ, ужъ на главу падешъ; Но воинъ опступилъ, мечъ въ воздухъ ударяешъ, И шагоспью своей Ордынецъ упадаешъ: Тушъ смерпю къ землѣ на вѣки онъ приникъ.

✽

Симъ, оканчивающія замѣчанія о театрѣ до будущаго Апрѣля. Наблюдатель нашъ не упомянулъ о многихъ предспавленіяхъ или за недосугами, или пошому что нехотѣлъ упоминашь о нихъ.

При нынѣшней книжкѣ, для любительей Нумизмашики, и единственнно для нихъ шолько, прилагаешся изображеніе двухъ медалей, выбиныхъ во Франціи: 1 й на завоеваніе Силезіи, а 2 й по случаю возспановленія богослужебныхъ обрядовъ. Обѣ срисованы съ карпинки, приложенной при одномъ Нѣмецкомъ журналѣ. Мы надѣмся, что объясненіе аллегорическаго смысла будешъ для нѣкоторыхъ чипашелей приапнымъ провожденіемъ времени.

Письмо къ Издателю.

(О бѣдномъ семействѣ.)

Орловской Губерніи въ городѣ Карачевѣ живешъ Типулярная Совѣшница *Анна Андреевна Яновская*, вдова бывшаго тамъ уѣзднаго казначея. Покойный мужъ ея, служа добропорядочно и честно, содержалъ себя однимъ жалованьемъ и почти ничего неославилъ бѣдному своему семейству. Скоро послѣ смерти его неушѣшная вдова, оставшаяся безъ пропитанія съ малолѣтними сиротами (двумя дочерьми, и двумя сыновьями), должна была продать пожизки свои для пополненія оказавшагося прошивъ чаянія въ казѣ недочета, копорый произошелъ опъ излишняго снижодительсва покойника: по добротѣ своей онъ склонялся иногда на прозбы служащихъ, и выдавалъ имъ впередъ жалованье. Насщупилъ срокъ платежа долгу, и бѣдная вдова принуждена была опдать домъ свой заимодавцу. Теперь живешъ она въ убогой хижинѣ и вмѣстѣ съ дѣтьми исправляешъ самыя грубыя, необыкновенныя для рукъ ихъ работы. Старшей дочери 16 лѣтъ. Прилѣжнымъ рукодѣльемъ своимъ она доставляешъ матери помощь и опраду. Безъ пособія нѣкоторыхъ благошворителей онъ должны были бы прибѣгнупъ къ послѣднему, шягоспнѣйшему средству: ходишь по міру. Со всѣмъ тѣмъ, грусныя взоры на будущую судьбу свою и малолѣтнихъ дѣшей, заставляющъ бѣдную мать часто проливать горькія слезы опчаянія.

Я не знаю лично ни г-жи Яновской, ни дѣтей ея; но имѣю достовѣрное свѣдѣніе

ѡ бѣдственномѣ ея положеніи чрезѣ посредство особѣ почтенныхѣ и вѣроятія достойныхѣ. Покорнѣйше прошу доставить къ ней прилагаемая деньги (*).

Да поспѣшатѣ сострадательныя сердца подать руку помощи и сему бѣдному семейству, оплакивающему свое несчастное существованіе; да поспѣшатѣ опереть слезы его, испоргнувѣ изѣ челюстей жестокой нищеты, и да превратятѣ вздохи горести его въ радостныя благословенія своихѣ благошворительей!

П. Б.

(*) Пятьдесятъ рублей. Они отправлены въ Карачевѣ къ г-жѣ Яновской. Усерднѣйше благодарю почтеннаго моего знакома за столь приятное для меня препорученіе. *Изд.*
№ 4. X

IV. ПОЛИТИКА.

О Вагабисахъ.

(Продолженіе.)

Военныя приготовленія Паши Багдадскаго.
Взятіе Имамъ - Гуссейна.

Наконецъ могущество Абдъ-Елазиса начало беспокоить Порту. Вся Општоманская Имперія состоишь изъ провинцій, почти всегда непокорныхъ и всегда мятежныхъ. Правительство не будучи въ силахъ удержать оныя въ повиновеніи, старается одну провинцію усмирять другою. Отъ того происходитъ, что Порта терпитъ мятежи, и нерѣдко даже подкрѣпляетъ слабое волненіе, чѣобы посредствомъ его воспротивишься сильнѣйшему. Такимъ образомъ Султанъ охраняетъ остатокъ власти своей чрезъ раздѣленіе частей ослабѣшаго своего могущества.

Въ 1798 году Порта начала заботиться о средствахъ прекратить успѣхи Вагабисовъ. Солиманъ, Паша Багдадскій, тогда получилъ приказаніе открытъ прошивъ ихъ непріятельскія дѣйствія. Онъ собралъ многолюдное войско и поручилъ надъ нимъ начальство всему Кайъ, кошорой послѣ Солимана сдѣланъ Губернаторомъ провинціи. Аравіяне племени Ель-Убейдова, непріятели Абдъ-Елазиса и его

законѣ, сопровождали Кайя; Мугамедъ Бекъ Шави, начальникъ ихъ, служилъ ему путе-
водителемъ, и Кайя вступилъ въ область Лаг-
зу, средопочіе Абдъ-Елазисова господства.

Дрейегъ, главной городъ Вагабисовъ, какъ
сказано, отдѣляется отъ Багдада пустынею
двенадцати-дневнаго путешествія. Чрезвычай-
ной жаръ и недостатокъ воды дѣлають пере-
ѣздъ сей весьма затруднительнымъ и опа-
снымъ, и Кайя достигъ Лагзы не иначе какъ
сѣ поперекъ множества людей; войско его одна-
кожъ все еще было довольно спршно. Вага-
бисы разбѣялись при его приближеніи, и самъ
Абдъ-Елазисъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ.
Онъ едва было не попался въ руки неприяте-
лямъ; но ему удалось Шеика Мугамеда Бека
Шави задобрить подарками, и Мугамедъ не
только отступился отъ союза съ Багдадскимъ
Пашею, но даже склонялъ его къ примиренію.
Али Кайя, также получивши дорогіе подарки,
заклучилъ миръ съ Вагабисами, которыхъ
могъ бы онъ истребить совершенно, и возвра-
тился въ Багдадъ съ богатою добычею.

Лишь только Абдъ-Елазисъ оправился по-
слѣ претерпѣннаго ужаса, какъ вдругъ снова
принялся за оружіе и возобновилъ завоеванія
свои покореніемъ Имамъ-Гуссейна, крѣпости,
которая сдѣлалась попомъ споль извѣстною
въ Европѣ.

Имамъ - Гуссейнъ, сынъ Алія и племян-
никъ пророка Магомета, убишь и погребенъ
близъ сего города. Аліевы послѣдователи со-
орудили ему памятникъ и поспроили городъ,
которой назвали его именемъ. Городъ сей раз-

зоренѣ былѣ Калифомѣ Мушавакеломѣ въ 851 году, попомѣ възстановленѣ Персидскими государями, принявшими ученіе Аліево. Послѣ того Шахѣ Исмаилѣ, родоначальникѣ династіи Сесевисовѣ, повелѣлѣ соорудитѣ при могилѣ Имамѣ - Гуссейна огромную мечеть, которую преемники его Шахѣ - Аббасѣ и Шахѣ - Надырѣ украсили. Сія мечеть, обогащенная приношеніями набожныхѣ Персовѣ, содѣлалась для нихѣ предметомѣ почитанія.

Вѣз городѣ Имамѣ - Гуссейнѣ, за шесть часовѣ пуши кѣ востоку отстоящемѣ отѣ Гиллы и отѣ развалинѣ древняго Вавилона, считается 7 или 8 тысячѣ жителей; онѣ состоитѣ подѣ управленіемѣ особаго чиновника, посылаемаго шуда отѣ Паши Багдадскаго. Солдаты Паши сего и нѣскольکو Персовѣ, ссоставляющіе гарнизонѣ крѣпости, и вообще всѣ жители города весьма преданы ученію пророка Алія; они ежегодно торжествуютѣ праздниѣ его, и ходятѣ на поклоненіе кѣ его могилѣ, находящейся въразстояніи пяти часовѣ отѣ города. Абдѣ - Елазисѣ дожидался сего праздника (20 дня Апрѣля 1802 года), въ который предположилѣ исполнитѣ свое намѣреніе.

Городѣ былѣ пустѣ. Вдругѣ являющіяся на 6000 драмадерахѣ 12,000 Вагабисовѣ и преодоlvаютѣ оставшихся солдатѣ, которые хотѣли было имѣ сопротивляться. Развѣренные симѣ сопротивленіемѣ Вигабисы во всей почности исполнили жестокія правила своей вѣры: безѣ исключенія всѣ мужчины были побиты; даже у беременныхѣ женщинѣ разрѣзывали шѣло, вынимали изѣ утробы и ду-

шили младенцевъ, чтобы неоспалось ни одной души мужескаго пола.

Въ сей ужасный день болѣе 3000 человекъ погибло. Грабежъ былъ чрезвычайной. Унизанное жемчугомъ покрывало на гробѣ Имама и всѣ приношенія Персидскихъ государей сдѣлались добычею грабителей; Вагабисы разрушили до основанія мечеть, разорили минареты, и даже взяли мѣдную позолоченную крышку, думая, что она вся сдѣлана изъ золота. Добыча, опвезена въ Дрейегъ на 200 верблюдахъ, и Абдъ-Елазису удалось исполнить свое намѣреніе такъ счастливо, что въ походъ сей, для него чрезвычайно прибыточный, не потерялъ онъ ни одного человека.

Расхищеніе Имамъ-Гуссейна произвело великой ужасъ въ Багдадѣ, и страшная вѣсть о немъ скоро достигла до мѣстопребыванія Персидскаго Государя. Фелъ-Али Шахъ отъносился къ Солиману Пашѣ и жестоко порицалъ передъ нимъ Кайю за поступокъ его во время похода къ Дрейегу. Онъ грозился послать свое собственное войско противъ Вагабисовъ, ежели Солиманъ не употребитъ самыхъ поспѣшнѣйшихъ мѣръ для ихъ истребленія. Паша торжественно обѣщался исполнить требованіе Шаха, и приказалъ собрать многочисленное войско изъ жителей своей губерніи; между тѣмъ полученныя отъ Порты повелѣнія дали болѣе дѣятельности симъ пригошвленіямъ, которыя однакожъ долго оставались безъ всякихъ слѣдствій Начальнику Вагабисовъ снова угрожали нападеніемъ, не имѣя впрочемъ упованія на свои угрозы.

Покореніе Мекки.

Между шѣмъ могущество Абдѣ - Елазиса день ото дня возрастало. Похищеніе изъ Имамѣ - Гуссейна сокровищъ распространило молву о его богатствахъ. Слухъ о сдѣланныхъ имъ жестокостяхъ поразилъ всѣхъ паническимъ ужасомъ. Абдѣ - Елазиса почитали непобѣдимымъ, и весь востокъ препеталъ отъ его имени. Тогда Абдѣ - Елазисъ началъ помышлять о покореніи Мекки. Мѣсто сіе, преимущественно у Турковъ названное святымъ градомъ, къ которому они обращаются, читая свои молитвы, въ чрезвычайномъ уваженіи у всѣхъ Османовъ, и отъ него Султанъ заимствуетъ главной свой титулъ. Мекка есть основаніе могущества Султанова и пвердыня его Имперіи, которая безъ нее устоять не можетъ. По крайней мѣрѣ вообще такъ думаютъ Османы, и предразсудокъ сей основанъ на торжественной молитвѣ, въ каждую пятницу читаемой въ Меккѣ и во всей Имперіи. Въ сей молитвѣ Султанъ именуется только *служителемъ обоихъ высокихъ арамовъ*, Меккского и Иерусалимскаго. Лишась Мекки, онъ потеряетъ главной свой титулъ, а съ нимъ и свое могущество.

Абдѣ - Елазисъ понималъ, сколь важно для него покореніе Мекки. Всѣ Мусульмане, которые усердно приемлютъ ученіе о рокѣ, должны сіе событіе признать очевиднымъ откровеніемъ божеской воли, а преобразитель, по приобрѣтеніи священнаго града, долженъ всѣмъ Туркамъ казаться посланникомъ неба. Для того онъ воспользовался раздоромъ между Ралебомъ, Шерифомъ Мекки, и братомъ его

Абделмаиномъ. Послѣдній имѣя наслѣдствен-
ное право на Шерифское достоинство, при-
нужденъ былъ уступить оное младшему сво-
ему брату. Онъ прибѣгнулъ съ просьбою о за-
щитѣ къ Абдъ-Елазису, которой написалъ къ
Ралебу, чтобы достоинство свое отдалъ Абдел-
маину. Ралебъ опослалъ письмо обратно съ
презрѣніемъ. Тогда Абдъ-Елазисъ немедленно
отправилъ къ Меккѣ 100,000 Вагабисовъ,
подъ начальствомъ старшаго сына своего
Сеуда.

Первымъ подвигомъ Сеуда было покореніе
Тайефа, небольшого города, за двенадцать ча-
совъ отстоящаго отъ Мекки, окруженнаго
множествомъ источниковъ. Окрестности его
производятъ овощи, плоды и виноградъ весь-
ма приятнаго вкуса, и такія большія дыни,
что одною двенадцать человекъ могутъ на-
сытиться. Мекка, по своему положенію не-
имѣющая такого изобилія, пожиралъ почти
всѣ сіи произведенія, которыми снабжаютъ
себя также и караваны, ежегодно сюда при-
ходящіе. Покореніе Тайефа на всѣхъ навело
чрезвычайный ужасъ, которой еще болѣе уве-
личился при извѣстіи объ умерщвленіи 1500
человекъ Жидовъ и Турковъ. Шерифъ Ралебъ
небудучи въ состояніи защищать Мекку, вы-
ступилъ противъ Сеуда къ Тайефу; но слабое
войско его было разбило и принуждено воз-
вратиться въ Мекку.

Въ то самое время Абдалла, Паща Дамас-
скій и начальникъ каравана, съ молельщиками
своими былъ на дорогѣ къ Меккѣ. При Мака-
рибѣ, деревнѣ, лежащей въ пустынѣ въ раз-
стояніи двухъ дней отъ Дамаска, узналъ онъ

● покореніи Тийефа, и немедленно отправивъ пашарина въ Константинополь съ симъ извѣстіемъ, продолжалъ путь свой далѣе. За четыре дня отъ Мекки появился отрядъ Вагабисовъ, и подъ предлогомъ обыкновенной пошлины, платимой отъ каравана Бедуинамъ, потребовалъ въ четверо большую сумму. Абдалла отказалъ въ требованіи, напалъ на Вагабисовъ, и убилъ изъ числа ихъ 150 чело-вѣкъ. Однакожъ далѣе идти онъ не рѣшился, не узнавши напередъ о намѣреніяхъ Сеуда; и для того написалъ къ нему письмо, просилъ извиненія, и спрашивалъ, можешь ли безопасно вступить въ Мекку.

Сеудъ не разсудилъ заблаго объявить себя противникомъ Султана. Онъ ласково принялъ посланіе Абдаллы, и сопротивленіе его призналъ справедливымъ. „Я не съ побою воевать намѣренъ, написалъ онъ къ Пашѣ Дамасскому: но пришелъ наказать Ралеба. Ты можешь съ караваномъ своимъ идти въ Мекку, и я позволяю тебѣ три дни пребыть въ семъ городѣ. По истеченіи сего срока я самъ приду въ Мекку и отдамъ Абделману принадлежащее ему достоинство.“ Побужденный столь ласковымъ расположеніемъ Сеуда, Абдалла послалъ къ нему Адама Еффендія. Ешопъ Шеикъ, бывший прежде Кадіемъ Іерусалимскимъ, отправленъ изъ Константинополя отъ Дивана къ военачальнику Вагабисовъ, съ препорученіемъ объяснить ему благоволеніе высокой Порты. Адамъ Еффендій имѣлъ сверхъ того тайное повелѣніе посѣять несогласіе между начальниками Вагабисовъ, и такимъ образомъ ослабить ихъ могущество. Съ тѣхъ поръ ничего неслышно было о несчастномъ Адамѣ, копо-

рой вбрюжно сдѣлался жерпвою Турецкой полишки и нестерпимости новаго лжеучителя.

Въ продолженіе сихъ переговоровъ Ралебъ перебѣжалъ изъ беззащитной Мекки къ Абдаллѣ и просилъ его принять на себя посредство къ заключенію мира. На предложеніе о мирѣ Сеудъ отвѣчалъ съ гнѣвомъ, что Абдалла не долженъ мѣшаться въ спорное дѣло, что ему дозволена пребыть только три дни въ Меккѣ, и что по прошествіи сего времени онъ Сеудъ придетъ въ Макку за головою Ралеба. Абдалла въ самомъ дѣлѣ на третій день вышупилъ изъ города, и отправился къ Мединѣ, а отшуда въ Джедду.

Между тѣмъ Сеудъ съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ двинулся къ Меккѣ, и торжественно безъ сопротивленія вступилъ въ сей городъ въ первыхъ числахъ мѣсяца рамадана 1217 года Егиры (25 Декабря 1802); съ жителями обошелся онъ милостиво. Мениль Еффендій, Кади Меккскій, объявилъ себя вѣрнымъ послѣдователемъ исламизма, и былъ умерщвленъ, равно какъ и двадцать шейковъ, которые вмѣняли себѣ въ честь кровію запечатлѣть свое исповѣданіе. Въ то же время Сеудъ, исполняя правила своего ученія, приказалъ разрушить гробницы внутри и внѣ города. Незабывъ онъ также воспользоваться богатствами священной Кабы. Великолѣпное, золотомъ и шелками вышитое покрывало велѣлъ онъ снять съ гробницы Авраамовой, а на мѣсто его положить другое изъ листьевъ пальмоваго дерева. Но разрушить Авраамовой гробницы онъ не отважился, потому что всѣ

Аравияне свято уважають память сего угодника, и почишаютъ его самымъ старшимъ изъ своихъ шейковъ.

Обогапившись добычами въ Меккѣ, Сеудъ началъ думать о способахъ удержатъ за собою сей городъ. Абделмаинъ получилъ престолъ шерифской; но чтобы достоинство шерифа не состояло въ пустомъ шишѣ и впредь зависѣло бы отъ Вагабисовъ, Сеудъ оставилъ въ крѣпости своего чиновника съ 400 воиновъ, а самъ отправился къ Джеддѣ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.)

Обозрѣніе заграничныхъ произшествій.

Указомъ Французскаго Императора повелѣно принять въ казенное вѣдомство дѣланіе и продажу табаку. Исчислено, что государственный доходъ отъ сей части будетъ проспираться до 80,000,000 франковъ, и поному правительству предполагать уменьшилъ подушныя и поземельныя подати на сумму, равную упомянутому доходу. Въ указѣ достойно примѣчанія между прочимъ слѣдующее: „Нужды наши пребудутъ не болѣе 600,000,000 фр. во время мира, и 900,000,000 во время войны на моряхъ; статься можетъ, что онѣ попребудутъ 1,100,000,000 при обстоятельствахъ крипическихъ и чрезвычайныхъ; въ такомъ случаѣ когда подданные наши должны были бы защищать цѣлостъ имперіи и честь нашей короны. Для достиженія къ сей цѣли

намъ ненадобны ни займы, ни продажа чего-либо, ни новые налоги. Только увеличеніе или уменьшеніе тарифа налоговъ достаточно будетъ для произведенія сего важнаго слѣдствія.“ — Маршалъ Бессьеръ, Дюкъ Испрійскій, отправился въ сѣверную Испанію для принятія тамъ начальства надъ Французскою арміею. — Въ Парижѣ получено извѣстіе о покореніи Испанской крѣпости Торшозы, въ которой найдено большое количество аммуниціи и сѣстныхъ припасовъ. — Въ опроверженіе несправедливыхъ извѣстій, распространяемыхъ Англичанами, въ Монитерѣ сказано рѣшиительно, что *отношенія между Франціею и державами твердой земли никогда не были такъ же* (les relations entre la France et les puissances du continent n'ont jamais été plus intimes).

По изслѣдованіямъ учрежденной въ Вѣнѣ Коммисіи для уничтоженія ассигнацій оказалось, что оныхъ было выпущено до нынѣ на 1,050 милліоновъ.

При засѣданіи Нижняго Парламента 11 числа Января отъ Канцлера казначейства сообщено членамъ, что Принцъ Валлійскій согласился принять на себя регентство со всѣми ограниченіями, которыя назначены Парламентомъ. Отъ Е. В. Королевы также полученъ удовлетворительный отзывъ на предположеніе обоихъ Парламентовъ касательно попеченія о Королѣ во время его болѣзни.

Наслѣдная Принцесса Шведская съ Принцомъ Оскаромъ, сыномъ своимъ, прибыла

въ Стокгольмѣ при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Ея Высочество немедленно по приѣздѣ своемъ посѣдила Короля и Королеву.

~~~~~

Разныя извѣстія.

Въ одномъ Нѣмецкомъ журналѣ (Miscellen für die neueste Weltkunde) подѣ спашью изъ Рима написано: „При укладываніи галлерей и аншиковъ сенатора Лукіана, не безѣ прискорбія. опасались новой пошери славнѣйшихъ художественныхъ произведеній. Къ послѣднимъ особенно причисляемы были прекраснѣйшія спашуи, найденныя въ древнемъ Тускулумѣ. Всѣ вещи были уже отвезены въ Чивиттуну Веккію; но по счастью, какъ носилъ слухъ, оныя неперенесены на корабль, а обратнѣо въ Римъ отвправлены.

Съ тѣхъ поръ какъ у Тирольцевъ отобрано оружіе, волки весьма расплодился между ними, и многихъ людей уже сѣбли.

Принцъ Валлійскій посѣтилъ Лорда Голланда, племянника Фоксова. Изъ того заключающъ, что онъ будетъ министромъ.

Во Французскихъ листкахъ помѣщенъ переведенный изъ Times длинный и обстоятельный отвѣтъ на разсужденія одного Англійскаго ветерана. Сочинитель весьма подробно и съ точностію описываетъ дѣйствія Французской арміи въ Португалліи. Въ тѣхъ же

листкахъ напечатана статья изъ Morning Chronicle, гдѣ планъ Наполеона признается обширнѣйшимъ всѣхъ, какіе ни были производимы въ дѣйство со временъ Тамерлана Великаго (Tamerlan-le-Grand).

Изъ Вѣны увѣдомляютъ за достовѣрное, что въ Иллирійскихъ провинціяхъ наложенъ секвестръ на Австрійскую собственность всякаго рода.

(Изъ Рижск. Зрил.)

15 Февраля.

КОНЕЦЪ IV ЧАСТИ.

При сей книжкѣ картинка.

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Я Т Ъ Д Е С Я Т Ъ П Я Т О Й Ч А С Т И .

Стран.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А .

Отрывокъ изъ LIII главы Гиббоновой Исторіи объ упадкѣ и разрушеніи Римской Имперіи.	3
Достопамятный сонъ. - -	81
Начало Греческой Исторіи, соч. Джиллиса. - - -	161
Отрывокъ изъ поученія Мосгейма.	243

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Гимнъ Солнцу. - - -	17
Къ Кораблю. - - -	20
Признанье. - - -	24
Чижъ и Роза. - - -	—
Премудрость. - - -	26
Двѣ пѣсни. - - -	92
Къ Амуру. - - -	95
На семь колечекъ. - - -	—
Отрывокъ изъ Семирамиды, Вольперовой трагедіи. - -	175
Мадагаскарская пѣсня. -	177
Сонъ ратниковъ. - - -	178
Осень. - - -	180
Къ N. В. С. - - -	182
Эпиграммы. - - -	186
Двенадцать спящихъ двѣхъ.	254

Спихи кѣ портрету Николая Николаевича Банпышѣ - Каменскаго.	- - - -	283

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Мысли о заведеніи въ Россіи Академіи Азіатской.	- - - -	27 и 96
О балетѣ.	- - - -	320
Разсужденіе объ Іуліанѣ отступникѣ.	- - - -	127
О поезіи древнихъ и новыхъ.	- - - -	187
Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго Государства.	- - - -	284

III. С М Ъ С Ъ.

О почитаніи Св. Николая во Франціи.	- - - -	53
Славянская старина.	- - - -	134
Отрывокъ изъ Свѣшскаго Кашизиса.	- - - -	212
Восточныя мысли.	- - - -	216
Пословицы.	- - - -	217
Воспоминаніе о Калиостро.	- - - -	317
Письмо къ Издашедю.	- - - -	324
Московскія записки.	57, 135, - - - -	218
- - - -	- - - -	и 318
Разныя извѣстія и замѣчанія.	- - - -	69,
- - - -	- - - -	142 и 231

V. ПОЛИТИКА.

О поступкахъ Англичанъ въ Португаліи.	- - - -	73

	Стран.
Выписка изъ Англійскихъ вѣдомостей. - - - -	146
Рѣчь наслѣднаго Принца Шведскаго, произнесенная къ депутатамъ Упсальск. Унив. -	152
О Вагабисахъ. - - -	233 и 326
Обозрѣніе заграничныхъ произшествій. - 77, 153, 241 и	334
Разныя извѣстія. - - -	336
Увѣдомленія. - - - -	80 и 243

N^o No. 4 Bbom. Espana 1811.

